

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2023 Том 20 № 2

МЕЖДУ ЛЕСОМ И СТЕПЬЮ: ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Приглашенный редактор

Арзаматов Алексей Андреевич, профессор, Казанский научный центр Российской академии наук, Российская федерация

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-2
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал
Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бакhtикиреева Улданий Макутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikirееva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Редакционная коллегия

Аминеева Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Канагардзае Суриш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучкова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажаа Чимза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндри — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранка Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хусев Ирил Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухун Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 19.06.2023. Выход в свет 23.06.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 16,58. Тираж 500 экз. Заказ № 673. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

BETWEEN THE FOREST AND THE STEPPE: LANGUAGES AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION AND THE URAL

Guest Editor

Aleksey A. Arzamazov, Professor, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

VOLUME 20 No. 2 (2023)

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zakhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Dr. Erzhen V. Khilkanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhumi, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Между Лесом и Степью: языки и литературы народов Поволжья и Урала /

Between the Forest and the Steppe: Languages and Literature of the Peoples of the Volga Region and the Ural

Арзамазов А.А. Урало-поволжские исследовательские контексты и перспективы /
Arzamazov A.A. Ural-Volga Research Contacts and Prospects 203

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

Максимов С.А. Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды / **Maximov S.A.** Beserman-Turkic Relationships: Based on the Names of Clothing Details..... 206

Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка / **Gilemshin F.F.** XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language 216

Гаврилов А.Д. Пунктуация в чувашской медиаречи / **Gavrilov A.D.** Punctuation in Chuvash Media Language..... 227

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА / LANGUAGE IN SYSTEM

Ившин Л.М. Некоторые названия «пчелиных домиков» в удмуртском языке XVIII века / **Ivshin L.M.** Some Names of “Bee Houses” in the Udmurt language of the 18th Century..... 240

Кузнецов М.Ю. Определение основы татарского глагола по его инфинитиву / **Kuznetsov M.Yu.** Determination of the Base of the Tatar Verb by its Infinitive 249

Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Национально-культурные особенности репрезентации концепта «война» в русской и чувашской языковых картинах мира / **Borisova L.V, Ivanova A.M. Chuyeva E.V.** National and Cultural Features Representations of the Concept of “War” in the Russian and Chuvash language Pictures of the World..... 261

Соловар В.Н. Семантика глаголов вращения в хантыйском языке / **Solovar V.N.** Semantics of Verbs of Rotation in the Khanty language 271

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА / THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Марийский национальный текст в русских переводах: на материале стихотворений Геннадия Ояра / **Starygina N.V., Kudryavtseva R.A.** Mari National Text in Russian Translations: Based on the Poems of Gennady Oyar 283

- Шаронов А.М., Шаронова Е.А.** Билингвизм в авторском переводе национального эпоса: на материале «Масторавы» / **Sharonov A.M., Sharonova E.A.** Bilingualism in the Author's Translation of the National Epic: on the Material of "Mastorava" 298

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Ибрагимов М.И.** Как писать истории национальных литератур? / **Ibraghimov M.I.** How to Write the Histories of National Literatures? 312
- Загидуллина Д.Ф.** «Озын шигыр» в современной татарской поэзии / **Zagidullina D.F.** "Ozyn shigyр" in Modern Tatar Poetry 322
- Кондратьева Н.В., Ильина Н.В.** «Мы постим и постим, а лайкать поспеют за нами другие...», или Транслингвальные практики в творчестве Б. Анфиногенова / **Kondratieva N.V., Ilina N.V.** "We Post and Post, and Others Will Come to Like Us..." or Translingual Practices in B. Anfinogenov's Poetry 334
- Арзамазов А.А.** Эрзянская поэзия на Урале: художественный мир Дмитрия Таганова / **Arzamazov A.A.** Erzya Poetry in the Ural Region: the Artistic World of Dmitry Taganov 346
- Антонов Ю.Г., Кабанова Ю.В.** Билингвизм драматургического творчества А. Пудина / **Antonov Yu.G., Kabanova Ju.V.** Bilingualism of A. Pudina's Dramaturgy 358
- Пантелеева Е.В.** Солнце vs Луна в мифопоэтической картине мира удмуртского поэта-билингва Вячеслава Ар-Серги / **Panteleeva, E.V.** Sun vs Moon in the Mythopoetic Picture of the World of the Udmurt Bilingual Poet Vyacheslav Ar-Sergi 368

ОБЗОРЫ / REVIEW

- Подлубнова Ю.С.** Литературная жизнь и литературные бренды Екатеринбурга: ситуация конца 2010-х — начала 2020-х гг. / **Podlubnova Yu.S.** Literary Life and Literary Brands of Yekaterinburg: the late 2010s — early 2020s 379

ИНТЕРВЬЮ / INTERVIEW

- Арзамазов А.А., Созина Е.К.** Феномен литературы Урала / **Arzamazov A.A., Sozina E.K.** The Phenomenon of Ural Literature 394

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-203-205
EDN: NADXGI

Редакционная статья

Урало-поволжские исследовательские контексты и перспективы

Editorial Article

Ural-Volga Research Contacts and Prospects

Одно из приоритетных направлений современной отечественной гуманитаристики — исследование этнокультурного многообразия России, являющего собой уникальное духовное наследие. Языки, этнографические обыкновения, литературы, на разных семиотических ярусах отражающие традиционное мировоззрение и трансформирующееся мировосприятие народов, составляют многоликую целостность и самобытность российской цивилизации. Они интересны и сами по себе, и с точки зрения сопоставительного / параллельного рассмотрения: чтобы лучше познать, расслышать себя, нередко нужен голос другого, приближение далекого-непохожего. И если сравнительное языкознание располагает не просто значительным теоретико-методологическим инструментарием, сводящим языковые элементы различной степени родства, то литературоведение обладает менее устоявшимся компаративным опытом, многие техники прочтения, приемы сравнительного соотнесения только еще складываются, верифицируются, отбираются научным сообществом. Речь в первую очередь идет о литературно-художественных традициях народов России.

Пространство Поволжья, Урала, где на протяжении многих столетий в добром соседстве жили финно-угры, тюрки, славяне, привлекало и привлекает исследователей из разных областей гуманитарного знания многомерной реальностью интенсивно протекающей межкультурной

© Арзамазов А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

коммуникации, гармоничным сосуществованием и разноуровневым взаимодействием родственных и неродственных языков, стадияльно-типологическими параллелями и эстетической, этноментальной непохожестью литератур.

Специальный номер журнала, посвященный языкам и литературам народов Урало-Поволжья, показателен не только в плане выявления внутренних, сугубо национальных проблем, своих конструктов, но и *sub specie* осмысления «маршрутов» движения науки, в широком смысле сопряженной с национальными культурами. При всей кажущейся тематической эклектичности представленных статей просматриваются объединяющие авторов аналитические сюжеты: диалог языков, теория и практики билингвизма, сложности художественного перевода, формы проявления этнической идентичности, система концептов, контексты становления литературного языка, модели развития современных национальных литератур.

Примечательно, что билингвизм как феномен преимущественно интересует специалистов по финно-угорским языкам, словесности. Современные финно-угры Поволжья, Урала не просто живут в режиме национально-русского двуязычия — для многих этнофоров русский язык является в большей степени родным, освоенным. Финно-угорские писатели в своих творческих поисках также нередко переходят с родного языка на русский (особенно это характерно для мордовского этноса). Повышенное внимание к аспекту художественного перевода обусловлено как теоретической важностью данного направления, так и наличием богатого и разнообразного эмпирического материала, иллюстрирующего большое количество проблемных сфер и подводных течений при осуществлении переводческих трансферов. Исследователи из тюркоязычных республик сфокусированы на синхронных и диахронных реалиях языкового развития. Круг актуализируемых лингвистических контекстов — история языка, морфология, лексикология, семантика, лингвокультурология и др.

Литературоведческий блок включает в себя статьи, обращенные к истории и теории национальных литератур, их жанровым модификациям и лингвоэстетическим характеристикам, также рассматривается русская литература Урала на рубеже XX — XXI вв. Отдельное место в структуре номера занимает формат диалога / дискуссии. Именно этническая наполненность авторских миротекстов, художественных нарративов представляется нам общим знаменателем, задающим наиболее выразительный контекст прочтения анализируемых национальных литератур. Одни писатели сумели проявить глубины и высоты своей этнофилософии, другие осознанно / неосознанно утрачивали в художественном слове собственную исходную этническую идентичность, ее питательные ресурсы. На перекрестках Поволжья, Урала случается разное...

Этот номер, посвященный Поволжью и Уралу, продолжает собой замечательную традицию спецномеров, охватывающих значимые в аспекте гуманитарного понимания этнорегиональные зоны России. Идея создания таких специальных номеров принадлежит профессору У.М. Бахтикиреевой, которая много лет приглашает к сотрудничеству коллег из разных стран и российских научных центров, успешно реализует фундаментальные исследовательские проекты. Переход к Поволжью и Уралу случился после семиотического соприкосновения с культурным ландшафтом Северного Кавказа. И поэтому отдельные слова благодарности редактору-составителю «кавказского» спецномера профессору З.А. Кучуковой.

*Доктор филологических наук,
профессор А.А. Арзамазов*

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-206-215

EDN: LGMFQB

Научная статья

Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды

С.А. Максимов

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
✉ makseran02@yandex.ru

Аннотация. Бесермяне — малочисленный народ, расселенный в северной Удмуртии. Необычное сочетание тюркско-мусульманского самоназвания с финно-угорским наречием всегда вызывало неподдельный интерес к этому народу. Однако ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу происхождения бесермян. Цель исследования — выявить и систематизировать тюркские названия деталей традиционной бесермянской одежды, что позволит глубже изучить бесермянско-тюркские взаимосвязи и получить новые данные для разрешения этногенеза народа. В связи с этим настоящая работа представляется актуальной. Актуальность ее обуславливается также возможностью практического использования данных в культурно-просветительной, музейной работе, на курсах по краеведению. Материалом исследования послужили данные картотеки Т.И. Тепляшиной с полевыми записями бесермянской речи. Исследование проводилось преимущественно на основе описательного метода. Гипотеза о включении в состав бесермян тюркского компонента в результате межэтнических браков в целом нами подтверждена. В этногенезе бесермян достаточно отчетливо прослеживается участие чувашского компонента, который позднее сменяется татарским суперстратом. Булгаризмов среди исследованной терминологии не выявлено, однако они могли замениться соответствующими чувашскими формами в результате более позднего взаимодействия между этносами.

Ключевые слова: бесермяне, традиционная одежда, названия деталей одежды, тюркские заимствования, этногенез

История статьи: поступила в редакцию: 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Максимов С.А. Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 206–215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-206-215>

© Максимов С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Beserman-Turkic Relationships: Based on the Names of Clothing Details

Sergey A. Maksimov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Lomonosov st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
✉ makseran02@yandex.ru

Abstract. The Besermans are a small people settled in northern Udmurtia. The unusual combination of the Turkic-Muslim self-designation with the Finno-Ugric language always caused genuine interest in this people. However, scientists still have not reached a consensus regarding the origin of the Besermans. The purpose of this work is to identify and systematize the Turkic names of the details of traditional Beserman clothing, which allows us to study more deeply the Beserman-Turkic relationships, and to obtain new data to unravel the ethnic genesis of the Besermans. In this regard, this work is relevant. The relevance of our work is also due to the possibility of using data in cultural, educational, museum work and in local history courses. The main sources of study are materials of T.I. Teplyashina card catalogue with field records of the Beserman speech. The study was conducted predominantly using a descriptive method. In general, our research confirms the hypothesis about including of the Turkic component in the Beserman ethnos as a result of interethnic marriages. The Chuvash component, which was later replaced by the Tatar superstratum, is quite clearly traced in the ethnogenesis of the Besermans. We have not identified lexical bulgarisms among the studied terminology however they could be replaced by analogous Chuvash word forms as a result of later interaction between ethnic groups.

Key words: Besermans, traditional clothing, names of clothing details, Turkic borrowings, ethnogenesis

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Maximov, S.A. 2023. “Beserman-Turkic Relationships: Based on the Names of Clothing Details”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 206–215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-206-215>

Введение

Бесермяне — малочисленный народ, расселенный в северной Удмуртии: в нескольких сельских районах и городе Глазове. Этот народ издавна привлекал внимание исследователей, что связано с особенностями этнической группы. С одной стороны, самоназвание *бесерман* ассоциируется со словами *басурман* ~ *бусурман* ~ *мусульман(ин)*, что

может указывать на возможную связь с тюркско-мусульманским миром, хотя и верующие бесермяне ныне относят себя к христианам. С другой стороны, этот народ говорит на одном из наречий удмуртского языка, который, как известно, относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу происхождения бесермян. В этом вопросе в целом преобладают две точки зрения. Первая из них предполагает, что бесермяне — это первоначально тюркский народ (булгары, чувашаи, татары), воспринявший удмуртский язык. Вторая точка зрения исходит из того, что бесермяне — это удмурты, подвергшиеся сильному тюркскому влиянию [1. С. 6–22; 2. С. 3–13; 3. С. 185–187; 4. С. 87–88; 5. С. 53].

Цель настоящей работы — выявление и систематизация тюркских названий деталей традиционной бесермянской одежды. Описанию удмуртской народной одежды посвящено достаточное число научных работ. Одно из ранних детальнейших исследований в данном направлении — монография известного этнографа В.Н. Белицер «Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу» [6]. Наряду с описанием костюмных комплексов разных локальных групп удмуртов в книге значительное место отведено традиционной бесермянской одежде, которая становится объектом рассмотрения также в более поздних исследованиях [7; 3; 8]. Однако во всех имеющихся работах, посвященных народному удмуртскому костюму, в первую очередь проводится этнографическое описание самих элементов одежды, а исследованию их наименований придается вторичное значение. В связи с этим данная работа представляется актуальной. Актуальность ее обуславливается также возможностью использования результатов исследования в практической деятельности: в культурно-просветительной и музейной работе, а также на курсах по краеведению.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили полевые записи бесермянской речи, хранящиеся в виде картотеки в научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН¹. Кроме этого, были использованы работы авторов, в которых описана традиционная удмуртская и бесермянская одежда.

Основным методом исследования послужил описательный метод. В работе широко применялся ареальный аспект — фиксация названия деталей одежды производилась не только в бесермянском, но по возможности также среди различных этнотерриториальных групп удмуртов. Был использован также (частный) метод этимологического анализа.

¹ Картотека составлена Т.И. Тепляшиной.

Обсуждение

В статье рассматриваются термины, связанные с названиями деталей традиционного костюма бесермян. Помимо собственно элементов одежды в список включены названия украшений, а также понятия, связанные с изготовлением и отделкой. Анализируемые термины даны полужирным шрифтом, в скобках уточняется чтение с помощью финно-угорской транскрипции. После перевода приводятся материалы из монографии Т.И. Тепляшиной [1], далее — рукописные материалы ее картотеки, за которыми стоит аббревиатура (ПМТ) — полевые материалы Тепляшиной. Графическая система записей сохранена. В целом их прочтение не представляет особой трудности, однако следует отметить, что буквой *ө* обозначена неогубленная гласная фонема заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема, акустически близкая к чув. *ǎ*, тат. *ы*. Надстрочный знак (*°*) представляет собой ее редуцированный вариант. Далее приводятся лексикографические материалы разных диалектов и имеющиеся этимологии слова. После этого при необходимости нами даются краткие комментарии, а также предлагается собственная этимология для тех терминов, у которых она отсутствует или выглядит сомнительной.

1. **бетлөк** (*betlâk*) ‘бетлык (завязка для закрепления женского головного убора кашу)’: *betlökaz gurulaz d'is'alo kaşpuzze voz'°nө*. ‘Бетлыком под подбородком завязывают кашпу’ (ПМТ); < чув. *нитлөк*, тат. *битлек* ‘сетка (в пчеловодстве)’, ‘маска’ < *нит* / *бит* ‘лицо’ + суфф. *-лек* / *-лөк* < ‘то, что предназначено для лица’. Как элемент костюмного комплекса и его название, скорее всего, первоначально заимствовано у чувашей. Впоследствии звуковой облик мог испытать татарское влияние.

2. **задап** (*zadap*) ‘мелкая пуговица, пуговка’: *zadap* ‘тж.’ [1. С. 65]; *zadap vuro gad' šobret vөle*. ‘Мелкие пуговицы пришивают на планку, пришиваемую для закрытия разреза груди’ (ПМТ); < тат., ср. тат. *сэдәп*, диал. *задап* ‘перламутр, пуговица (из перламутра)’, *сэдәф* ‘перламутр’ < араб. [9. I. С. 151].

3. **зйяк** (*zajak*) ‘зьяк (узор в три нитки; поперечные тесемки для украшения)’: *зьяк* (бес.) — название шва в вышивке, состоящего из трех ниток [6. С. 121, 137]; *ziak hue sezөjaz, gad'az, sajөsaz*. ‘Поперечная из ситца полоска пришивается на подоле, на груди и на рукавах’ (ПМТ); < тат. *зийяк* ‘тесьма, нашиваемая на женскую одежду’ [10. С. 138].

4. **зөбөн** (*zöbөн*) ‘зыбын (верхняя женская одежда из домотканого сукна или шерсти), зипун’: *zөbөн* ‘зыбын’ [1. С. 181]; *zөbөн merc'an d'erälis' vuro*. ‘Зипун шьют из холста расчесанного волокна’ (ПМТ); удм.: южн. бес. *зыбын* — женская летняя шерстяная одежда [6. С. 50, 103, 137]; удм.: южн. < булг.: чув. *сǎпǎн* ‘женский суконный кафтан, поддевка’ [11. С. 58]; < тат. *зыбын*, чув. *саппун* ~ *сǎпǎн* < рус. *зипун* < араб. *жүббун* [9. I. С. 290]. Полагаем, что южноудмуртское, а также современное бесермянское слово следует отнести к татарским заимствованиям. Однако описываемая реалья, как и некоторые

другие элементы традиционного бесермянского костюма, первоначально могла быть воспринята от чувашей.

5. **изма** (*izma*) ‘изма (*рельефные полосы, нашитые поперек к грудному разрезу рубахи*): *изма* ‘название шва в виде плетеного шнура’ [1. С. 46]; бес. *изма* < тат. *измә* < *изу* ‘шить, делая зигзагообразные строчки’, *ызма* ‘зигзаг в узорах; прошивка с зигзагообразным узором’ [3. С. 189; 9. I. С. 295].

6. **кабачи** (*kabaĉi*) ‘женский вышитый нагрудник’: *kabaĉi* ‘нагрудник (часть женского костюма)’ [1. С. 100]; бес. *кабачө* ‘нагрудник (фартука)’ [12. С. 171]; бес. *кабачө* ~ *кабачөк* ‘тж.’ [13. С. 120]; сев. *kabawt’si* ~ *кабачи* ‘нагрудник пожилых женщин’ [14. С. 86; 6. С. 45–47]. Финский лингвист Ю. Вихманн относил к татарским заимствованиям [14. С. 86]. Однако подобного слова в татарском нами не найдено. Вероятно, первоначально слово заимствовано из языка чувашей в форме **кобөчө* < чув. **хонăчă* ~ *хонăлчă* ‘крышка, покрывка’. Впоследствии гласный первого слога видоизменился под влиянием татарских слов *капу* (*қабу*) ‘закрывать, прикрывать’, *капкач* ‘крышка, покрывка’.

7. **калап** (*kalap*) ‘моток (*пряжи*): *kalap* ‘тж.’ [1. С. 65, 99]; *şorkod so kalap ğ’okton*. **şorkod* — это то, куда наматывают пряжу’ (ПМТ); бес. *калап* ‘моток шерсти’ [12. С. 172] < тат. *кәләп* ‘моток пряжи’ [9. I. С. 392, 413].

8. **камали** (*kamal’i*) ‘камали (*вид перевязи*): *kamal’i* ‘нагрудник [из серебряных монет]’ [1. С. 253]; бес. *камальө* ‘перевязь (*расшитая монетами лента, которую женщины носили через плечо как украшение*)’ [12. С. 174; 13. С. 120]; пюж. *камали* ‘тж.’ [15. С. 85]; сев. *камали* ‘перевязь’ [6. С. 77, 138]. По мнению доктора филологических наук М.Г. Атаманова (личное сообщение), данное слово может восходить к осетинскому *камари*. Однако в осетинском языке названное слово заимствовано из грузинского, в котором является персидским проникновением: осет. *katari* ‘женский пояс’ < груз. *katari* ‘пояс’ < перс. *katâr* ‘тж.’ [16. С. 570]. Более вероятным представляется заимствование из татарского языка, в который рассматриваемое слово также проникло из других языков: *кэмэр* ‘украшенный пояс (военного чина, жениха, невесты)’ < тур. < перс. *камар* ~ *кэмэр* ‘пояс’ [9. I. С. 395]. Звукопереход *p* > *l*, а также возникновение конечной гласной можно объяснить влиянием языка чувашей, с которыми у бесермян и завятских удмуртов в определенный период времени существовали тесные контакты: ср. чув. *кёмёллӗ* ‘имеющий серебро’. Гипотеза об изначальном заимствовании из болгарского или чувашского языка несостоятельна из-за вокализма тюркских соответствий, ср. тат. *көмеш* ‘серебро’ < **kütülĉ* [17. I. С. 273; 9. I. С. 449]. Булгарская праформа **kütül* в удмуртском не могла отразиться в облике *камал(и)*.

9. **касита** (*kaśita*) ‘касита (*вид перевязи*): *kas’ita* ‘вид украшения’ (ПМТ); ср.: тат. *хәситә*, диал. *каситә* ~ *касида* ‘амулет в форме четырехугольного или треугольного карманчика, пришиваемого к широкой тесьме’, диал. ‘монисто’. В татарском языке восходит к арабскому источнику [9. II. С. 388].

10. **качөк** (*kaśǎk*) ‘качык (вид ожерелья)’: *качек* ‘ожерелье из монет и раковин’ [6. С. 75, 138]; *качөк* ‘монисто’ [12. С. 180; 13. С. 120]. Происхождение названия украшения не совсем ясно. Отдаленно оно сближается с татарским словом *күнчек* ‘прорезь рубахи, обшивка прорези рубахи (на груди)’ [10. С. 284]. В бесермянском же следовало бы ожидать вариант *кенчөк* ~ *көнчөк* (*keñǎk* ~ *kǎñǎk*). Не исключено, что первоначальное название (? *күнчек*) испытало последующую эволюцию (замену) в связи с христианизацией народа, когда описываемое украшение стало выполнять роль ожерелья-гайтана, к которому прикреплялся нательный крест. Подобное украшение ранее широко бытовало у удмурток и называлось *кироскал* — шнур, предназначенный для креста (‘крест + шнур’. — С.М.) [6. С. 75]. В таком случае правомерно предположить происхождение слова от тат. **хачлык* ‘то, что предназначено для (ношения) креста’ < *хач* ‘крест’ + суфф. *-лык*. Сонорный согласный мог выпасть на бесермянской почве, ср.: бес. *чука* ‘чулок’ < *чулка*; бес. *мөчө* ‘баня’ < *мөнчө*.

11. **кашпу** (*kaşpu*) ‘кашпу (бесермянский женский головной убор, богато украшенный монетами и т. п.)’: *kaşpulen jörpödesez evel*. ‘У кашпу, бесермянского головного убора, макушки нет’ (ПМТ). Головной убор весьма похож на чув. *хушпу* ~ *хошпу*, особенно на *хошпу* верховых чувашей, что дает справедливый повод считать его чувашским заимствованием [17. I. С. 377]. Имеется также версия о татарском заимствовании, ср. тат. *кашбау* ‘налобная повязка; женский головной убор с налобными украшениями’ [9. I. С. 386], тат. диал. *кашпау* ‘холщевая шапочка, обшитая серебряными монетами’ [10. С. 235], но в этом случае в бесермянском название бы звучало как *кажбау* ~ *кашпау*. Полагаем, что усвоение реалии и слова могло произойти от чувашей как на нижней Вятке, так и на нижней Чепце (левом притоке Вятки) в форме **кошпу* (< чув. *хошпу*). Последующее татарское влияние привело к изменению гласного первого слога в *a* (*кошпу* + тат. *кашбау* > *кашпу*).

12. **көмась** (*kǎmas*) ‘кумач’: *kǎmas* ~ *kǎmaś* ‘тж.’ (ПМТ). Чувашский лингвист М.Р. Федотов удм. *кымач*, как и рус. *кумач*, относит к тюркским заимствованиям, ср. чув. *хямач* ~ *хямас* ‘кумач’, тат. *комач* ‘ткань красного цвета’. В тюркские языки эти заимствования пришли из арабского [17. II. С. 324; 9. I. С. 435]. В бесермянском наречии исследуемое слово имеет чувашский фонетический облик, и оно действительно может быть чувашским, а не болгарским заимствованием, как это принято говорить в исследованиях по удмуртскому языку о тюркских заимствованиях чувашского типа.

13. **ляга** (*l’aga*) ‘ляга (вид женского шейного украшения)’: *лага* ‘шейное украшение из бисера и монет’ [6. С. 75, 138]. По внешнему виду украшение весьма напоминает чувашское *суха*, однако его название (уточненное произношение — с палатальным согласным *л’*) представляет собой закономерную адаптацию в бесермянской речи татарского слова *йақа* ‘старинное женское украшение из монет, надеваемое на шею’ [10. С. 161]; < тат. *яка* ‘ворот’.

14. **такъя** (*takja*), **татья** (*tat'ja*) ‘такъя (девичий головной убор)’: *татья* ‘тж.’ [1. С. 41, 58]; *takjaen kerč'ok'enə* ‘надеть на голову такью’ (= ‘связаться такьей’. — С. М.). Удм. южн. *такйя* ~ *такт'а* ‘старинный женский головной убор с подвесками из монет’ считается татарским заимствованием [11. С. 120; 17. II. С. 259; 9. II. С. 203]. Судя по фонетическому облику слова, название бесермянского головного убора первоначально заимствовано, по-видимому, из чувашского (**токия* < *тохья*). Впоследствии под влиянием татарского *такья* его название приобрело форму *такйя*.

Заключение

Выше нами представлен список бесермянских терминов, связанных с элементами народной одежды. Перечислим их с краткими переводами: *бетлөк* ‘завязка головного убора кашпу’, *задап* ‘пуговка’, *зйяк* ‘узор в три нитки; тесьма’, *зөбөн* ‘зипун’, *изма* ‘поперечные полосы на грудном разрезе рубахи’, *кабачи* ‘вышитый нагрудник’, *калап* ‘моток пряжи’, *камали* ‘перевязь’, *касита* ‘перевязь’, *качөк* ‘монисто’, *кашпу* ‘головной убор замужних женщин’, *көмась* ‘кумач’, *ляга* ‘вид шейного украшения’, *такъя* ‘девичий головной убор’. Большинство этих слов (12 из 14, кроме *качөк* и *ляга*) можно найти в монографии Т.И. Тепляшиной или / и ее картотечном фонде. Такие слова, как: *бетлөк*, *задап*, *касита* — записаны ею впервые; также ею установлена принадлежность ранее зафиксированного слова *калап* именно к бесермянскому наречию.

Распределение (фиксация или реальное бытование) терминов — названий одежды по основным диалектным группам выглядит следующим образом: 1) только бесермянское наречие — *бетлөк*, *задап*, *зйяк*, *изма*, *калап*, *касита*, *качөк*, *кашпу*, *көмась*, *ляга* (10 слов); 2) бес. + южн. — *зөбөн*, *камали*, *такъя* (3 слова); 3) бес. + сев. — *кабачи* (1 слово).

Распределение по происхождению: 1) татарские заимствования — *задап*, *зйяк*, *зөбөн*, *изма*, *калап*, *касита*, *качөк*, *ляга*; тат. + чув.: *камали* (9 слов); 2) чувашские заимствования — *кашпу*, *көмась*; чув. + тат.: *бетлөк*, *кабачи*, *такъя* (5 слов).

Результаты исследования названий деталей бесермянского костюма позволяют сделать определенные выводы. Как видим, большая часть исследованной тюркской терминологии относится к элементам и аксессуарам традиционной женской одежды. В ходе детального рассмотрения терминов выявлено превалирование татарских заимствований над чувашскими, хотя налицо сходство форм традиционной женской (и девичьей) одежды бесермян с чувашским костюмом. Исследователь традиционной удмуртской одежды И.А. Косарева по вопросу этногенеза бесермян высказывает предположение о том, что в формировании этого народа участвовали и удмуртский, и болгаро-чувашский компоненты, при этом смешение происходило в результате женитьбы удмуртов на болгарках.

Наши исследования в целом подтверждают приведенную выше гипотезу. Однако следует сделать некоторые предварительные уточнения. В этногенезе бесермян достаточно отчетливо прослеживается участие чувашского компонента, который позднее сменяется татарским суперстратом, вследствие чего часть чувашских терминов испытывает фонетическую адаптацию в соответствии с татарскими аналогами. Булгаризмов среди исследованной терминологии не выявлено, однако можно выдвинуть предположение, что они были заменены соответствующими чувашскими формами в результате более позднего межэтнического взаимодействия.

Список сокращений

араб. — арабский язык;	рус. — русский язык;
бес. — бесермянское наречие;	сев. — северное наречие;
букв. — буквально;	суфф. — суффикс;
булг. — болгарский язык;	тат. — татарский язык;
груз. — грузинский язык;	тур. — турецкий язык;
диал. — диалект, диалектное;	удм. — удмуртский язык;
перс. — персидский язык;	чув. — чувашский язык;
пюж. — периферийно-южный диалект;	южн. — южное наречие.

Список литературы

1. *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
2. *Попова Е.В.* Бесермяне (краткий историографический обзор) // *О бесермянах: сб. ст.* Ижевск, 1997. С. 3–18.
3. *Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в.: монография. Ижевск, 2000.
4. *Кельмаков В.К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003.
5. *Идрисов Р.И.* Тюркские заимствования разных периодов в бесермянском диалекте удмуртского языка. М., 2013.
6. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
7. *Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // *Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст.* Устинов, 1987. С. 112–150.
8. *Лебедева С.Х.* Удмурт калык дйськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt Folk Costume. Ижевск: Удмуртия, 2008.
9. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л); Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015.
10. *Татар теленең диалектологик сүзлеге = Диалектологический словарь татарского языка / сост. Н.Б. Борганова, Л.Т. Махмудова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова.* Казань: Тат. кн. изд-во, 1969.
11. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.
12. *Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Усачёва М.Н., Бирюк О.Л., Идрисов Р.И.* Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. М.: ТЕЗАУРУС, 2013.

13. Усачёва М.Н., Архангельский Т.А., Бирюк О.Л., Иванов В.А., Идрисов Р.И. Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издательские решения, 2017.
14. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987.
15. Косарева И.А. Наборы украшений этнографических подразделений удмуртов: сравнительный анализ // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 83–87.
16. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I : А–К'. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1958.
17. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. I (А–Р); Т. II (С–Я). Чебоксары, 1996.

References

1. Teplyashina, T.I. 1970. The language of the besermen. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
2. Popova, E.V. 1997. "The Besermyans (a brief historiographical review)". In About the Besermyans: Digest of Articles. Izhevsk. Print. Pp. 3–18. (In Russ.).
3. Kosareva, I.A. 2000. Traditional women's clothing of the peripheral groups of the Udmurts (Kosinskaya, Sloboda, Kukmorskaya, Shoshma, Zakamskaya) in the late XIX — early XX centuries: Monograph. Izhevsk. Print. (In Russ.).
4. Kel'makov, V.K. 2003. Dialect and historical phonetics of the Udmurt language. Part 1. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet" publ. Print. (In Russ.).
5. Idrisov, R.I. 2013. urkic borrowings of different periods in the Besermian dialect of the Udmurt language. Moscow. (In Russ.).
6. Belitser, V.N. 1951. olk clothes of the Udmurts: Materials for ethnogenesis. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR publ. Print. (In Russ.).
7. Lebedeva, S.Kh., and Atamanov, M.G. 1987. Kostyumnye komplekсы udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom // Problemy etnogeneza udmurtov: Digest of Articles. Ustinov. Print. Pp. 112–150. (In Russ.).
8. Lebedeva, S.Kh. 2008. Costume complexes of the Udmurts in connection with their ethnogenesis. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Udmurt. In Russ. In Eng.)
9. Әкһмәт'янов, R.G. 2015. Tatar teleneң etimologik syzlege: Ike tomda [Etymological dictionary of the Tatar language: In two volumes]. Kazan: Məgarif–Vakyt Udmurtiya publ. Print. Vol. I (A–L); Vol. II (M–Ya). (In Tatar)
10. Tatar teleneң dialektologik syzlege [Dialectological dictionary of the Tatar language]. 1969. Composed by N.B. Borganova, L.T. Makhmudova, Z.R. Sadykova, G.K. Yakupova. Kazan': Tat. kn. izd-vo publ. Print. (In Tatar)
11. Tarakanov, I.V. 1993. Udmurt-Turkic language relationships: Theory and dictionary. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta publ. Print., (In Russ. In Udmurt)
12. Kuznetsova, A.I., Serdobol'skaya, N.V., Usacheva, M.N., Biryuk, O.L., Idrisov, R.I. 2013. Dictionary of the Besermian dialect of the Udmurt language. Moscow: TEZAURUS publ. Print. (In Russ. In Udmurt).
13. Usacheva, M.N., Arkhangel'skii, T.A., Biryuk, O.L., Ivanov, V.A., Idrisov, R.I. 2017. Thesaurus of the Besermian dialect: Names and official parts of speech (dialect of the village of Shamardan). Moscow: Izdatel'skie resheniya publ. Print. (In Russ. In Udmurt)
14. Wotjakischer Wortschatz. 1987. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki. Print. (In Germ. In Udmurt. In Finnish).
15. Kosareva, I.A. 2017. "Jewelry sets of the ethnographic divisions of the Udmurts: a comparative analysis". Bulletin of the Udmurt University. History and philology series 27 (1): 83–87. Print. (In Russ.).

16. Abaev, V.I. 1958. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Moscow–Leningrad.: Izd-vo AN SSSR publ. Print. Vol. I : A–K'. (In Russ. In Ossetian)
17. Fedotov, M.R. 1996. Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 volumes. Cheboksary. Print. (In Russ. In Chuvash)

Сведения об авторе:

Максимов Сергей Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН.
E-mail: makseran02@yandex.ru; makser02@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-5389-9502
Scopus AuthorID: 35068285800

Bio Note:

Maksimov Sergey A. is a Candidate of philological sciences, Senior researcher, Udmurt federal research center of the Ural branch of the Russian academy of sciences. E-mail: makseran02@yandex.ru; makser02@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-5389-9502
Scopus AuthorID: 35068285800

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226

EDN: KNLFAD

Научная статья

XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка

Ф.Ф. Гилемшин

Казанский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

Аннотация. Рассматривается один из ключевых периодов формирования татарского литературного языка — XIX — начало XX в. Дается развернутая картина функционирования и взаимодействия различных вариантов языка, определяется важная роль произведений художественной литературы в его последовательном становлении. На примере отдельных памятников словесности показана значимость процесса контактирования языков, диалога культур, сосуществования религиозных представлений, образно-символических кодов. Подчеркнуто особое место арабо-персидских заимствований в процессе развития литературного языка. Ставится вопрос об интеллектуальном статусе реципиента, его потенциальной способности понимать родственные тюркские языки, функциональные стили татарского языка. Показан большой вклад национальной гуманитарной интеллигенции в обогащение литературного языка, кратко рассмотрен феномен татарского просветительства. Обозначено первостепенное значение художественного перевода в функциональном расширении стилей татарского языка, усилении его эстетической составляющей. Отдельное внимание уделено газете «Таржиман».

Ключевые слова: литературный язык, стиль, художественный перевод, татарские просветители, арабские заимствования, персидские заимствования, восточная эстетика, межкультурная коммуникация

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 216–226. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-216-226>

© Гилемшин Ф.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language

Fler F. Gilemshin

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract. The study examines one of the important periods in the formation of the Tatar literary language — the 19th — the beginning of the 20th centuries. A detailed picture of the functioning and interaction of language variants is given, the important role of fiction in its formation is determined. The significance of the process of contacting languages, the dialogue of cultures, the coexistence of religious ideas, figurative and symbolic codes is shown on the example of monuments of literature. The special place of Arabic-Persian borrowings in the development of the literary language is emphasized. The question is raised about the intellectual status of the recipient, his potential ability to understand related Turkic languages and functional styles of the Tatar language. The great contribution of the national humanitarian intelligentsia to the enrichment of the literary language is shown, the phenomenon of the Tatar enlightenment is indirectly considered. The paramount importance of literary translation in the functional expansion of the styles of the Tatar language and the strengthening of its aesthetic component is indicated. Special attention is paid to the newspaper “Tarzhiman”.

Key words: literary language, style, literary translation, Tatar enlighteners, Arabic borrowings, Persian borrowings, Eastern aesthetics, intercultural communication

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Gilemshin, F.F. 2023. “XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 216–226. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-216-226>

Введение

XIX век в истории и культуре татарского народа, как и в истории и культурном развитии многих народов, проживавших на территориях Российской империи, занимает особое место. Такие факторы, как появление первых грамматик^{1,2,3,4}, начало системного изучения татарского языка,

¹ Гиганов И.И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная: [литогр.]. СПб.: Императорская академия наук, 1801.

² Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1809.

³ Троянский А.С. Краткая татарская грамматика. Казань: Издательство духовного учебного управления, 1860.

⁴ Иванов М.И. Татарская грамматика. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1842.

возникновение книгопечатания на татарском языке, открытие в Казани типографии Казанского университета, обогащение литературы различными жанрами, подготовка переводчиков и специалистов в области восточной, тюркской филологии повлияли и на интенсификацию становления татарского литературного языка. Исследователь Р.Ф. Мирхаев, интерпретируя совокупность характеристик языка данного периода, указывает на то, что, «...взаимодействуя на протяжении всей своей истории с различными языками, татарский язык, в особенности его письменно-литературная форма, не мог избежать влияния со стороны этих языков. Поэтому собственно татарские формы тесно переплелись с элементами арабского, персидского, чагатайского и турецкого языков» [1. С. 49].

Рассматриваемый период с точки зрения лингвистических реалий отличается усилением влияния разговорного языка на литературный: параллельно с аристократическим тюрки появляются произведения, сочиненные на старотатарском литературном языке с активным использованием лексем и грамматических форм народно-разговорного языка, которые прошли некоторую обработку, были адаптированы под нормы литературного языка того времени. Как отметили авторы «Истории татарского литературного языка», в этот период прослеживается параллельное употребление этих двух тюркских языков [2. С. 74]. Следовательно, старотатарский литературный язык, функционируя в письменных литературных памятниках, характеризуется появлением новых грамматических форм и проявлением новых стилистических средств.

Безусловно, эволюция языка сопровождается трансформацией языковых единиц параллельно с экстралингвистическими сдвигами, связанными с изменениями в повседневной жизни или политической обстановке. В связи с этим при анализе литературного языка его единицы должны рассматриваться не только как языковое явление, но и как созданный автором письменный текст (художественная речь) [3. С. 4; 4. С. 67–78; 5. С. 44]. На наш взгляд, только исследование каждого письменного текста в отдельности как непрерывно развивающейся единицы открывает возможности для получения объективного научного результата в истории литературного языка, так как в каждом тексте раскрываются особенности сохранения, обогащения и совершенствования письменной традиции [6. С. 58–66]. Об этом свидетельствует и история развития татарского письменного литературного языка.

Обсуждение

В последней четверти XVIII в. политика правительства в национально-религиозном вопросе изменилась в сторону смягчения, определенную самостоятельность обрело национальное мусульманское образование. Ислам получил официальное признание, началось строительство новых мечетей и медресе. Это способствовало переменам в сфере функционирования тюрко-татарского

письменного языка, в котором произошло обособление двух параллельно развивавшихся в течение многих веков аристократическо-авторитетного и народно-разговорного вариантов; первый вариант все более обогащается арабо-персидской лексикой и тюркской архаикой, тем более что появляется когорта молодых татар с прекрасным богословским образованием, полученным за границей, читающих в оригинале арабскую и персидскую литературу. Так, получивший международное признание имам, секретарь и главный советник посольства Бухары в Османской империи А. Каргалы после возвращения на родину столкнулся с недостаточно образованными муллами, которые проводили политику учрежденного правительством Духовного управления мусульман. Началось противостояние, названное позже Движением абызагаев, которое нашло отражение в «Книге Бадавам» [7. С. 360–365].

Это противостояние прослеживается и на языке произведений, которые сочиняли представители двух непримиримых лагерей. Считавшие религиозных деятелей — представителей Духовного управления — невеждами, Г. Утыз Имяни и А. Каргалы стали целенаправленно обогащать язык своих произведений арабо-персидской лексикой и понятиями, а в ряде случаев переходили на персидский язык. Такая тенденция характерна для творчества и некоторых других писателей. В результате в первой половине XIX в. литературный язык становится все более сложным для восприятия и понимания [8. С. 64]. Из представителей этого направления можно назвать имена писателей-просветителей Х. Салихова (1794–1867), Ш. Заки (1822–1865), Г. Чоккрыя (1826–1889), которые осознанно усложняли язык, обогащая его архаичными общетюркскими формами и арабо-персидскими словами, тем самым адресовали свои произведения высокообразованному слою населения.

Данная реалья прослеживается в стихах и поэмах Г. Кандаля (1797–1860), в творчестве Мифтахутдина Акмуллы (1831–1895), Якова Емельянова (1848–1893) и др. Они наряду с общеразговорными формами перманентно актуализировали свои родоплеменные и местные языковые особенности; в авторских стихотворениях переплетается авторитетный тюркский язык с народным тюрки [2. С. 90]. К слову, этим объясняется и синтетизм на начальном этапе творчества Г. Тукая (1886–1913) [9. С. 90–103].

В середине XIX в. просветитель Каюм Насыри (1825–1902) обращает внимание на различия и выразительные возможности разговорного и письменного языков. Отвечая запросам своего времени, он пишет учебники русского и татарского языков, составляет словари. Наряду с языками он изучает литературу, историю, математику, географию, геометрию, ботанику, медицину, пишет научные труды, замечая, что у каждой науки есть свой особый язык. Он ввел в практику использование отдельных терминов для каждой отрасли науки. Напротив, религиозно-дидактические труды о воспитании и литературные произведения, адресованные детям, пишутся на понятном народном языке. Так, во введении к повести «Абугалисина»

К. Насыри отмечает, что из-за большого количества арабских и персидских слов он адаптировал текст для широких слоев мусульман Российской империи [10. С. 208]. Результат не заставил себя ждать: в течение 1881–1908 гг. повесть была переиздана восемь раз. Таким образом, один автор в своих произведениях, относящихся к разным жанрам и стилям, мог использовать различные варианты литературного языка. Яркий пример — многогранное творчество Каюма Насыри [2. С. 105–111].

В конце XVIII в. широкое распространение получили произведения, написанные с привлечением сюжетов и образов, относящихся к народному творчеству. Среди таких текстов — «Киссаи Буз егет» (1874) и «Киссаи Тахир и Зухра» (1879) Ахмеда Уразаева-Курмаши (1855–1883) [8. С. 95]. К художественным памятникам подобного типа относятся и созданные на основе известного индийского произведения «Тутынаме»: «Китабе Тутыйнаме» (1851), и «Хикмэтле тутый хикэяте» (1885).

В 1887 году произведение под названием «Тутыйнаме Китабы» («Книга Тутынаме») увидело свет в переводе просветителя Габделгалляма Фаизханова. Во введении Г. Фаизханов отмечает, что перевел это произведение со староосманского языка на татарский⁵. Книга издавалась пять раз. В том же году появилась его другая книга — «Татар телигэ кыскача гыйльме сарыф» («Краткая морфология татарского языка»). В 1887 году им был выпущен сборник сказок, загадок и баитов под названием «Хикаят ва макалат» («Рассказы и статьи»). В 1888 году была издана книга «Гомуми жэгърэфия рисалэсе» («Пособие по общей географии»), в 1889 году — «Калила и Димна». В 1891 году он перевел произведение Абулгази Бахадирхана «Тарих шаджараи тюрк» («История родословной тюрков»), а в 1893 г. увидел свет «Китабы мухаррик аль-фикра» («Книга, будящая мысль»). Г. Фаизханов во всех своих произведениях отмечает, что пишет на своем языке — языке казанских татар, близком к народно-разговорному языку.

Таким образом, наблюдается процесс литературизации разговорного татарского языка. В последней четверти XIX в. в национальной литературе все отчетливее начинает заявлять о себе жанр драматургии, в рамках которого происходит существенное сближение литературного и народно-разговорного языка.

Наглядно это можно увидеть в первых татарских драмах. Так, например, в 1887 г. появилась дебютная драма Габдрахмана Ильяси «Бичара кыз. Фажига. Драма» («Несчастливая девушка. Трагедия. Драма»), а в 1888 г. Фатих Халиди написал пьесу «Рэдде бичара кыз. Драм, өч фасыл, биш действия» («В ответ несчастной девушке. Драма, три части, пять действий»), которая на сюжетном уровне контекстуально связана с предыдущей драмой. Появление этих

⁵ Фаизхан Г. Тутый намэ китабы. Казань: Типолит. наследников М. Чирковой, 1896. С. 2.

пьес стало первым серьезным художественным шагом на пути избавления от искусственности литературного языка [11. С. 552].

Фатих Халиди (1850–1923) продолжил свою творческую деятельность как автор переводных и оригинальных прозаических произведений. В 1898–1899 годы он издал в шести томах перевод известного сборника сказок «Элфе Лэйлэ вә Лэйлэ» («Тысяча и одна ночь»). В 1901 году увидела свет другая его книга — «Мәшһүр гашыйк — мәгъшук Лэйлэ илә Мәжнүн хикяте» («Рассказ известных влюбленных Лейли и Маджнун»). Позже он в духе произведения «Тысяча и одна ночь» пишет свое оригинальное произведение «Элфе сәхәр вә сәхәр» («Тысяча и одно утро», 1903–1904). Наряду с этим Халиди создает драмы и издает различные календари. В отличие от творчества Г. Фәизханова и Ш. Рәхмәтуллина, наследие Ф. Халиди было подробно изучено. В монографии З. Мухаметшина дается подробный анализ творчества известного просветителя [12. С. 160]. В указанных произведениях Ф. Халиди продолжал традицию сближения двух языков.

Есть все основания назвать конец XIX — начало XX в. «золотым периодом» развития общетюркского письменного языка, который вступил в эпоху своего расцвета во многом благодаря творчеству известных просветителей татарского народа Каюма Насыйри, Габделгалляма Фаизханова, Фатиха Халиди, занимавшихся изучением языкового наследия, истории, литературы, культуры татар. В этом плане имеет важное значение их опыт перевода памятников восточной литературы, которые стали определенной ступенью в формировании и развитии национального эстетического мировосприятия и миропредставления.

В период, когда с турецкого на татарский язык переводились известные произведения Востока, под влиянием изменений в культурной жизни исламского общества сложились благоприятные условия для объединения языковых элементов огузской и кипчакской групп тюркского языка в так называемый общетюркский язык. Неслучано в 1883 г. в Крыму стала издаваться первая в тюркском мире газета «Тарджеман». В издании газеты активное участие принимали и такие представители татарской интеллигенции, как Зухра Акчурина, Муса Акъегетзаде. Язык «Тарджемана» был разносторонне исследован Л.И. Гимадеевой. Редактор газеты Исмаил Гаспринский стремился к тому, чтобы публикуемые материалы были понятны для большинства читателей, представляющих разные тюркские народы, издавал газету на некоем «среднем языке», называя его общетюркским литературным языком [13. С. 7]. Под термином «средний язык» имелся в виду обогащенный огузскими элементами традиционно-авторитетный вариант тюркского языка. Показательно, что газета стала самой востребованной и читаемой у татар Поволжья.

В конце XIX в. известные татарские просветители З. Бигиев (1870–1902), М. Акъегетзаде (1864–1923), Ф. Карими (1870–1937), Р. Фахретдин (1858–1936) некоторые свои произведения писали на общетюркском языке, другие

произведения сочиняли на наречии, близком к разговорному языку, а в научных трудах использовали обогащенный арабо-персидскими заимствованиями традиционно-авторитетный тюрки. Например, адресованные простому читателю романы «Өлүф, йэки Гүзэл кыз Хэдишэ» («Тысячи, или красавица Хадиджа», 1887) и «Гөнаһе кэбаир» («Большие грехи», 1890) З. Бигиева близки к разговорному языку, а путевые заметки, рассказывающие о тюркском мире «Мэвэрээннаһергэ сэхэт» («Путешествие в Транс-Осканию», 1902), содержат большое количество огузских слов и лингвистических форм.

Такое же явление фиксируется и в творчестве известного литератора, педагога, переводчика и журналиста Фатиха Карими. Произведения «Салих бабайның өйләнүе» («Женитьба деда Салиха», 1897, 1901), «Жиһангир мәдүмнең авыл мәктәбэндә укуы» («Учеба махдума Джигангира в сельской школе», 1899), статьи, опубликованные на страницах газеты «Вақыт», написаны на языке близком к народно-разговорному. Различные произведения научного или религиозного характера содержат большое количество арабо-персидских заимствований и написаны на классическо-авторитетном варианте старотатарского языка. Адресованные тюркскому миру произведения «Аурупа сэхэтнамәсе» («Путевые записки Европы», 1902) и «Кырымга сэхэт» («Путешествие в Крым», 1904) были созданы на общетюркском языке «Тарджемана» [2. С. 567–569].

В творчестве известного мусульманского религиозного деятеля, философа, педагога, историка, писателя и публициста Р. Фахрутдинова обнаруживается сосуществование трех стилей. Написанные для широких слоев населения светско-дидактические произведения о принятых в повседневной жизни правилах и порядках «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать», 1898), «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок», 1898), «Тәрбияле хатын» («Воспитанная женщина», 1899), а также произведения художественной прозы «Сәлимә, йэки Гыйффәт» («Салима, или целомудрие», 1898), «Әсма, йэки гамәл вә жәза» («Асма, или поступок и наказание», 1903) написаны на народно-разговорном варианте классического старотатарского языка. Произведение «Асар» (1900–1908), состоящее из двух томов и четырнадцати частей, написано на обогащенном арабо-персидскими формами традиционном классическом старотатарском языке. Произведения религиозного содержания «Корьән вә тәбәгать» («Коран и издания», 1900), «Мөхәммәд галәйһис-сәлам» («Пророк Мухаммад, мир ему...», 1908), «Жәвамигуль-Кәлим шәрхе» («Толкование Джавамигуль-Калим», 1911), а также большинство статей, опубликованных в журнале «Шура» (1909–1918), написаны на общетюркском языке газеты «Тарджеман».

На этом фоне происходят изменения в структуре повествования, в авторской речи. В повести Каюма Насыри «Кырык вәзир кыйссасы» («Рассказ сорока визирей», 1868) повествование ведется с использованием выражений «...хатын әйтте» («...женщина сказала»), «...вәзир әйтте» («...визирь сказал»).

В сборниках «Кырык бакча» («Сорок садов», 1880), «Фэвакиһ эл-жөләсә фи-л әдәбият» («Плоды собеседований в литературе», 1884) отдельные рассказы начинаются с фраз «...Локман хәким әйтте» («...мудрый Лукман сказал»), «...Нәүширвәнгә әйттеләр» («...Ануширвану сказали»), «...бер кеше әйтте» («...кто-то сказал»), «...Арсту әйтте» («...Аристотель сказал») — так до читателя доводится важная для автора идея, истина. Повествователь идентифицируется как автор, лицо истинного автора скрыто. Эту нарративную деталь Каюм Насыри теоретически обосновал так: «Гыйльме мөхазара» гарәпчә, гыйлемнәр һәм әдәбият фәне жәмләсеннән бер фәндер ки, мәжлесләрдә вә сөхбәтләрдә жәмлә арасында сүзнең жаена туры китереп, хикәяләү рәвешендә икенче бер кешенең фикерләрен дә кертеп сөйләүдән гыйбарәттер» («Научное собеседование (повествование), по-арабски означает научный предмет, касающийся литературы и других отраслей науки, который в ходе разговора во время различных посиделок или прочих общений, при обсуждении различных тем допускает использование мнений других людей») [14. С.250–280].

Слова рассказчика, описывающие события в тексте «Әбүғалисина кыйссасы» («Рассказе Абуғалисины», 1881), доносятся до реципиента путем повторения формы «он сказал»⁶ [10. С. 207–333]. В сборнике сказок «Тысяча и одна ночь» ходом сюжета «руководит» Шахрезада, однако и в этом случае рассказ начинается отвлеченными фразами типа «үткән заманда бер балык тотучы бар иде» («Жил-был в древние времена некий рыбак...»). И в целом повествование усложняется диалоговыми формами, задающими определенную коммуникативную инерцию⁷. Таким образом, стиль повествования, сложившийся во времена «Нахдж аль-Фарадис» Махмуда Булгари [15. С. 30–32; 16. С. 9–10], просуществовал вплоть до начала XX века.

В отличие от вышеназванных текстов, первое произведение реалистической прозы «Хисамеддин менла» (1886) М. Акъегетзаде открывается конкретизирующей информацией о том, где и когда происходит действие. Обращает на себя внимание активная позиция автора-повествователя, который уже не только описывает событие, но и регулярно обращается к читателю, интенсифицирует происходящее, дает развернутые комментарии, приписывает персонажам аскиологические характеристики. Так меняется существовавшая более 500 лет традиция повествования, художественный замысел писателя начинает доводиться до воспринимающей стороны в виде субъективируемого мнения автора. Это новшество, впервые примененное в романе «Хисаметдин менла», с некоторыми расширениями получило дальнейшее

⁶ *Насыри К.* Әбүғалисина кыйссасы димәклә мәшһүр тәхыйләтнең тәржемәсе... Казан: ун-т тип., 1898. С. 2–112.

⁷ *Әлф ләйлә вә ләйлә (Тысяча и одна ночь).* Т. 1. Казань: Издательство Казанского университета, 1897. С. 24.

развитие в творчестве З. Бигиева, Ф. Карими, Р. Фахрутдина, Г. Гафурова-Чыгытай, Ш. Мухаммадова, З. Хади, М. Гафури [17. С. 7–41].

В начале XX в. делают свои первые творческие шаги те, кто будет признан классиками татарской литературы. Гаяз Исхаки во введении к повести «Кэлэпүшче кыз» («Девушка-тюбетейщица», 1900), «написанном в целях объяснения того, из чего состоит литература»; отмечает, что задача литературы — не пересказ прошедших событий или известных сюжетов, а представление читателю идей автора об общих закономерностях бытия⁸. Эта сентенция уточняется в рассказе Ф. Амирхана «Танываганлыктан таныштык» («Познакомились из-за неузнавания», 1909)⁹. Таким образом, в системе национального художественного процесса меняется цель повествования, татарские поэты и писатели констатируют необходимость изложения в художественных произведениях авторской (субъективной) идеи.

Заключение

Как показал анализ, в рамках рассматриваемого периода татарский литературный язык расширяет свои функциональные возможности и в жанрово-стилистическом плане. Как отмечают Р.Ф. Мирхаев и И.П. Гумеров, до середины XIX века он применялся в произведениях поэзии и религиозно-дидактической литературы, в исторических источниках, деловых бумагах, путевых заметках и т.д. Позднее классический старотатарский письменно-литературный язык начинает употребляться в новых для него литературных и публицистических жанрах, таких как проза, драматургия и газетные статьи (пресса). В свою очередь, в зависимости от жанра татарский литературный язык в функциональном плане имел свои отличительные черты, варьирование как языковых форм, так и параллельное употребление языковых единиц, относящихся к разным неродственным языкам.

Таким образом, татарский литературный язык последовательно, во взаимодействии и взаимоотталкивании различных элементов развивался в течение многих веков. На этот процесс оказывали влияние как общественно-политические условия и межнациональные литературно-культурные связи, так и состояние общественной мысли, взаимосвязь разговорного языка с устным народным творчеством и др. Полученное автором текста образование, его представления об интеллектуальном уровне адресата сказывались на избираемом им жанре / стиле, тематике / проблематике и особенностях изложения. Эти факторы напрямую были связаны с появившимися в литературном языке новшествами, способствовали продолжению (или прерыванию) письменных норм.

⁸ *Исхакий Г. Эсэрләр. 15 томда. Т.1 Повестьлар һәм хикәяләр. Казан: Татар китап нәшрияты, 1998. С. 113.*

⁹ *Әмирхан Ф. Эсэрләр: дүрт томда. Т. 1: Хикәяләр. 1907–1922. Казан: Татар китап нәшрияты, 1984. С. 57.*

Список литературы

1. *Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г.* Система форм существования татарского языка в конце XIX — начале XX вв // *Филология и культура*. 2015. № 1 (39). С. 49–53.
2. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы). Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX века). Фонетика. Графика: письменные традиции, норма и вариативность] / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2015.
3. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / под ред. Э.Р. Тенишева. Москва: Наука, 1988.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006.
6. *Жәләй Л.* Тукай телендә фиғыльләр [Глаголы в языке Тукая] // *Совет әдәбияты*. 1938. № 4. Б. 58–66.
7. Татар әдәбияты тарихы. 2 т. XV — XVIII гасырлар [История татарской литературы. Т. 2. XV — XVIII века]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014.
8. Татар әдәбияты тарихы. Урта гасыр дәвере [История татарской литературы. Средние века]. 1984. Казан: Татар китап нәшрияты, 1984.
9. *Бәширова И.Б.* Иске татар язма әдәби теле [Старотатарский письменный литературный язык] // *Татар әдәби теле тарихы* [История татарского литературного языка]. Т. 1. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Б. 21–206.
10. *Насыри К.* Сайланма әсәрләр: ике томда [Избранные произведения в 2 т.]. Казан: Татар китап нәшрияты, 1974.
11. Татар әдәбияты. XIX йөз: Югары уку йортлары өчен [Татарская литература. XIX век. Для высших учебных заведений]. Казан: Таткнигоиздат, 1957.
12. *Мөхәмәтшин З.М.* Фатих Халидинең ижат мирасы [Творческое наследие Фатиха Халиди]. Казан: Таң — Заря, 2001.
13. *Гимадеева Л.И.* Историко-лингвистический анализ языка газеты «Терджиман» (1883–1918) И. Гаспринского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.
14. *Насыри К.* Сайланма әсәрләр: ике томда [Избранные произведения в 2 т.]. Казан: Татар китап нәшрияты, 1975.
15. *Нуриева Ф.Ш.* «Нахдж ал-Фарadis» Махмуда ал-Булгари. Казань: Фэн, 1999.
16. *Нуриева Ф.Ш.* Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004.
17. *Бәширова И.Б.* Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле [Язык художественной прозы]. Казан: Татар китап нәшрияты, 1979.

References

1. Mirkhaev, R.F., Gumerov, I.G. 2015. “The system of forms of existence of the Tatar language in the late XIX — early XX centuries”. *Filologiya i kul'tura* 1 (39): 49–53. Print. (In Russ.).
2. Fonetika. Grafika: yazma traditsiyalar, norma hem variantlylyk [Phonetics. Graphics: written traditions, norm and variability]. 2015. In *Tatar adabi tele tarikhy (XIII gasyr — XX iez bashy)* [History of the Tatar literary language (XIII century — early XX century)]. Composed and edited by I.B. Beshirova, F.Sh. Nurieva, E.Kh. Kadyirova, F.M. Khisamova. Kazan: TƏHSI publ. Print. (In Tatar)
3. Serebrennikov, B.A. 1988. The role of the human factor in language. *Language and thought*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).

4. Tenishev, E.R., ed. 1988. Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
5. Tenishev, E.R., and A.V. Dybo, eds. 2006. Comparative-historical grammar of Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. Picture of the world of the pra-Turkic ethnos according to the language. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
6. Жәләи, Л. 1938. “Тukai telendә figyl’lәр” [Verbs in the language of Tukay]. *Sovet әdәbiyaty* 4: 58–66. Print. (In Tatar)
7. History of Tatar literature. Vol. 2. XV — XVIII centuries. 2014. Kazan: Tatar kitap nәshriyaty publ. Print. (In Tatar)
8. Tatar әdәbiyaty tarikhы. Urta gasyr дәvәre [History of Tatar literature. Middle Ages]. 1984. Kazan: Tatar kitap nәshriyaty publ. Print. (In Tatar)
9. Bәshirova, I.B. 2015. Iske tatar yazma әdәbi tele [Old Tatar written literary language]. In *Tatar әdәbi tele tarikhы. T. 1* [History of the Tatar literary language. Vol. 2.], 21–206. Kazan: TӘhSI publ. Print. (In Tatar)
10. Nasyiri, K. 1974. Sailanma әsәrlәр: ike tomda [Selected works in two volumes]. Kazan: Tatar kitap nәshriyaty publ. Print. (In Tatar)
11. Tatar әdәbiyaty. XIX iәz: Yugary uku iortlary әchen [Tatar literature. XIX century. For higher educational institutions]. 1957. Kazan: Tatknigoizdat publ. Print. (In Tatar)
12. Mәkhәmmәtshin, Z.M. 2001. Fatikh Khalidinen iжat mirasy [The creative legacy of Fatih Khalidi]. Kazan: Таң — Zarya publ. Print. (In Tatar)
13. Gimadeeva, L.I. 2000. “Historical and linguistic analysis of the language of the newspaper ‘Terdzhiman’ (1883–1918) by I. Gasprinsky”: Candidate Thesis. Kazan. Print. (In Russ.).
14. Nasyiri, K. 1975. Sailanma әsәrlәр: ike tomda [Selected works in two volumes]. Kazan: Tatar kitap nәshriyaty publ. Print. (In Tatar)
15. Nurieva, F.Sh. 1999. ‘Nakhj al-Faradis’ by Mahmud al-Bulgari. Kazan: Fen publ. Print. (In Russ.).
16. Nurieva, F.Sh. 2004. Formation and functioning of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period: Doctoral Thesis. Kazan. Print. (In Russ.).
17. Bәshirova, I.B. 1979. Sәngat’le chәchmә әsәrlәр tele [The language of artistic prose]. Kazan: Tatar kitap nәshriyaty publ. Print. (In Tatar)

Сведения об авторе:

Гилемшин Флер Феоатович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН.

ORCID: 0000-0003-1957-5042

Bio Note:

Fler F. Gilemshin is a Doctor of Philology, Leading Researcher of the Laboratory of Multivariate Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0003-1957-5042

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-227-239
EDN: JAPLBL

Научная статья

Пунктуация в чувашской медиаречи

А.Д. Гаврилов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Российская Федерация, 428015, Чебоксары, Московский пр-т, 15
✉ artmaster28@rambler.ru

Аннотация. Автор ставит вопрос о необходимости изучения функционирования чувашской пунктуации на материале современной медиаречи. В условиях медийной, экранной культуры журналисты перманентно воздействуют на массовое сознание, их речевая деятельность формирует языковые вкусы общества и отражает основные тенденции актуальной практики письма. Наиболее явно это прослеживается на примере такой стилистически и прагматически значимой единицы медиаречи, как сетевой аналитический газетный заголовок. Преследуя интенцию убеждения, журналисты используют в заголовках ресурсы экспрессивной пунктуации, позволяющей им усилить выразительность своего высказывания и побудить интернет-пользователей прочесть озаглавливаемый текст. Цель исследования заключается в выявлении отдельных распространенных стратегий пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков на чувашском языке. Материалом исследования послужила картотека собранных автором заголовков аналитических материалов сетевой версии газеты «Хыпар» за 2017–2021 гг. Ориентируясь на интегрированную методологию, основанную на идеях коммуникативно-прагматического и психолингвистического подходов с опорой на интенциональный метод, автор выявил продуктивные пунктуационные модели изучаемых заголовков, раскрывающие выразительный речевоздействующий потенциал чувашской пунктуации. Представлены и охарактеризованы популярные пунктуационные практики журналистов — случаи употребления в заголовочной конструкции вопросительного знака, восклицательного знака, многоточия и кавычек. Данные пунктуационные средства позволяют пишущему выразить оценочное отношение к обсуждаемой проблеме, передать определенные эмоции, выделить значимую часть фразы, расставить смысловые акценты. Автор приходит к выводу, что исследование функционирования знаков препинания в медиатекстах позволяет сместить фокус с изучения пунктуационных норм к субъекту речи, к его пунктуационной деятельности, обусловленной конкретными интенциями и коммуникативной ситуацией.

Ключевые слова: чувашский язык, медиаречь, сетевой газетный заголовок, пунктуационное оформление медиатекста, экспрессивная пунктуация

История статьи: поступила в редакцию 14. 01.2023; принята к печати 14. 03.2023

© Гаврилов А.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Гаврилов А.Д. Пунктуация в чувашской медиаречи // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-227-239>

Research Article

Punctuation in Chuvash Media Language

Artem D. Gavrilo^{id}

I. Ulyanov Chuvash State University,
15, Moscow Prospect, Cheboksary, 428015, Russian Federation
✉ artmaster28@rambler.ru

Abstract. This article raises the question of the need of studying the modern functioning of Chuvash punctuation on the material of the media language. The topic is relevant due to the fact that in the conditions of developing screen culture, journalists influence the mass consciousness intensively, their speech activity makes an impact on the linguistic tastes of society and reflects the main trends in the actual practice of writing. This is clearly seen in the example of such a stylistically and pragmatically significant unit of media speech as an online analytical newspaper headline. Pursuing the intention of persuasion, journalists use expressive punctuation resources in their headline-making, which allows them to enhance the expressiveness of their utterance and encourage Internet users to read the text. The purpose of the work is to identify some common punctuation strategies of network analytical newspaper headlines in Chuvash language. The research material was a card file of analytical materials of the headlines of the online version of The Khypar newspaper for 2017–2021 collected by the author. Relying on an integrated methodology based on the ideas of communicative-pragmatic and psycholinguistic approaches based on the intentional method, the author identified productive punctuation models of the studied titles, revealing the expressive speech-acting potential of Chuvash punctuation. The article presents and characterizes popular punctuation practices of journalists — cases of using a question mark, an exclamation mark, an ellipsis and quotation marks in the header construction. These punctuation tools allow the writer to express an evaluative attitude to the problem being discussed, convey certain emotions, highlight a significant part of the phrase, place semantic accents. The author comes to the conclusion that the study of the functioning of punctuation marks in media texts allows us to shift the focus from the study of punctuation norms to the subject of speech, to his punctuation activity due to specific intentions and communicative situations.

Key words: chuvash language, media speech, online newspaper headline, media text punctuation, expressive punctuation

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Gavrilo, A.D. 2023. “Punctuation in Chuvash Media Language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 227–239. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-227-239>

Введение

Выявление закономерностей функционирования языка в сфере медиакоммуникаций — одно из самых привлекательных направлений исследований для современных лингвистов. Интерес ученых к данной проблематике объясняется усилением роли средств массовой информации и медиатеделей (специалистов по связям с общественностью и рекламе, блогеров) в общественной жизни, появлением и развитием сети Интернет, ставшей в первые два десятилетия XXI в. основным каналом информации и коммуникации в социуме, увеличением объема медиаречи и интенсивности ее потребления главным образом в цифровой среде. Однако, несмотря на глобальный характер изменений социальных условий существования языков, вопросы состояния чувашской медиаречи в чувашском языкознании еще не поднимались, не были и частично рассмотрены в изысканиях по чувашскому языку, опубликованных с начала 2000-х гг. [1], что подчеркивает актуальность темы и необходимость ее специального изучения.

Под понятием «чувашская медиаречь» мы, опираясь на дефиницию медиаречи, данную профессором В.И. Коньковым [2. С. 58], в узком смысле подразумеваем речь журналистов, представленную в коммуникативной среде чувашезычных СМИ, которая, будучи обусловленной техническими средствами ее порождения, подразделяется на печатную, радионую и телевизионную речь, а в условиях цифровизации традиционных СМИ — на сетевую газетную речь, сетевую журнальную речь, сетевую радиоречь и сетевую телеречь. На наш взгляд, в широком смысле под чувашской медиаречью следует понимать высказывания на чувашском языке, распространяющиеся на различных платформах сети Интернет, всех публичных субъектов медиапространства (как профессиональных, так и гражданских журналистов, а также блогеров и других авторов постов, влогов, подкастов), оказывающих в современном мире воздействие на массовое сознание аналогично СМИ.

В связи с ростом медиалингвистических исследований, проводимых разными научными школами, в академическом дискурсе в значении медиаречи нередко употребляются термины «публицистический стиль», «медиастиль», «медiateкст», «медиадискурс» и др. Из-за многообразия подходов к их толкованию и отсутствия единых, признаваемых всеми трактовок мы приняли решение использовать в качестве синонимичных понятия «медиаречь» и «медiateкст». Вместе с тем во избежание терминологической неточности мы вслед за И.В. Вещиковой считаем, что «для характеристики стилистической ситуации советского времени (эпоха литературоцентризма) целесообразно сохранить в качестве родового термина „публицистический стиль“, а для описания постсоветской (эпоха медиацентризма) логично использовать понятие „медиаречь“. Оно удобно, ибо 1) подразумевает не только письменные, но и устные тексты, тогда как определение „газетно-публицистический“ и его синонимы соотносятся преимущественно с печатными СМИ, 2) легко

образует словосочетания „телевизионная медиаречь“, „информационная медиаречь“ и под., что позволяет конкретизировать рассматриваемый эмпирический материал, 3) а также не имеет коннотаций, нередко сопровождающих термин „стиль“» [3. С. 12].

С 2020 года мы сосредоточены на исследовании такой стилистически и прагматически значимой единицы медиаречи (уже — сетевой газетной речи), как сетевой аналитический газетный заголовок [4]. Эта разновидность интернет-заголовка представляет большую ценность для лингвистического анализа, так как именно она реализует журналистскую интенцию убеждения, обусловленную принадлежностью текста к аналитической группе жанров, и побуждает интернет-пользователей ознакомиться с озаглавливаемым материалом с помощью лежащих в его основе выразительных языковых средств и приемов эффективного речевого воздействия, среди которых особое положение, на наш взгляд, занимает пунктуация. Мы изучаем особенности пунктуационного оформления заголовков аналитических журналистских материалов сетевых версий качественных изданий на русском («Ведомости» и «Известия»), чувашском («Хыпар») и английском („The Guardian“ и „The Times“) языках [5], обращаясь к методологии контрастивной лингвистики, поскольку, как справедливо замечает исследователь экспрессивного синтаксиса А.К. Гизатуллина, «специфика любого языка проявляется только в процессе сопоставительного анализа конкретных языковых фактов в пределах аналогичных категорий изучаемых языков» [6. С. 73]. Главным образом нас интересуют продуктивные пунктуационные модели заголовков — случаи постановки знаков препинания, позволяющие повысить выразительность высказывания и оказать прагматический эффект в соответствии с определенной авторской интенцией, понимаемой нами как «когнитивно-коммуникативный феномен, включающий в себя осознание / прочтение автором внешнего мира и коммуникативное стремление (намерение) донести это прочтение (интерпретацию) другому» [7. С. 15].

Мы согласны с профессором Н.И. Клушиной, разработавшей теорию медиастилистики с опорой на интенциональный метод, в том, что «мы не можем изучать вербальную коммуникацию, не включая в наши исследования выявление интенции как невербального, но ведущего компонента в речи» [7. С. 13]. Интенциональный подход, пришедший на смену функционально-стилистическому в рамках перехода от системной парадигмы к антропоцентрической, выступает для нас центральным методом исследования, определяющим концепцию сопоставительного анализа пунктуационных практик разноязычных журналистов в стилистическом и прагматическом аспектах. Если первый позволяет проследить, как пунктуация усиливает выразительность заголовочного высказывания, то, как подчеркивает теоретик экспрессивной пунктуации Л.А. Будниченко,

«в прагматическом аспекте важно, как, употребляя тот или иной знак препинания, автор кодирует с его помощью свои интенции, свое эмоциональное отношение к событиям, персонажам текста, стремясь вызвать у реципиента эмоции, созвучные авторскому замыслу» [8. С. 12]. Кроме того, «именно интенциональный подход помогает адресату правильно декодировать авторский замысел» [9. С. 115], что указывает не только на лингвистическую, но и на общесоциальную значимость исследования выразительного речевоздействующего потенциала пунктуации — в плане повышения коммуникативной культуры и уровня медийно-информационной грамотности в обществе.

Материалы и методы

Цель настоящей статьи — представить и охарактеризовать выявленные нами отдельные распространенные стратегии пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков на чувашском языке.

Эмпирической базой исследования послужили аналитические материалы, опубликованные в 2017–2021 гг. на сайте газеты «Хыпар» — единственного представленного в Интернете чувашезычного качественного печатного СМИ, которое за многолетнюю историю выхода в свет в бумажном варианте завоевало доверие читателей, стало для носителей чувашского языка, проживающих в Чувашии, авторитетным источником информации, дающим речевые ориентиры и формирующим языковые вкусы в целом. По утверждению видного чувашского лингвиста С.П. Горского, непосредственно газета «Хыпар» сыграла важную роль в утверждении норм чувашского литературного языка в 1906–1907 гг.: «...как единый печатный орган [она] должна была отражать интересы в области языка и верховых, и низовых чувашей» [10. С. 241]. На наш взгляд, и на современном этапе, в условиях медийной, экранной культуры, интернет-версия «Хыпар», демонстрируя реальную практику письма, формирующуюся в немалой степени под воздействием разговорной речи, влияет на развитие чувашского литературного языка наряду с носителями других форм чувашской медиаречи.

Применяя интенциональный метод к анализу пунктуационного оформления заголовков, мы смещаем фокус с изучения пунктуационных норм и отступления от них к «субъекту речи, отображающему с помощью пунктуационных средств свои стилистико-смысловые намерения в письменном речевом общении и осуществляющему смысловое восприятие и стилистическую оценку пунктуационной „упаковки“ письменного высказывания» [11. С. 529], вытесняя функционально-системный подход интегрированным, основывающимся на идеях коммуникативно-прагматического и психолингвистического направлений.

Результаты и их обсуждение

В отличие от русско- и англоязычной теорий пунктуации, которые с начала XXI в. пополнились многочисленными исследованиями особенностей функционирования знаков препинания в речетворчестве пишущего, их стилистической, жанровой обусловленности в этом процессе, в теории чувашской пунктуации подобные вопросы еще не разрабатывались.

Пунктуация чувашского языка рассматривалась в трудах ученых с ортологических позиций: предметом научных дискуссий в основном становились вопросы кодификации норм и, в частности, спорные случаи употребления знаков препинания в сложном предложении [12–16].

Пунктуационная практика в чувашском языке носит нормативный характер. Она регламентирована сводом правил, утвержденным орфографической комиссией Чувашской Республики в 1992 г. [17]. При постановке знаков препинания пишущие исходят из смыслового принципа. В трудных речевых ситуациях ориентируются на интонацию; формально-грамматические основания учитывают крайне редко. С момента принятия правил чувашской пунктуации прошло три десятилетия, но, несмотря на то, что с тех пор узус пополнился новыми тенденциями в применении знаков препинания, нормы еще не пересматривались, не уточнялись и не дополнялись.

Наши наблюдения за функционированием знаков препинания в сетевых аналитических газетных заголовках показали, что пунктуационная практика современных журналистов функционально разнообразна, отвечает их авторским интенциям, является для них средством реализации лингвокреативного потенциала языковой личности, имеет более эмотивные, нежели структурные предпосылки, что соответствует общим тенденциям пунктуационного маркирования в разных сферах письменной-речевой коммуникации [18. С. 111].

В процессе сбора, систематизации и анализа эмпирического материала исследования мы выяснили, что к числу распространенных коммуникативно значимых стратегий пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков на чувашском языке относятся случаи «упаковки» высказывания с помощью восклицательного знака, многоточия и кавычек (эмотивных знаков препинания — по классификации Л.А. Будниченко), а также вопросительного знака. Рассмотрим отдельные продуктивные пунктуационные модели заголовков.

В чувашезычных сетевых аналитических газетных заголовках активно используется *вопросительный знак*. Журналисты прибегают к данному пунктуационному средству, поскольку при поиске информации в Интернете пользователи чаще всего формулируют свой запрос в виде вопросительного предложения и при просмотре поисковой выдачи переходят по ссылке на тот материал, который озаглавлен идентично их запросу. Вопросительный знак актуализирует грамматическую структуру и выступает, с одной стороны, приемом аттракции,

а с другой — показателем грамотности автора, неочевидным средством формирования лояльности аудитории к материалу. Стоит заметить, что интернет-текстам свойственны аграмматизм и пренебрежение пунктуацией, которые в контексте ожидания читателями проверенной аналитической информации воспринимаются ими как маркеры несерьезных источников, авторам которых не следует доверять. На наш взгляд, в условиях выбора среди нескольких вариантов похожих вопросительных заголовков предпочтение будет сделано в пользу корректно пунктуационно оформленного. Так, одним из популярных случаев постановки вопросительного знака является его *употребление в конце заголовочной конструкции — простого вопросительного предложения с намерением постановки вопроса и поиска ответа:*

Пуллăх явапсарлăхĕ мĕн патне сĕтерет? [К чему приводит безответственность руководителя?] (11 сентября 2017);

Пулă ёрчетес отрасль вай илĕ-ши? [Будет ли развиваться отрасль рыбоводства?] (21 ноября 2017);

Кĕрешĕ спорчĕ вай илĕ-и? [Получит ли спорт кĕрешĕ дальнейшее развитие?] (10 апреля 2018).

Вопросительный знак реализует функцию постановки социально значимого вопроса, графически усиливая вопросительность и концентрируя внимание пользователей на содержании заголовочного высказывания, сформулированного недвусмысленно для однозначности его понимания массовой аудиторией и получения ее реакции. Вместе с тем вопросительный знак *употребляется в конце заголовочной конструкции — простого вопросительного предложения с намерением постановки риторического вопроса:*

Культураллă чăваш капитализмне кĕтсе илейĕпĕр-и? [Дождемся ли мы культурного чувашского капитализма?] (05 сентября 2017);

Шупашкар чăваш хули пулайĕ-ши? [Будут ли Чебоксары чувашским городом?] (29 января 2019);

Тарçă тытакан ĕру сĕтĕнмĕ-ши? [Не вырастет ли поколение, которое будет держать слуг?] (04 августа 2020).

Под риторическим вопросом в стилистике понимают утверждение или отрицание, представленное в вопросительной форме с целью усиления эмоциональности речи и привлечения внимания читателей. Рассуждая в своих материалах на темы, особенно злободневные для чувашезычной общественности, журналисты используют в заголовках риторические вопросы с вопросительным знаком в конце. Подобные стилистически маркированные вопросительные конструкции встречаются в числе заголовков нечасто, поэтому, будучи эмоционально заряжены и усилены выразительными структурно

и семантически, они заинтересовывают интернет-аудиторию, вызывая у нее желание вступить в диалог — поразмышлять вместе с автором над «извечными» проблемами, но напрямую связанными с актуальной информационной повесткой.

Еще одним прагматически эффективным способом употребления вопросительного знака в сетевых аналитических газетных заголовках на чувашском языке является его постановка *в конце двухчастной заголовочной конструкции с намерением метафорического обозначения темы высказывания (в первой части) и постановки связанного с ней конкретного вопроса (во второй части)*:

Тўлевсёр вёрентёвён «пытаннă» тўлевёсем, е Ашшĕ-амăшĕн кĕсйи мĕншĕн сўхелет? [«Скрытые» платежи за бесплатное обучение, или Почему у родителей тощат карман?] (07 июня 2017);

Тав сана, вулаканăм, е Хамăра аслă та пуян пулма ирĕк парар-и? [Спасибо тебе, читатель, или Давайте позволим себе быть мудрыми и богатыми?] (25 декабря 2017);

Ылтăн чăх сăмарти, е Аста йўнĕрех тавар туянма пулат? [Золотые куриные яйца, или Где можно купить более дешевый товар?] (18 января 2019).

Рассматриваемая пунктуационная модель заголовка лингвокреативна: она состоит из двух альтернативных вариантов заглавия — повествовательного и вопросительного, объединенных в один с помощью запятой и союза «е». Ставя вопросительный знак в конце заголовочной конструкции, журналист оформляет вопросительную часть заголовка, распространяя при этом вопросительность на все высказывание, что мотивирует читателя задуматься над поставленным вопросом и прочитать озаглавливаемый текст, чтобы понять замысел образования автором оригинальной двухчастной структуры, декодировать его отношение к заявленной теме.

В составленной нами картотеке заголовков сетевой версии газеты «Хыпар» выделяются заглавия, в которых особую смысловую роль играет **восклицательный знак**. Его употребление позволяет автору выразить эмоции по отношению к проанализированным в материале явлениям и дать им оценку.

Постановка восклицательного знака в конце заголовочной конструкции — восклицательного предложения с намерением метафорического обозначения темы высказывания и передачи эмоционально-оценочного отношения автора к излагаемому относится к одной из наиболее частотных пунктуационных практик журналистов:

Василий Чапаев миф мар — чăнлăх! [Василий Чапаев не миф — это реальность!] (09 февраля 2018);

Тырра туртсах илнĕ! [Хлеб отобрали!] (28 сентября 2018);

Улталаççĕ! [Обманывают!] (31 января 2020).

На примере приведенных заглавий можно убедиться, что восклицательный знак актуализирует эмоциональный компонент заголовочных высказываний (усилением лексических дескрипторов *миф мар — чӑнлӑх, туртсах илнӗ, улталаççӗ*) и передает читателям эмоциональный заряд авторской оценки.

В заголовках на чувашском языке восклицательный знак также употребляется *в конце заголовочной конструкции — побудительного предложения с намерением передачи эмоционально-оценочного отношения автора к теме высказывания*:

Сывлӑхлӑ пулӑр! [Будьте здоровы!] (20 ноября 2017);

Мотоблокпа аслӑ çул çине ан тух! [Не выезжай на главную дорогу на мотоблоке!] (10 сентября 2018);

«Эсӗ аннӗ пек ан пул!» [«Ты не будь как мама!»] (16 января 2020).

Формулируя заглавие побудительно и оформляя его восклицательным знаком, журналист устанавливает визуальный контакт с аудиторией, завуалированно определяет основную мысль текста и придает своему высказыванию дополнительную важность.

С целью маркирования недоговоренности, заминки в речи, совершенной с определенным подтекстом, под которым зачастую скрывается эмоционально-оценочное отношение к конкретной ситуации, авторы заголовков используют *многоотчие*. Оно помогает пишущим выразить конкретные эмоции и заразить ими читателей, активизировать их воображение.

В сетевых аналитических газетных заголовках на чувашском языке многоотчие ставится *в конце заголовочной конструкции — односоставного предложения с намерением метафорического обозначения темы высказывания и передачи эмоционально-оценочного отношения автора к излагаемому*:

Сулӑнкӑра... [В раскачке...] (03 декабря 2018);

Асфальт çинчи Акатуй... [Акатуй на асфальте...] (17 июля 2018);

Пӗррехинче, Питравра... [Однажды, на Петров день...] (26 февраля 2020).

Находясь в позиции конца предложения, многоотчие притягивает взгляды пользователей и актуализирует эмоционально-образный компонент заголовка, создавая эффект умолчания и намекая читателям на то, что недосказанное автором раскрыто в озаглавливаемом материале. Такая пунктуационная тактика прагматически результативна: интригует читателей и мотивирует их на совершение целевого действия.

Кроме того, многоотчие используется *в конце заголовочной конструкции — двусоставного предложения с намерением метафорического обозначения темы высказывания и передачи эмоционально-оценочного отношения автора к излагаемому*:

Паянхи пике хайне кўрентерме памасть... [Нынешняя девушка не даст себя в обиду...] (08 сентября 2017);

Юр ирёлет васкаса... [Снег быстро тает...] (16 апреля 2018);

Уяв вёсленмен-ха... [Праздник еще не закончился...] (30 июня 2020).

Если в предыдущем примере многоточие применялось для оформления односоставных структур, то в этом — для двусоставных, более информативных, раскрывающих не только детали явления, но и суть действия, связанного с ним. Как и в рассмотренном выше случае, оно маркирует авторский подтекст, который можно декодировать после ознакомления с материалом.

Среди сетевых аналитических газетных заголовков на чувашском языке есть немало примеров, в которых используются *кавычки*. *В заголовочной конструкции в кавычки заключаются слова и словосочетания, употребляемые в переносном значении, с намерением метафорического обозначения темы высказывания:*

Тўлевсёр вёрентёвён «пытанй» тўлевёсем, е Ашшё-амашён кёсий мёншён сўхелет? [«Скрытые» платежи за бесплатное обучение, или Почему у родителей тощат карман?] (07 июня 2017);

«Икё сунат» хўттипе [Под прикрытием «двух крыльев»] (29 мая 2018);

Экономикяри «тёлёнтермёшчен» инсе-ха, анчах асамлăха шанмалла [До экономического «чуда» еще далеко, но в волшебство надо верить] (30 апреля 2020).

Кавычки, выделяя отдельные выражения, делают визуально заметнее не только выбранные лексемы, но и всю заголовочную структуру, а также, маркируя коннотативное значение закавыченных слов / фраз, эмоционально окрашивают все высказывание, побуждая читателей перейти по ссылке и узнать, по какому поводу таким образом высказался автор.

Пунктуационному оформлению заголовков аналитических интервью присуще употребление кавычек, основанное на том, что *в заголовочной конструкции в кавычки заключается все высказывание, представляющее собой процитированное высказывание героя материала, с намерением передачи в сжатой и стилистически выразительной форме содержания материала:*

«Асатте пушши куштанланмасёр пурялма вёрентрё» [«Дедушкин кнут научил меня жить не зазнаваясь»] (24 октября 2019);

«Апата сулахай алăпа перёнке юрамасть» [«Нельзя прикасаться к еде левой рукой»] (21 июля 2020);

«Республика аталанăвёшён тăрăшса ёслёпёр» [«Будем усердно работать для развития республики»] (13 июля 2021).

Журналист выбирает необычную, фактологически важную или вне контекста неоднозначную фразу интервьюируемого и помещает ее в заглавие, заключая в кавычки. Читатель обращает внимание на выделенные кавычками

заголовки, понимает, что в их основе — цитата, но не подозревает, кому она принадлежит, что, при условии заинтересованности ее содержанием, мотивирует его перейти по ссылке и узнать подробности.

Заключение

Анализ пунктуационной практики чувашезычных журналистов, выполненный на материале заголовков аналитических публикаций сетевой версии газеты «Хыпар» за 2017–2021 гг., показал, что, реализуя генеральную интенцию убеждения, при графическом оформлении высказываний авторы используют функциональные возможности вопросительного и восклицательного знаков, многоточия и кавычек — ресурсов экспрессивной пунктуации, позволяющей расставить акценты, выделить значимую часть фразы, передать эмоционально-оценочное отношение к заявленной теме и в целом усилить выразительность заголовочной конструкции и добиться нужного адресанту прагматического эффекта. В данной статье не были рассмотрены случаи постановки двоеточия и тире в сетевых аналитических газетных заголовках на чувашском языке, поскольку в них они встречаются реже, но, несмотря на меньшую востребованность, они также имеют большой речевоздействующий потенциал.

Специфика функционирования пунктуации в разных формах чувашской письменной медиаречи требует дальнейшего исследования в русле коммуникативно-прагматического и психолингвистического подходов с опорой на авторскую интенциональность. Это необходимо, чтобы понять диапазон и логику различных стратегий пунктуационного оформления медиатекстов в зависимости от намерений автора и коммуникативной ситуации, зафиксировать новые функциональные значения знаков препинания, определить направления развития чувашской пунктуации в современных условиях, когда медиаречь все заметнее влияет на общепринятую практику употребления знаков препинания.

Список литературы

1. Долгова А.П., Кузнецов А.В. Развитие чувашского языкознания в начале XXI века: достижения, проблемы и насущные задачи // *Российская тюркология*. 2020. № 1–2 (26–27). С. 88–94.
2. Коньков В.И. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // *Мир русского слова*. 2016. № 3. С. 58–63.
3. Вещикова И.А. Публицистический стиль в современной языковой ситуации // *Русская речь*. 2021. № 2. С. 7–19.
4. Гаврилов А.Д., Иванова А.М. Отличительные особенности заголовка сетевого издания // *Ашмаринские чтения: сб. статей XII Международной научно-практической конференции*, Чебоксары, 20 ноября 2020 года. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2020. С. 224–226.

5. Гаврилов А.Д. Сопоставительное изучение пунктуации в сетевом газетном заголовке: к постановке проблемы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 3–8.
6. Гизатуллина А.К. Оценочность как одна из форм проявления экспрессивности: эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 91 (63). С. 73–75.
7. Клушина Н.И. Медиастилистика. М.: ФЛИНТА, 2018.
8. Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет). СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.
9. Клушина Н.И. Интенциональность авторского сознания и эффекты в коммуникации // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 114–121.
10. Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода / под ред. М.Я. Сироткина. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959.
11. Сигал К.Я. Истоки психолингвистического подхода к пунктуации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. № 3. С. 529–536. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-529-536>
12. Андреев И.А. Чувашская письменность и вопросы пунктуации // 100 лет новой чувашской письменности: сб. ст. Чебоксары, 1972. С. 132–144.
13. Иванов А.И. Некоторые вопросы чувашской орфографии и пунктуации // Ученые записки ЧНИИ. 1956. Вып. 19. С. 86–116.
14. Чернов М.Ф. Обособленные члены предложения в современном чувашском языке. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1963.
15. Андреев И.А. Чăваш пунктуацийĕ: иртни, хальхи, пуласси [Чувашская пунктуация: прошлое, настоящее, будущее]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990.
16. Андреев И.А. Чăваш пунктуацийĕ: тўрлетсе сĕнетнĕ кăларăм [Чувашская пунктуация: дополненное издание]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004.
17. Чăваш орфографийĕпе пунктуацийĕ (тĕрĕс сырмалли правилăсем) [Чувашская орфография и пунктуация (нормы произношения)]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992.
18. Сигал К.Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 94–121.

References

1. Dolgova, A.P., Kuznetsov, A.V. 2020. "The development of the Chuvash linguistics at the beginning of the XXist century: achievements, problems and pressing tasks". Russian Turcology 1–2 (26–27): 88–94. Print. (In Russ.).
2. Kon'kov, V.I. 2016. "Media speech: the content of the concept and principles of analysis". The World of Russian Word Journal 3: 58–63. Print. (In Russ.).
3. Veshchikova, I.A. 2021. "Journalistic Style in the Modern Language Situation". Russian Speech 2: 7–19. Print. (In Russ.).
4. Gavrilov, A.D., Ivanova, A.M. 2020. "Distinctive features of the title of the online edition". In Ashmarin Readings: collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, November 20, 2020. Cheboksary: Chuvash state university publ. Pp. 224–226. Print. (In Russ.).
5. Gavrilov, A.D. 2021. "A Comparative Study of Punctuation in a Web Newspaper Headline: Toward a Problem Statement". Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin 3 (112): 3–8. Print. (In Russ.).
6. Gizatullina, A.K. 2016. "Evaluation as a Form of Expressiveness: Emotionally Expressive Sentences in Tatar and French". Philology. Theory & Practice 91 (63): 73–75. Print. (In Russ.).

7. Klushina, N.I. 2018. *Mediastylistics*. Moscow: FLINTA publ. Print. (In Russ.).
8. Budnichenko, L.A. 2003. *Expressive punctuation in a journalistic text (based on the language of newspapers)*. Saint Petersburg State University publ. Print. (In Russ.).
9. Klushina, N.I. 2022. “Intentionality of the Author’s Consciousness and Effects in Communication”. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute* 1: 114–121. Print. (In Russ.).
10. Gorskii, S.P. 1959. *Essays on the history of the Chuvash literary language of the pre-October period*. Edited by M.Ya. Sirotkin. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo publ. Print. (In Russ.).
11. Seagal, K.Ya. 2022. “The origins of the psycholinguistic approach to punctuation”. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology* 3: 529–536. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-529-536>
12. Andreev, I.A. 1972. “Chuvash writing and questions of punctuation”. In *100 years of the new Chuvash writing*: Collection of Articles. Cheboksary. Pp. 132–144. Print. (In Russ.).
13. Ivanov, A.I. 1956. “Some issues of Chuvash spelling and punctuation”. *Uchenye zapiski ChNII* 19: 86–116. Print. (In Russ.).
14. Chernov, M.F. 1963. *Obosoblennye chleny predlozheniya v sovremennom chuvashskom yazyke*. Cheboksary: Chuvashgosizdat publ. Print. (In Russ.).
15. Andreev, I.A. 1990. *Chävash punktuatsiië: irtni, khal’khi, pulassi* [Chuvash punctuation: past, present, future]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo publ. (In Chuv.)
16. Andreev, I.A. 2004. *Chävash punktuatsiië: tÿrletse çënetnë käläräm* [Chuvash punctuation: an updated edition]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo publ. Print. (In Chuv.)
17. *Chävash orfografiiepe punktuatsiië (tëres çyrmalli praviläsem)* [Chuvash orthography and punctuation (spelling rules)]. 1992. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo publ. Print. (In Chuv.)
18. Seagal, K.Ya. 2022. “Development of Punctuation theory in First Quarter of 21st Century: Main Trends”. *Nauchnyi dialog* 2: 94–121. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Гаврилов Артём Дмитриевич — кандидат филологических наук, ассистент кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: artmaster28@rambler.ru.
ORCID: 0000-0001-6031-2725

Bio Note:

Artem D. Gavrilov is a Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Department of Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University. E-mail: artmaster28@rambler.ru.
ORCID: 0000-0001-6031-2725

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-240-248

EDN: INYDQR

Научная статья

Некоторые названия «пчелиных домиков» в удмуртском языке XVIII века

Л.М. Ившин

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
✉ ivleo.75@mail.ru

Аннотация. Изучение терминологии различных промыслов, в том числе пчеловодства, является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить историю фиксации слов *подэм* ‘борть’ и *уморто* ‘улей’ в удмуртском языке начиная с XVIII столетия — самых ранних памятников письменности — и заканчивая словарями современного периода, проанализировать развитие семантики, а также определить происхождение этих слов. Для достижения поставленной цели в статье рашаются задачи, ориентированные на выявление и описание названных терминов и сопоставление их с данными из других языков. Материалом исследования послужили письменные памятники XVIII–XIX столетий, современные словари удмуртского языка, а также параллели из родственных и контактирующих языков. Используется описательный метод, элементы семантического и этимологического анализа. В работе впервые прослеживается история более чем двухвековой фиксации удмуртских слов, связанных с пчеловодством. В ходе исследования обнаружено расширение лексического значения слова *уморто* в процессе развития языка. Этимологический анализ позволил выявить, что *подэм* ‘борть’ является исконно удмуртским словом, а *уморто* ‘улей’ было заимствовано из татарского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, лингвистика, словарь, пчеловодство, улей, лексика, история слова, письменные памятники, этимология

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Ившин Л.М.* Некоторые названия «пчелиных домиков» в удмуртском языке XVIII века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 240–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-240-248>

© Ившин Л.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Some Names of “Bee Houses” in the Udmurt language of the 18th Century

Leonid M. Ivshin

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Str. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation,
✉ ivleo.75@mail.ru

Abstract. The study of the terminology of various crafts, including beekeeping, is one of the current trends in modern linguistics. The purpose of the study is to trace the history of the fixation of the words *podem* ‘bort’ and *umorto* ‘beehive’ in the Udmurt language, starting from the 18th century — the earliest written monuments — and ending with dictionaries of the modern period, to analyze the development of their semantics, and also to determine the origin. To achieve this goal, the article solves problems focused on identifying and describing the above terms and comparing them with data from other languages. The material of the study was written monuments of the 18th–19th centuries, modern dictionaries of the Udmurt language, as well as parallels from related and contacting languages. A descriptive method, elements of semantic and etymological analysis are used. The work for the first time traces the history of more than two centuries of fixation of Udmurt words related to beekeeping. The study revealed the expansion of the lexical content of the word *umorto* in the course of language development. The etymological analysis made it possible to reveal that *podem* ‘bort’ is a native Udmurt word, and *umorto* ‘beehive’ was borrowed from Tatar.

Key words: Udmurt language, linguistics, dictionary, beekeeping, hive, vocabulary, word history, written monuments, etymology

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Ivshin, L.M. 2023. “Some Names of ‘Bee Houses’ in the Udmurt language of the 18th Century”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 240–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-240-248>

Введение

Пчеловодство является одним из древнейших хозяйственных занятий человека и возникло еще в первобытном обществе. Исследователи истории отмечают, что добыча меда и воска восходит к периоду времен собирательства. Выводы историков для лингвистического анализа имеют исключительно важное значение, поскольку без учета реальной исторической жизни невозможно правильно понять систему хозяйственной лексики¹. Человек верхнего

¹ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. Т. 80. [докторская диссертация]. Л., 1949. С. 131.

палеолита использовал мед и расплод пчел в качестве пищи. Древнейшим и наиболее элементарным этапом в развитии пчеловодства было добывание меда и воска диких пчел в местах их естественных гнездований — в дуплах деревьев. Позже собирательство заменилось бортничеством (устраивали естественные жилища для пчел в виде выдолбленных дупел в деревьях, а впоследствии — в обрубках деревьев, которые размещали в лесах на деревьях для привития роев) и, наконец, колодочным (пасечным) разведением пчел [1. С. 46; 2. С. 158; 3. С. 82]. Бортничество давало возможность человеку приблизить и примитивно контролировать пчелиные семьи. Борты отмечались семейными знаками — тамгами — и считались наследственной собственностью. Однако данный вид пчеловодства по причине разбросанности бортей требовал от пчеловодов много сил и времени. Поэтому происходит постепенный переход к колодочному (пасечному) пчеловодству. Пчелы стали содержаться в колодах на лесных пасеках или около домов, на приусадебных участках. Временем возникновения рамочных ульев П.Н. Луппов называет XIX — начало XX в. [4. С. 12, 32], однако М.В. Гришкина считает, что пасечное пчеловодство среди удмуртов появляется уже в XVIII в. [5. С. 71]. Появление ульев-колод в практике пчеловодства имело два важных последствия для его дальнейшего развития. Во-первых, оно содействовало переходу к пасечному содержанию пчел, во-вторых, послужило основой развития домашнего пчеловодства.

Наше исследование посвящено анализу лексем, обозначающих понятие «домик для пчел», зафиксированных в памятниках письменности удмуртского языка XVIII столетия: *подэм* ‘бортъ’ и *уморто* ‘улей’. Источниковая база представлена рукописными и печатными памятниками ранней удмуртской письменности (XVIII в.), а также лексикографическими работами, опубликованными в конце XIX — начале XXI в. Последние являются особенно важными для представления более полной истории фиксации этих слов в удмуртском языке, а также при изучении постепенного семантического изменения или развития слов. При решении поставленных целей использовались методы лингвистического описания, семантический и этимологический. Формы слов и толкования из всех источников приведены без изменений.

Обсуждение

Термины пчеловодства составляют существенный пласт современного словарного состава удмуртского языка, их всестороннее изучение представляет огромный интерес не только для языковедов, но и этнографов и историков. Рассмотрение данной тематической группы содержит потенциал для ознакомления с материальной культурой удмуртского народа, содействует выявлению и раскрытию хозяйственно-культурных взаимоотношений удмуртов с другими народами.

Специального комплексного исследования терминов пчеловодства в удмуртском языке, к сожалению, пока не имеется. Пчеловодческой лексике, впервые зафиксированной в самых ранних письменных памятниках удмуртского языка, была посвящена статья удмуртского лингвиста-картографа Р.Ш. Насибуллина. Он приводит список встречающихся в документах слов, так или иначе относящихся к данной хозяйственной деятельности удмуртов, однако никакого анализа не производит, а лишь отмечает, что в словарных работах и фольклорных текстах содержится крайне малое количество терминов разведения пчел — всего от трех до двадцати единиц, зато имеются специальные книги, посвященные пчеловодству, располагающие колоссальным числом слов — до полутора тысяч лексем, относящихся к данной предметной группе [6. С. 131].

Перейдем непосредственно к рассмотрению удмуртских слов *подэм* ‘борть’ и *уморто* ‘улей’.

Слово *подэм* ‘борть’ зафиксировано в двух памятниках письменности удмуртского языка XVIII столетия:

1780: *подёмь* ‘борть’ [7. С. 28]²;

1785: *подэмь* ‘улей’ [9. С. 172].

Здесь прежде всего обращает на себя внимание непоследовательное обозначение гласного второго слога э: в первом случае он передан йотированной буквой, во втором — нейотированной. Подобная непоследовательность была присуща в буквенном оформлении удмуртских слов в письменных памятниках на кириллице вплоть до второй половины XIX столетия, поскольку в то время еще не существовало закрепленных правил удмуртской орфографии.

История дальнейшей письменной фиксации слова *подэм* ‘борть’ в удмуртском языке выглядит следующим образом:

1890-е гг.: *podem* G J MU ‘Bienenstock (J MU: in einer Baumhöhle) (улей в дупле дерева — Л.И.)’ [10. С. 202];

1892: *подэм* ‘борть или пустота въ стоящемъ деревѣ и ульѣ’ [11. С. 188];

1896: *podäm* (Sar.) ‘faüregböl alakitott méhkas (улей, сдѣланный въ деревѣ) | bienenstock in einer baumhöhle’³;

1932: *подэм* ‘улей в дереве; хранилище, старинный способ удмуртов класть ценные вещи в дупло’ [12. С. 224–225];

1956: *подэм* ‘борть’ [13. С. 60];

1983: *подэм* ‘ [бортовой] улей’ [14. С. 348];

2008: *подэм* ‘бортовой улей’ [15. С. 535];

² Последние исследования показали, что «Краткой отяцкія Грамматики опыть» был составлен М. Мышкиным, а не М. Могилиным, как считалось ранее [8. С. 194].

³ *Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. С. 575–576.*

2013: *подэм* ‘бортень, подвязная борть (пустой улей, колода, привязываемая к дереву для ловли улетевшего роя); колодочный улей (из толстого бревна)’ [16. С. 168];

2019: *подэм, подмам (колода) уморто* ‘борть уст.’, *подэм жсутъяса мушканы* ‘бортничать’ [17. С. 91].

Представленный материал показывает, что анализируемое слово на протяжении более чем двухвековой фиксации в словарях почти не претерпело каких-либо изменений в семантике, а в современных словарях получило более подробное толкование значения. Надо заметить, что в последнее время оно почти не употребляется и относится к устаревающему пласту удмуртской лексики.

Этимологическая литература не дает никаких сведений относительно удмуртских слов *подэм* и *подмам* ‘борть’. Как нам кажется, первая форма образована в период отдельного развития удмуртского языка (поскольку в родственных языках параллели отсутствуют) от финно-угорского глагола *подыны* с первоначальным значением ‘закрыть’ посредством прибавления суффикса *-эм*, ср.: кз. *pödan* ‘заслонка’, ‘дверка, дверца’; *pödlavny* ‘закрыть, затворить’ | удм. *подыны* ‘прищемить’ < общеп. **pöd-* (< ? **püd-*) || венг. *födni* ‘покрывать, прикрывать’ | манс. *pänt-, pent-* ‘тж’ | хант. *pent-* ‘тж’ < доперм. **päntä, pentz* [18. С. 227]. В первое время лексема *подэм* предположительно означала ‘закрытая колода’. Вторая форма *подмам* ‘борть’, по нашему мнению, также образована в период отдельного развития удмуртского языка при помощи суффикса *-ам*, но уже от другого удмуртского глагола — *подманы* ‘долбить, выдолбить [колоду для улья]’. Таким образом, формы *подэм* и *подмам* ‘борть’ являются исконными удмуртскими образованиями.

Теперь рассмотрим другое слово — *уморто* ‘улей’, которое из всех памятников письменности XVIII столетия отмечено только в первой грамматике удмуртского языка:

1775: *Уморто* ‘улей’⁴.

Письменные документы, составленные позже, представляют следующую картину фиксации этого понятия в удмуртском языке:

1880: *umorto* ‘Bienenstock (улей — Л.И.)’⁵;

1890-е гг.: *umorto* S M MU, *ukmorto* U ‘Bienenstock (улей — Л.И.)’ [< tat.] [10. С. 297–298];

1892: *уморто* ‘улей для содержания пчель (у тат. *уморь*, у чер. *уморь*)’ [11. С. 237];

1896: *umorto* | tat. ‘méhkas; rövid vastag fatönk, melyet helül kivájva méhkasúl használnak | bienenstock; kurzer u. dicker klotz den man aushöhlt u. als bienenstock

⁴ Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотскаго языка. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1775. С. 28.

⁵ *Wiedemann F.J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deut-schen Register. St.-Petersburg, 1880. С. 547.

gebraucht (короткое и толстое бревно, которое выдолблено и используется как улей — Л.И.)⁶;

1925: *уморто* ‘улей’ [19. С. 362];

1932: *уморто* ‘улей, чурка’ [12. С. 304];

1948: *уморто* ‘улей; колодочный улей, колода’ [20. С. 309];

1956: *муш уморто (чурка)* ‘улей’ [13. С. 1158];

1983: *уморто* ‘улей; колодочный улей, колода; дуплянка’ [14. С. 450];

2008: *уморто* ‘1. улей; колодочный улей, колода; дуплянка 2. скворечник’ [15. С. 696];

2013: *муш уморто, муш чурка* ‘улей’ [16. С. 53];

2019: *муш уморто, муш чурка* ‘улей’ [21. С. 754].

Приведенный материал показывает, что в удмуртском языке XVIII столетия лексема *уморто* обозначала конкретный предмет — улей. В течение более чем двухвекового развития языка значение слова расширилось, и *уморто* стало употребляться также в значении ‘скворечник’. Поэтому словари, созданные в текущем столетии, понятие «улей» на удмуртском языке передают уже словосочетанием, содержащим атрибут «пчелиный»: *муш уморто* ‘улей’ (дословно: пчелиный улей).

Относительно происхождения слова *уморто* в удмуртском языке еще в 90-е годы XIX века впервые заговорили зарубежные ученые Б. Мункачи и Ю. Вихманн: оно было заимствовано из татарского языка со значением ‘улей’⁷ [10. С. 297–298]. Позже данное предположение было поддержано и другими исследователями: удм. *уморто* ‘улей’, мар. *омартэ* ‘тж’ < тат., башк. *умарта* ‘тж’ [22. С. 361; 23. С. 67; 24. С. 134; 25. С. 300; 26. С. 347]. Интересным представляется мнение Р.Ш. Насибуллина о том, что *уморто* может быть исконно удмуртским сложным образованием, а татары и марийцы, в свою очередь, усвоили эту лексему у удмуртов [27. С. 124]. Однако это предположение является сомнительным, поскольку, как отмечает сам лингвист, рассматриваемое слово имеет распространение в южной диалектной зоне удмуртского языка. Не функционирует оно и в ближайших родственных коми языках. Мы все-таки придерживаемся татарского происхождения этого слова в удмуртском языке.

Заключение

Таким образом, пчеловодство у удмуртов занимало важное место в их хозяйственной деятельности. Лингвистический анализ названий, связанных с понятием «пчелиный домик», зафиксированных в конце XVIII столетия в памятниках ранней удмуртской письменности, позволяет сделать следующие выводы: 1) слово *подэм* ‘борть’ практически не претерпело заметных

⁶ *Munkácsi B. A votják nyelv szótára...* С. 102..

⁷ Там же. С. 102.

изменений в семантическом плане и на данный момент относится к устаревшей лексике удмуртского языка; 2) слово *уморто* ‘улей’ получило расширение значения: в конце XX — начале XXI века оно стало употребляться с дополнительной семантикой — ‘скворечник’; 3) данные этимологической литературы позволяют подразделить рассмотренные наименования на исконно удмуртское (*подэм* ‘бортъ’) и татарское заимствование (*уморто* ‘улей’).

Список сокращений

башк. — башкирский язык;	G — глазовский диалект (по: Wichmann 1987);
венг. — венгерский язык;	J — елабужский диалект (по: Wichmann 1987);
доперм. — допермский язык-основа;	M — малмыжский диалект
кз. — коми-зырянский язык;	(по: Wichmann 1987);
манс. — мансийский язык;	MU — малмыжско-уржумский диалект
мар. — марийский язык;	(по: Wichmann 1987);
общеп. — общепермский язык-основа;	S. — сарапульский диалект
ср. — сравни;	(по: Wichmann 1987);
тат. — татарский язык;	Sar. — сарапульский диалект
удм. — удмуртский язык;	(по: Munkácsi 1896);
уст. — устаревшая форма;	tat. — татарский язык (по: Wichmann 1987,
хант. — хантыйский язык;	Munkácsi 1896);
чер. — черемисский (марийский) язык;	U — уфимский диалект (по: Wichmann 1987).

Список литературы

1. Владыкин В.Е., Христолюбова, Л.С. Этнография удмуртов: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991.
2. История Удмуртии. Конец XV — начало XX века / под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2004.
3. Удмурты: историко-этнографические очерки / ред. В.В. Пименов; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1993.
4. Луптов П.Н. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930.
5. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977.
6. Насибуллин Р.Ш. Удмуртские термины по пчеловодству // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. статей по материалам VI Всероссийской научн. конференции финно-угроведов / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 130–135.
7. Могилинь М. Краткой отяцкия Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.
8. Чураков В.В. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой Отыцкой грамматики опытъ» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 3. С. 184–196.
9. Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1995.
10. Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987.
11. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь = Удмуртско-русский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006.
12. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932.

13. Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов / отв. ред. В.М. Вахрушев. М.: ГИИНС, 1956.
14. Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983.
15. Удмуртско-русский словарь. Ок. 50 000 слов / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов. Ижевск, 2008.
16. *Насибуллин Р.Ш., Семенов В.Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь / под ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Научная книга, 2013.
17. Русско-удмуртский словарь: в 2 т. / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин. Ижевск, 2019. Т. 1. (А–О).
18. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
19. *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 6. Кн. 4. Русско-вотский словарь = Русско-удмуртский словарь. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2020.
20. Удмуртско-русский словарь / под ред. Н. А. Дружковой. М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948.
21. Русско-удмуртский словарь: в 2 томах. / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. Т. 2. (П–Я).
22. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
23. *Тараканов И.В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1981.
24. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.
25. *Csúcs S.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990.
26. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда [Татарский этимологический словарь: в 2 томах. Т. 2 (М–Я) / Жәваплы редактор А.Ә. Тимерханов. Казан: Мәгәриф–Вакыт, 2015.
27. *Насибуллин Р.Ш.* Комментарий к карте «рамочный улей» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. VII. Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2020. С. 121–124.

References

1. Vladykin, V.E., and L.S. Khristolyubova. 1991. *Ethnography of the Udmurts: Manual*. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Russ.).
2. *History of Udmurtia: The end of the 15th — the beginning of the 20th century*. 2004. Edited by K.I. Kulikov. Izhevsk. Print. (In Russ.).
3. *Udmurts: historical and ethnographic essays*. 1993. Edited by V.V. Pimenov. Izhevsk. Print. (In Russ.).
4. Luppov, P.N. 1930. *Historical sketch of the Vyatka region*. Vyatka. Print. (In Russ.).
5. Grishkina, M.V. 1977. *Peasantry of Udmurtia in the 18th century*. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Russ.).
6. Nasibullin, R.Sh. 2019. “Udmurt terms on beekeeping”. In *Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges Proceedings*. Izhevsk: Izd-vo Anny Zeleninoy publ. Print. Pp. 130–135. (In Russ.).
7. Mogilin, M. 1998. *Kratkoi ot'yaczkiya Grammatiki opyt [Experience of a brief Udmurt grammar]*. Edited by L.E. Kirillova. Izhevsk: UIYaL UrO RAN publ. Print. (In Russ.).
8. Churakov, V.V. 2016. “Authorship, dating and history of the manuscript ‘Short Otyak Grammar Experience’”. *Yearbook of Finno-Ugric Studies* 3: 184–196. Print. (In Russ.).
9. Krotov, Z. 1995. *Udmurt-Russian Dictionary*. Izhevsk: Udm. in-t IYaL UrO RAN publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
10. Wishmann, Y. 1987. *Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen*. Helsinki. Print. (In German).

11. Vereshhagin, G.E. 2006. Collection of Works. In 6 vol. Vol. 6. Book 2: Udmurt-Russian Dictionary. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
12. Borisov, T.K. 1932. Udmurt-Russian explanatory dictionary. Izhevsk: Udmurtgosizdat publ. Print. (In Russ.)
13. Udmurt-Russian Dictionary. 1956. Edited by V.M. Vakhrushev. Moscow: GIINS publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
14. Udmurt-Russian Dictionary. 1983. Edited by V.M. Vakhrushev. Moscow: Russkij yazyk publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
15. Udmurt-Russian Dictionary. 2008. Composed by T.R. Dushenkova, A.V. Egorov, L.M. Ivshin, L.L. Karpova, L.E. Kirillova, O.V. Titova, A.A. Shibanov. Izhevsk. Print. (In Russ., in Udmurt).
16. Nasibullin, R.Sh., and V.G. Semenov. 2013. System-thematic Russian-Udmurt Dictionary. Edited by R.Sh. Nasibullin. Izhevsk: “Nauchnaya kniga” publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
17. Russian-Udmurt Dictionary. 2019. In 2 vol. Vol. 1. (A–O). Composed by L.M. Ivshin, S.A. Maksimov, O.V. Titova. Edited by L.M. Ivshin. Izhevsk. Print. (In Russ., in Udmurt).
18. Lytkin, V.I., and E.S. Gulyaev. 1999. Brief Etymological Dictionary of the Komi language. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo publ. Print. (In Russ.).
19. Vereshhagin, G.E. 2020. Collection of Works. In 6 vol. Vol. 6. Book 4: Russian-Udmurt Dictionary. Izhevsk: UIIYaL UdmFICz UrO RAN publ. Print. (In Russ., in Udmurt).
20. Russian-Udmurt Dictionary. 2019. In 2 vol. Vol. 2. (P–Ya). Composed by L.M. Ivshin, S.A. Maksimov, O.V. Titova. Edited by L.M. Ivshin. Izhevsk. Print. (In Russ., in Udmurt).
21. Räsänen, M. 1969. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki. Print. (In German).
22. Tarakanov, I.V. 1981. Foreign Dictionary in the Modern Udmurt language: Manual. Izhevsk. Print. (In Russ.).
23. Tarakanov, I.V. 1993. Udmurt-Turkic language relationships. Izhevsk. Print. (In Russ.).
24. Csúcs, S. 1990. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó publ. Print. (In German).
25. Әкһмәт’янов, R.G. 2015. Tatar teleneң etimologik cyzlege [Tatar etymological dictionary]. 2015. In 2 vol. Vol. II (M–Ya). Edited by A.Ә. Timerkhanov. Kazan: Mәgәrif–Vakyт publ. (In Tatar).
26. Nasibullin, R.Sh. 2020. “Commentary on the Frame Hive Map”. In Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Vol. VII. Izhevsk: Institut komp’uternykh issledovaniy publ; Reguljarnaya i khaoticheskaya dinamika publ. Pp. 121–124. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ившин Леонид Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. E-mail: ivleo.75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3774-2617

eLibrary SPIN-code: 1603-3915

Bio Note:

Leonid M. Ivshin is Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Department of Philological Research of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ivleo.75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3774-2617

eLibrary SPIN-code: 1603-3915

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-249-260
EDN: JAAIPX

Научная статья

Определение основы татарского глагола по его инфинитиву

М.Ю. Кузнецов

Казанский научный центр РАН,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111,
Казань, ул. Лобачевского, 2/31
✉ kuzur0712@yandex.ru

Аннотация. Описан алгоритм нахождения основы татарского глагола по его инфинитиву, выведенный автором в ходе работы над собственным курсом татарского языка как неродного. Ранее в татарской филологии подобного алгоритма ни в одном пособии или справочном издании не предлагалось. Алгоритм разработан с целью упростить изучение татарского языка как неродного, снабдить изучающих его лиц непротиворечивым способом получения основы от любого глагола. Материалом для разработки алгоритма послужили списки глаголов из разных источников, в том числе из «Обратного словаря татарского языка» М.Х. Ахтямова, а также татарско-русские словари. Правописание инфинитивов в спорных случаях было проверено по многочисленным словарям, в том числе по толковым и переводным, предлагающим примеры употребления глаголов в письменной речи. Согласно разработанному алгоритму все глаголы татарского языка разбиваются на четыре группы и к каждой из них применяется своя подсистема правил. Определение основы глагола в татарском языке представляет значительную сложность для человека, приступающего к его изучению как неродного, и предлагаемый автором алгоритм призван в какой-то мере послужить решению данной проблемы.

Ключевые слова: татарский глагол, основа татарского глагола, инфинитив татарского глагола, грамматика татарского языка, методика преподавания татарского языка как неродного

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Кузнецов М.Ю. Определение основы татарского глагола по его инфинитиву // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 249–260. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-249-260>

© Кузнецов М.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Determination of the Base of the Tatar Verb by its Infinitive

Maksim Yu. Kuznetsov

Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Russian Federation
✉ kuzur0712@yandex.ru

Abstract. The article discusses the algorithm for finding the base of the Tatar verb by its infinitive derived by the author working on his own course of the Tatar language as a non-native. Its relevance lies in the fact that previously in Tatar philology no such algorithm was offered in any manual or reference publication, and the goal is to simplify the study of the Tatar language as a non-native providing its learners with a consistent way to get the base from any verb, which is a problem without such an algorithm. The material for the creation of this algorithm was lists of verbs from various sources including from the “Reverse Dictionary of the Tatar language” by M.Kh. Akhtyamov, as well as from Tatar-Russian dictionaries. The spelling of infinitives in disputable cases was checked by numerous dictionaries, including explanatory and translation ones offering examples of the use of verbs in written speech. According to the created algorithm, all verbs of the Tatar language are divided into four groups, and each of the groups has its own subsystem of rules. Determining the base of a verb in the Tatar language is a significant difficulty for a person starting to study it as a non-native, and the algorithm proposed by the author is intended to serve to some extent to solve this problem.

Key words: Tatar verb, the base of the Tatar verb, the infinitive of the Tatar verb, the grammar of the Tatar language, the methodology of teaching the Tatar language as a non-native

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Kuznetsov, M.Yu. 2023. “Determination of the Base of the Tatar Verb by its Infinitive”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 249–260. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-249-260>

Введение

Разработка действующей и эффективной методики преподавания татарского языка русскоязычным — задача первостепенной важности для языковой политики Республики Татарстан. Изучение языка как неродного должно быть осмысленным, методологически выверенным, вся грамматическая информация должна подаваться обучающемуся не в академическом порядке (сначала вся информация об именах, затем — о глаголах), а в таком, который гарантировал бы наиболее успешное освоение материала. Так, информация о падежах имени существительного и основных глагольных временах должна даваться в начале обучения, а более сложные элементы грамматики языка (причастия и деепричастия, залоги глагола) — ближе к концу. Именно на такой методической установке и должны базироваться учебники, предполагающие освоение языка как неродного. В качестве пособий, удовлетворяющих данному критерию, можно назвать учебник И.Л. Литвинова «Я начинаю

говорить по-татарски» [1], учебник Л.Х. Шаяхметовой «Татарский язык для начинающих» [2], но известны и книги, подающие грамматическую информацию в академическом порядке (что уместно при изложении курса морфологии татарского языка для студентов, владеющих этим языком, но не подходит для людей, только приступающих к его освоению): в качестве таковых можно назвать пособие К.Г. Бадикова «Уроки татарского языка» [3], самоучитель татарского языка Ф.С. Сафиуллиной [4], а также книгу Р.С. Газизова «Татарский язык (для самостоятельно изучающих)» [5]. Учитывая, что подобные книги были написаны уже довольно давно, в начале 1990-х гг. или даже в советское время, можно предположить, что тогда татарской филологической общественностью в полной мере еще не была осознана необходимость создавать пособия по изучению татарского языка, в которых материал подавался бы по принципу «от простого к сложному», но сейчас подобная установка уже не может быть подвергнута никакому сомнению. Этот принцип полностью разделяет и автор настоящей статьи, с 2016 г. разрабатывавший собственный курс татарского языка как неродного для всех желающих его изучать, представленный в 2022 г. в виде самоучителя в новой книжной серии «Языки и культуры народов Республики Татарстан» [6]; первой же книгой этой серии стал самоучитель удмуртского языка заведующего лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии КазНЦ РАН А.А. Арзамазова [7], построенный на той же методологической основе. В дальнейшем силами сотрудников лаборатории планируется подготовить самоучители и по другим языкам народов Республики Татарстан (чувашскому, марийскому, эрзянскому), которые также были бы написаны по принципу «от простого к сложному», доступным для лингвистов языком и были бы призваны решить проблему изучения языков народов Российской Федерации как неродных.

Следуя методической установке изложения грамматического материала по принципу «от простого к сложному», уже во втором уроке своего курса мы поместили информацию о настоящем времени глагола в татарском языке. Но неожиданно мы столкнулись со следующей проблемой: оказалось неясно, как определить ту самую первообразную основу глагола, к которой должны присоединяться аффиксы настоящего времени (и многие другие глагольные аффиксы). Представляется очевидным, что человек, не владеющий татарским языком, не может заранее знать глагольные основы. В то же время знаток татарского языка всегда сможет назвать эту основу (которая совпадает с формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч.), но четкий механизм ее получения из словарной формы инфинитива он описать не сможет. Возникает серьезное несоответствие: для носителя татарского языка основа глагола «предзадана» его языковым сознанием, а для неносителя словарями и пособиями по татарскому языку обычно бывает «предзадан» только инфинитив на *-рга/-ргә*; как из него получить основу для образования любой глагольной формы, он знать не может. Поясним приведенные рассуждения на примере глаголов в форме

инфинитива (их основы выделены полужирным шрифтом): *язарга* ‘писать’, *уқырга* ‘читать, учиться’, *ашарга* ‘есть’, *йокларга* ‘спать’, *китэргэ* ‘уходить’, *арырга* ‘уставать’, *барырга* ‘идти’, *жыярга* (произношение: [ж ы й а р ғ а]) ‘собирать’, *белергэ* ‘знать’, *түләргэ* ‘платить’, *бүләргэ* ‘делить’ и др. Обратим внимание, что часть основ оканчивается на гласный звук (*аша-*, *йокла-*, *уқы-*, *ары-*, *түлә-*), а часть — на согласный (*яз-*, *кит-*, *бар-*, *жый-*, *бел-*, *бүл-*). Заимствуя термины из прибалтийско-финской филологии, данные типы глагольных основ можно назвать *гласными* и *согласными основами* соответственно (к последним причисляются и основы на [у] и [и]; данные термины употребляются, напр., в [8. С. 23–41]). Это важно, в частности, потому, что именно при образовании настоящего времени к глагольным основам двух разных типов присоединяются разные аффиксы, обозначающие одну и ту же морфологическую категорию: к гласным основам присоединяется аффикс *-ый/-и* (вытесняющий конечный гласный основы), а к согласным — аффикс *-а/-э*: *аша-* — *ашый* ‘ест’, *түлә-* — *түли* ‘платит’, *бар-* — *бара* ‘идёт’, *кит-* — *китэ* ‘уходит’, *у-* ‘тереть, стирать (осн.)’ — *уа* ‘трёт, стирает’. Но неносителю татарского языка, который решил приступить к его изучению, далеко не очевидно, гласная или согласная основа должна выступать у того или иного глагола.

Обсуждение и результаты

Посмотрим еще раз на приведенный в предыдущем абзаце глагольный ряд глазами человека, незнакомого с татарским языком, и зададимся вопросом: почему у глагола *барырга* основа *бар-*, а у *арырга* — *ары-*? У *бүләргэ* — *бүл-*, а у *түләргэ* — *түлә-*? Из этих примеров видно, что иногда глаголы, оканчивающиеся на одни и те же звуковые сегменты, демонстрируют разные типы глагольных основ; предсказать, какая основа будет выступать у того или иного глагола, на основе инфинитива, дающегося в большинстве татарско-русских словарей в качестве начальной формы глагола (напр., в одном из наиболее популярных у изучающих татарский язык татарско-русском словаре под ред. Ф. Ганиева [9]), затруднительно; имеются, однако, специальные учебные словари (например, [10]), в которых при каждой глагольной лексеме дается информация о базовых глагольных основах (об основе настоящего времени, получаемой из основы глагола вышеописанным способом, и, собственно, о самой основе глагола). Однако обращение к учебному словарю каждый раз при необходимости узнать основу того или иного глагола является крайне непродуктивным и серьезно затрудняет процесс освоения языка. Для того чтобы уверенно владеть языком, нужно понимать, как устроена его структура; без умения самостоятельно находить основу глагола это невозможно. Существуют и такие словари, в которых глаголы представлены в форме имени действия на *-у/-ү*, *-ю* (*язу*, *уку*, *ашау*, *йоклау*, *китү*, *ару*, *бару*, *жыю*, *белү*, *түләү*, *бүлү*), например, [11]. Составители таких словарей мотивируют выбор

формы имени действия в качестве начальной формы глагола именно тем, что из этой формы легче извлечь основу глагола, чем из инфинитива [11. С. 5]. Это так, однако, во-первых, это не устраняет всех проблем (основа глагола *ару* — *ары-*, гласная, а основа глагола *бару* — *бар-*, согласная, основа *сизу* ‘чувствовать’ — *сиз-*, согласная, а *төзу* ‘строить’ — *төзе-*, гласная), а во-вторых, это порождает противоположную проблему — проблему построения инфинитива (а также основы будущего неопределенного времени типа *барыр*) из основы глагола. Кроме того, подача глаголов в форме имени действия порождает омонимию многих глаголов с существительными, что может усложнить изучение языка начинающими: так, *сорау* — при таком подходе и ‘спрашивать’, и ‘вопрос’, *елмаю* — и ‘улыбаться’, и ‘улыбка’ и т.д.

К сожалению, ни одно из существовавших ранее пособий по татарскому языку не может дать изучающему язык ответ на вопрос, как можно самостоятельно научиться определять основу глагола по его инфинитиву. Единственное, что говорят все пособия, — это то, что основа глагола совпадает с формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., которая, однако, не может быть заранее известна носителю языка. Приведем цитаты из пособий:

Основой для всех глагольных образований в татарском языке служит форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. [5. С. 67].

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ глагола одновременно является его корнем, от которого образуется СПРЯГАЕМАЯ ОСНОВА глагола, т.е. 3 лицо ед. числа [1. С. 33–34].

При анализе глагола мы будем брать основную форму глагола — корень, являющийся одновременно и II лицом единственного числа повелительного наклонения: *бар* (иди), *кер* (входи), *тор* (вставай) [4. С. 107].

В татарском языке начальная форма глагола совпадает с формой повелительного наклонения [2. С. 31].

В трехтомной «Татарской грамматике» читаем:

Основа глагола в татарском языке по форме совпадает с формой второго лица единственного числа повелительного наклонения без интонации повеления: *бар-* ‘иди’, *кил-* ‘приходи’, *уку-* ‘читай’, *кычкырып жибәр-* ‘крикни’ [12. С. 72–73].

То же самое и в новой «Татарской грамматике» на татарском языке:

Яңгырашы белән боерык фигыль һәм фигыльнең нигезе бер-берсенә туры килсә дә, мәгънә һәм формасы ягыннан алар төрле: фигыльнең нигезе сүзнең лексик мәгънәсен генә белдерә: *уку-*, *сакла-*, *чакыр-*, *сөйлә-*, *ярдәм ит-*, *йокла-* һ.б. Бу нигездән грамматик формалар ясала: *укыды*, *саклар*, *чакыра*, *сөйләгән*, *йоклады* һ.б.

[Хотя глагол в форме повелительного наклонения и основа глагола и совпадают друг с другом по звучанию, с точки зрения значения и формы они различны: основа глагола обозначает только лексическое значение слова: *уку-* ‘читать (осн.)’, *сакла-* ‘выбирать (осн.)’, *чакыр-* ‘приглашать (осн.)’, *сөйлә-* ‘рассказывать (осн.)’, *ярдәм ит-* ‘помогать (осн.)’, *йокла-* ‘спать (осн.)’ и др. От этой основы образуются грамматические формы: *укыды* ‘читал (а), учился/-лась’, *саклар* ‘сохранит’, *чакыра* ‘приглашает’, *сөйләгән* ‘рассказал (а)’, *йоклады* ‘спал (а)’ и др.] [13. С. 141].

Исходя из вышесказанного, при написании урока по настоящему времени глагола мы в 2016 г. предприняли попытку разрешить вопрос нахождения основы глагола по его инфинитиву, и в ходе решения этой задачи нами был создан специальный алгоритм, который впоследствии несколько раз уточнялся и перерабатывался. Материалом для создания и проверки алгоритма послужили уже разработанные в методике преподавания татарского языка правила образования инфинитива от основы [12. С. 231; 13. С. 258; 14. С. 66–70], Письменный корпус татарского языка (Татар теленең язма корпусы, *corpus.tatar*), глагольный блок «Грамматического словаря татарского языка» М.Х. Ахтямова [15. С. 87–205] и список глаголов из морфологического анализатора *Apertium*, любезно предоставленный автору одним из участников проекта и одним из разработчиков Письменного корпуса татарского языка М.Р. Сайхуновым. Далее мы предлагаем рассмотреть указанный алгоритм. Необходимость его помещения в пособие для начинающих изучать татарский язык обусловила некоторые его особенности. Так, было принято решение выделить глаголы со звуком [й] (йотом) перед инфинитивной финалью (здесь под инфинитивной финалью подразумеваются четыре звука от конца инфинитива) в две отдельные категории: представляется, что для начинающих изучать язык — в большинстве своем нелингвистов — объяснение грамматического материала с опорой на фонетику создало бы серьезные, даже непреодолимые затруднения.

Правописание инфинитивов и особенности формообразования двухосновных и вариативно двухосновных глаголов, важные для корректной работы алгоритма, были проверены по многочисленным источникам, в том числе по словарям [16–18], предлагающим примеры употребления глаголов в татарской письменной речи. Для этого использовался Электронный фонд словарей (*suzlek.antat.ru*), также привлекался Письменный корпус татарского языка.

Согласно нашему алгоритму, все глаголы татарского языка можно разбить на четыре группы. К каждой группе применяется своя особая подсистема правил, поэтому каждая группа будет рассматриваться отдельно.

Первая группа — глаголы, оканчивающиеся на -ырга/-ергә. Необходимо отбросить указанную финаль и проанализировать оставшийся фрагмент. Если останется фрагмент, содержащий два-три слога (или более), этот фрагмент — искомая основа, напр.: *шатланырга* ‘радоваться’ — (минус) *-ырга* = *шатлан-*, *йөгерергә* ‘бежать’ — *-ергә* = *йөгер-*. Однако если этот фрагмент оканчивается на две согласные, то **Ы** или **Е** остаются в составе основы: *йөрәксергә* ‘беспокоиться, тревожиться’ — основа *йөрәксе-*, *коргаксырга* ‘засыхать’ — основа *коргаксы-*. Если после отбрасывания *-ырга/-ергә* останется односложный фрагмент, то необходимо обратить внимание на его последние звуки. Если это **Л**, **Р** или сочетание **ЙТ**, **ЛТ**, **РТ**, то этот фрагмент — искомая основа. Напр.: *алырга* ‘брат’ — *-ырга* = *ал-*, *барырга* ‘идти’ — *-ырга* = *бар-*, *йөрергә* ‘ходить’ — *-ергә* = *йөр-*,

кайтырга ‘возвращаться’ — *-ырга* = *кайт-*, *илтергә* ‘нести, вести’ — *-ергә* = *илт-*, *сөрттергә* ‘вытирать’ — *-ергә* = *сөрт-*. **Исключения:** *арырга* ‘устать’ — основа *ары-*, *корырга* ‘засохнуть’ — основа *коры-* (при *корырга* ‘строить, устраивать; заряжать’ — основа *кор-*), *сарырга* ‘мотать; обступать, покрывать’ — основа *сары-* (или *сар-*), *тарырга* ‘наткнуться; попасть (в беду)’ — основа *тары-*, *черергә* ‘гнить’ — основа *чере-*, *эзергә* ‘таять, растворяться’ — основа *эре-*. Если оставшийся односложный фрагмент оканчивается на другой согласный или согласные, то тогда **Ы** или **Е** остаются в составе основы, напр.: *уқырга* ‘читать, учиться’ — *-ырга* = *ук-* → основа *уқы-*, *төзергә* ‘строить’ — *-ергә* = *төз-* → основа *төзе-*, *танырга* ‘узнать’ — *-ырга* = *тан-* → основа *таны-*, *тентергә* ‘обыскивать’ — *-ергә* = *тент-* → основа *тенте-*. **Исключения:** *ашырга* ‘претвориться (в жизнь)’ — основа *аш-* (при: *ашарга* ‘есть’ — основа *аша-*), *бизергә* ‘разлюбить, отвыкнуть’ — основа *биз-* (при: *бизәргә* ‘украшать’ — основа *бизә-*), *канырга* ‘утолиться, насытиться’ — основа *кан-* (при: *канарга* ‘кровоточить’ — основа *кана-*). Следующие глаголы имеют по две основы: *калкырга* ‘приподниматься, всходить’ — основы *калк-* и *калык-*, *куркырга* ‘бояться’ — основы *курк-* и *курык-*, *кыркырга* ‘стричь, подстригать’ — основы *кырк-* и *кырык-* (это двухосновные глаголы). Еще пять глаголов относятся к вариативно двухосновным: *бөркергә* ‘брызгать; излучать’ — основы *бөрк-/бөрөк-* или *бөрке-*, *йолкырга* ‘дёргать, теревить, ошипывать’ — основы *йолк-/йолык-* или *йолкы-*, *өркергә* ‘бояться’ — основы *өрк-/өрөк-* или *өрке-*, *селкергә* ‘встряхнуть, отряхнуть, махнуть’ — основы *селк-/селек-* или *селке-*, *чәнчергә* ‘колоть’ — основы *чәнч-/чәнеч-* или *чәнче-*.

Вторая группа — глаголы на -арга/-эргә. Необходимо также отбросить указанную финаль и проанализировать оставшийся фрагмент. Если на его конце остаются два согласных, то **А** или **Ә** должны остаться в составе основы: *аңларга* ‘понимать’ — *-арга* = *аңл-* → основа *аңла-*, *йокларга* ‘спать’ — *-арга* = *йокл-* → основа *йокла-*, *сөйләргә* ‘говорить, рассказывать’ — *-эргә* = *сөйл-* → основа *сөйлә-*. Если же на конце остается одиночный согласный, не считая **Л** и **Р** (или гласные **У**, **Ю**), то с большой вероятностью (см. далее) полученный фрагмент будет основой, напр.: *ачарга* ‘открывать’ — *-арга* = *ач-*, *итәргә* ‘делать (вспом. глаг.)’ — *-эргә* = *ит-*, *сизәргә* ‘чувствовать’ — *-эргә* = *сиз-*, *туарга* ‘родиться’ — *-арга* = *ту-*, *юарга* ‘мыть’ — *арга* = *ю-*. Но если перед *-арга/-эргә* находится **Л** или **Р** (т.е. весь глагол оканчивается на *-ларга/-ләргә*, *-рарга/-рәргә*), то основа глагола должна оканчиваться на *ла-/лә-*, *ра-/рә-*, напр.: *еларга* ‘плакать’ — основа *ела-*, *теләргә* ‘желать’ — основа *телә-*, *түләргә* ‘платить’ — основа *түлә-*, *карарга* ‘смотреть’ — основа *кара-*, *сорарга* ‘спрашивать’ — основа *сора-*. **Исключения:** *бөләргә* ‘разориться’ — основа *бөл-*, *бүләргә* ‘делить’ — основа *бүл-*, *көләргә* ‘смеяться’ — основа *көл-*, *үләргә* ‘умереть’ — основа *үл-*, *эләргә* ‘вешать’ — основа *эл-*.

Некоторые глаголы на *-арга/-эргэ*, которые имеют перед *-арга/-эргэ* другой согласный (не **Л** или **Р**), тоже сохраняют гласный **А/Э** в своей основе. Всего в нашем пособии учтено 38 таких глаголов (в скобках приведена основа глагола и основа настоящего времени): *атарга* (*ата-*, *атый*) ‘называть’ (при: *атарга* (*ат-*, *ата*) ‘бросить, выстрелить’), *ашарга* (*аша-*, *ашый*) ‘есть’, *бизэргэ* (*бизэ-*, *бизи*) ‘украшать’, *ботарга* (*бота-*, *ботый*) ‘обрубать’, *бутарга* (*бута-*, *бутый*) ‘мешать, путать’, *бушарга* (*буша-*, *буший*) ‘освободиться, пустеть’, *изэргэ* (*изэ-*, *изи*) ‘махать, махнуть’ (при: *изэргэ* (*из-*, *изэ*) ‘мять, месить, давить, угнетать’), *йөдэргэ* (*йөдэ-*, *йөди*) ‘мучиться, изнемогать; недоумевать’, *кадарга* (*када-*, *кадый*) ‘прикалывать, вонзать’, *камарга* (*кама-*, *камый*) ‘окружать’, *канарга* (*кана-*, *каный*) ‘кровоточить’ (при: *канырга* (*кан-*, *кана*) ‘утолиться, насытиться’), *күзэргэ* (*күзэ-*, *күзи*) ‘прицеливаться, провеивать, смотреть (диал.)’, *күшэргэ* (*күшэ-*, *күши*) ‘жевать жвачку (о жвачных животных)’, *ошарга* (*оша-*, *оший*) ‘нравиться’, *өнэргэ* (*өнэ-*, *өни*) ‘жаловать, любить’, *санарга* (*сана-*, *саний*) ‘считать’, *сусарга* (*суса-*, *сусый*) ‘испытывать жажду’, *сынарга* (*сына-*, *сыный*) ‘испытывать’ (при: *сынарга* (*сын-*, *сына*) ‘ломаться, преломляться’), *тапарга* (*тапа-*, *тапый*) ‘сечь, отбивать (мясо), заострять (косу)’, *текэргэ* (*текэ-*, *теки*) ‘устремлять’, *тешэргэ* (*тешэ-*, *теши*) ‘зазубривать; прорезываться (о зубах)’, *төбэргэ* (*төбэ-*, *төби*) ‘нацеливать, устремлять’, *төзэргэ* (*төзэ-*, *төзи*) ‘прицеливаться’ (при: *төзэргэ* (*төзэ-*, *төзи*) ‘строить’), *төнэргэ* (*төнэ-*, *төни*) ‘ночевать, настояться’, *төтэргэ* (*төтэ-*, *төти*) ‘дымиться’, *тунарга* (*туна-*, *туный*) ‘сдирать’, *түшэргэ* (*түшэ-*, *түши*) ‘стелить, мостить’, *утарга* (*ута-*, *утый*) ‘полоть’, *үтэргэ* (*үтэ-*, *үти*) ‘исполнять’ (при: *үтэргэ* (*үт-*, *үтэ*) ‘проходить’), *чэпэргэ* (*чэпэ-*, *чэти*) ‘шлёпнуть’, *чэчэргэ* (*чэчэ-*, *чэчи*) ‘поперхнуться, закашляться’ (при: *чэчэргэ* (*чэч-*, *чэчэ*) ‘сеять, излучать, рассыпать, распространять’), *чинарга* (*чина-*, *чиный*) ‘визжать’, *чыдарга* (*чыда-*, *чыдый*) ‘терпеть’, *ямарга* (*яма-*, *ямый*) ‘залагать’, *янарга* (*яна-*, *яный*) ‘грозить; точить’, *ярлыкарга* (*ярлыка-*, *ярлыкый*) ‘помиловать, отпустить грехи’, *ясарга* (*яса-*, *ясый*) ‘делать’, *яшэргэ* (*яшэ-*, *яши*) ‘жить’. В специальном разделе нашей книги «Нахождение основы глагола по его инфинитиву» названы только семь наиболее употребительных из них [б. С. 27], но все такие глаголы перечислены в полном списке исключений в приложении к книге [б. С. 196–197].

У глаголов, в инфинитиве перед финалью имеющих звуки [б], [ғ] или [г] (*табарга* ‘найти’, *ашыгырга* ‘спешить’, *тегэргэ* ‘шить’), при отбрасывании финали с целью получения основы происходит оглушение этих согласных, они переходят в [п], [к] и [к] соответственно: *тап-*, *ашык-*, *тек-*. Согласный [w], обозначаемый буквой **В**, при отбрасывании финали не изменяется, но, оказываясь на конце слога, записывается буквой **У**: *саварга* ‘доить’ — основа *сау-*.

Третья группа — глаголы, оканчивающиеся на *-ерга/-ергэ* и имеющие перед указанной финалью гласный звук. Фонетически это выглядит так: - [V й ы р ғ а] / - [V й е р г э], где V — гласный звук.

Отбрасываем *-ерга/-ергә* и смотрим, сколько слогов остается в полученном фрагменте. Если остается два слога или более, к полученному фрагменту добавляется **Й**, например: *елмаерга* ‘улыбаться’ — *-ерга* = *елма-*, *елма-* + **й** = основа *елмай-*; *киңаергә* ‘расширяться’ — *-ергә* = *киңә-*, *киңә-* + **й** = основа *киңәй-*. Если остается один слог, то добавляется **Е**: *биергә* ‘танцевать’ — *-ергә* = *би-*, *би-* + **е** = основа *бие-*; *баерга* ‘садиться (о солнце); богатеть’ — *-ерга* = *ба-*, *ба-* + **е** = основа *бае-*.

Четвертая группа — глаголы, оканчивающиеся на *-ярга/-яргә*. Отбрасываем *-ярга/-яргә* и смотрим на оставшийся фрагмент. Если он оканчивается на **И**, то это и есть искомая основа, например: *кияргә* ‘надевать’ — *-яргә* = *ки-*, *ияргә* ‘наклонять’ — *-яргә* = *и-*. Если же этот фрагмент оканчивается на другой гласный, то к нему необходимо прибавить **Й**, например: *тоярга* ‘ощущать’ — *-ярга* = *то-*, *то-* + **й** = основа *той-*; *жы-ярга* ‘собирать’ — *-ярга* = *жы-*, *жы-* + **й** = основа *жый-*; *сөяргә* ‘любить’ — *-яргә* = *сө-*, *сө-* + **й** = основа *сөй-*; *төяргә* ‘толочь’ — *-яргә* = *тө-*, *тө-* + **й** = основа *төй-*. **Исключения:** *аярга* ‘щадить, жалеть’ — основа *ая-*, *буярга* ‘красить’ — основа *буя-*, *сөяргә* ‘прислонить, подпереть’ — основа *сөя-*, *таярга* ‘подпереть’ — основа *тая-*, *төяргә* ‘погружать’ — основа *төя-*.

Описанный алгоритм представлен в виде схемы (рис. 1), помещенной в приложении к книге в минимально отличающемся варианте [6. С. 194].

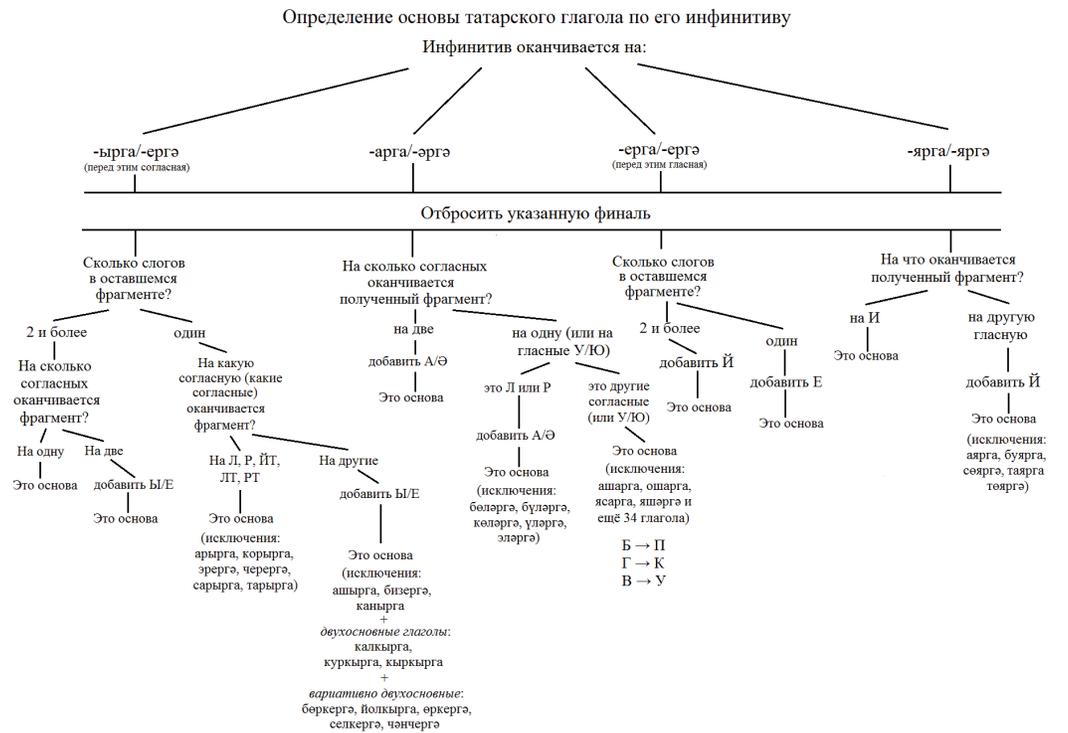

Рис. 1. Алгоритм определения основы татарского глагола по его инфинитиву

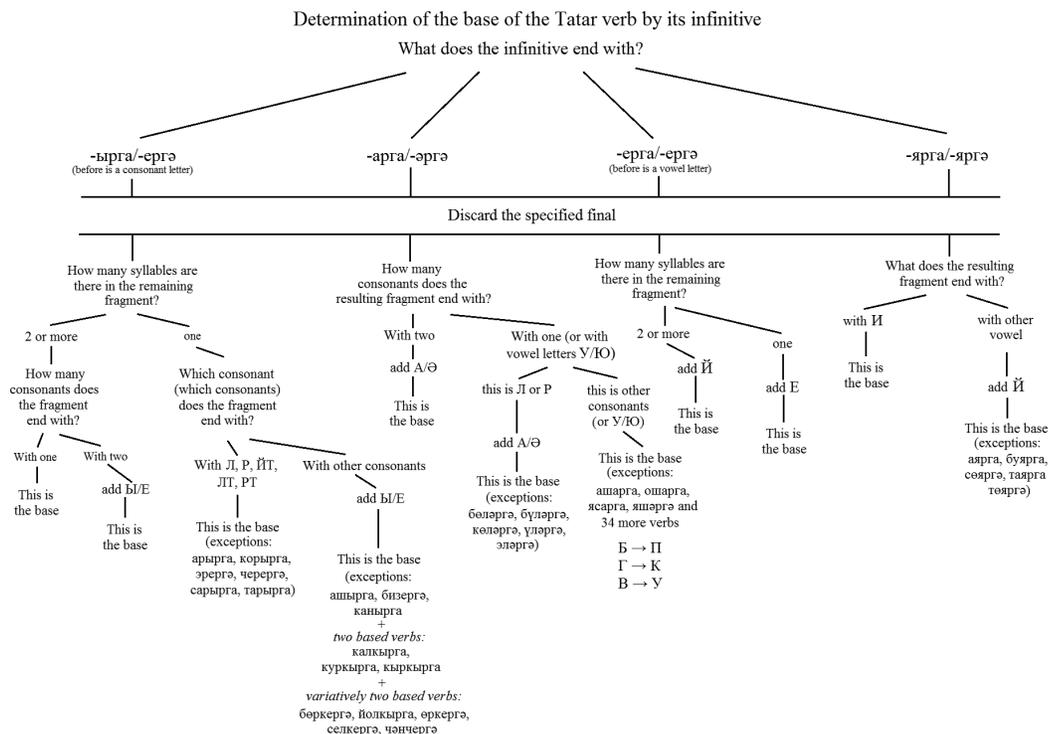

Fig. 1. The scheme of the algorithm for determining the base of the Tatar verb by its infinitive

Заклучение

Рассмотренный в статье алгоритм, выведенный нами в ходе работы над написанием собственного курса татарского языка, устраняет проблему нахождения основы татарского глагола по его инфинитиву. Ввиду его сложности и многоступенчатости подавать его человеку, только приступающему к изучению языка, следует по частям. Так, представляется, что освоение способов получения основы глагола из инфинитива в рамках каждой из групп должно проходить отдельно: сначала изучающий язык должен научиться работать с глаголами на *-ырга/-ергә*, затем — с глаголами на *-арга/-эргә* и лишь потом — с оставшимися. Только таким образом освоение сложнейшего грамматического механизма, ключевого для уверенного владения татарским языком, может проходить эффективно. Кроме того, описанный алгоритм может использоваться при улучшении работы программных морфологических анализаторов тюркских языков и применяться в других сферах татарской компьютерной лингвистики.

Список литературы

1. Литвинов И.Л. Я начинаю говорить по-татарски. Казань: Татарское книжное издательство, 1994.
2. Шахметова Л.Х. Татарский язык для начинающих: интенсивный курс. Казань: Татарское книжное издательство, 2015.

3. Бадиков К.Г. Уроки татарского языка. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
4. Сафиуллина Ф.С. Татарский язык (самоучитель). Казань: Татарское книжное издательство, 1991.
5. Газизов Р.С. Татарский язык (для самостоятельно изучающих). Казань: Татарское книжное издательство, 1960.
6. Кузнецов М.Ю. Татарский язык с нуля: самоучитель для начинающих. Казань: Татарское книжное издательство, 2022.
7. Арзамазов А.А. Мон ачим: самоучитель удмуртского языка (начальный курс): учеб. пособие. Казань: Татарское книжное издательство, 2022.
8. Зайцева Н.Г. Вепский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002.
9. Татарско-русский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство, 2014.
10. Татарско-русский учебный словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М.: Русский язык, 1993.
11. Татарско-русский полный учебный словарь / сост. и ред. Р.А. Сабиров. М.: Толмач СТ; Казань: Татарнамэ, 2008.
12. Татарская грамматика. Т. II. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
13. Татар грамматикасы. Т. II [Татарская грамматика. Т. II]. Казан: ТӘҺСИ, 2016.
14. Нигъмәтуллина Р.Р. Татар теле өйрәнүчеләргә. Кагыйдәләр һәм күнегүләр [Изучающим татарский язык. Правила и упражнения]. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2012.
15. Әхтәмов М.Х. Татар теленең грамматика сүзлеге: Сүз төрләнеше [Грамматический словарь татарского языка: Словоизменение]. Уфа: БашДУ, 2004.
16. Татарско-русский словарь: в 2 т. Казань: Магариф, 2007.
17. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: т. 1–6 (А — Я) [Толковый словарь татарского языка: т. 1–6 (А — Я)]. Казан: ТӘҺСИ, 2015–2021.
18. Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге [Школьный толковый словарь татарского языка]. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013.

References

1. Litvinov, I.L. 1994. *I start speaking Tatar*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
2. Shayakhmetova, L.Kh. 2015. *Tatar language for beginners: intensive course*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
3. Badikov, K.G. 1993. *Tatar language lessons*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
4. Safiullina, F.S. 1991. *Tatar language (tutorial)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
5. Gazizov, R.S. 1960. *Tatar language (for independent learners)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
6. Kuznetsov, M.Yu. 2022. *Tatar language from scratch: a tutorial for beginners*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
7. Arzamazov, A.A. 2022. *Mon achim: self-instruction manual of the Udmurt language (initial course): study guide*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
8. Zaitseva, N.G. 2002. *Vepsian verb: A comparative study*. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (In Russ.).
9. *Tatar-Russian Dictionary*. 2014. Ed. by F.A. Ganiev. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Tatar and Russ.).
10. *Tatar-Russian Educational dictionary*. 1993. Ed. by F.A. Ganiev. Moscow: Russkii yazyk publ. Print. (In Tatar and Russ.).
11. *Tatar-Russian Complete Educational Dictionary*. 2008. Composed and ed. by R.A. Sabirov. Moscow: Tolmach ST publ; Kazan: Tatarname publ. Print. (In Tatar and Russ.).

12. *Tatar Grammar*. 1993. Vol. II. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
13. *Tatar grammatikasy [Tatar Grammar]*. 2016. Vol. II. Kazan: TƏhSI publ. Print. (In Tatar)
14. Nigmatullina, R.R. 2012. *Tatar tele ɵirənychelərgə. Kagyidəlar həm kynegylər [To Them Who Studies Tatar Language. Rules and Exercises]*. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyaty publ. Print. (In Tatar and Russ.)
15. Əkhtəmov, M.Kh. 2004. *Tatar teleneң grammatika syzlege: Syz tɵrləneshe [Grammatical Dictionary of the Tatar Language. Inflection]*. Ufa: BashDU publ. Print. (In Tatar)
16. *Tatar-Russian Dictionary*. 2007. In 2 vols. Kazan: Magarif publ. Print. (In Tatar and Russ.)
17. *Tatar teleneң aңlatmaly syzlege [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]*. 2015—2021. Vols 1–6 (A — Ya). Kazan: TƏhSI publ. Print. (In Tatar)
18. *Tatar teleneң məktəplər ɵchen aңlatmaly syzlege [Explanatory Dictionary of the Tatar Language for Schools]*. 2013. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyaty publ. Print. (In Tatar)

Сведения об авторе:

Кузнецов Максим Юрьевич — научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН.
E-mail: kuzur0712@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6344-0204
eLibrary SPIN-code: 4552-0244

Bio Note:

Maksim Yu. Kuznetsov is a Research Fellow of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kuzur0712@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-6344-0204
eLibrary SPIN-code: 4552-0244

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-261-270
EDN: JZBBNG

Научная статья

Национально-культурные особенности репрезентации концепта «война» в русской и чувашской языковых картинах мира

Л.В. Борисова , А.М. Иванова , Э.В. Чуева

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15
 ljudmila-borisova@yandex.ru

Аннотация. На материале русских и чувашских пословиц и поговорок, отобранных из лексикографических и фольклорных источников, впервые проведен комплексный сопоставительный анализ концепта «война» на семантическом, прагматическом и культурологическом уровнях, рассмотрены особенности его вербализации. Впервые выявлены национально-культурные особенности репрезентации концепта «война» на когнитивно-дискурсивном уровне, что обуславливает актуальность нашего исследования. Выявлено, что концепт «война» является универсальной единицей, входящей в духовный код нации, имеет динамическую семантическую структуру и является многоаспектным по своему содержанию. В результате сопоставительного анализа установлено, что фундаментальные ценности морального порядка при изучении концепта «война» едины для обоих народов. Речевое воплощение данного концепта в русской и чувашской языковых картинах мира определяется как процесс, противоречащий человеческому разуму.

Ключевые слова: концепт война, когнитивная лингвистика, национально-культурная специфика, репрезентация, русская языковая картина мира, сопоставительная семантика, чувашская языковая картина мира

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Национально-культурные особенности репрезентации концепта «война» в русской и чувашской языковых картинах мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 261–270. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-261-270>

© Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

National and Cultural Features Representations of the Concept of “War” in the Russian and Chuvash language Pictures of the World

Ludmila V. Borisova , Alyona M. Ivanova , Elvira V. Chuyeva

I. Ulyanov Chuvash State University,
15, bldg., Moskovsky Avenue, Cheboksary, 428015, Russian Federation
 ljudmila-borisova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the national and cultural features of the representation of the concept of “war” in the Russian and Chuvash pictures of the world. Based on the material of Russian and Chuvash proverbs and sayings selected from lexicographic and folklore sources, a comprehensive comparative analysis of the concept of “war” at the semantic, pragmatic and culturological levels was conducted for the first time, the features of its verbalization were considered. For the first time, the national-cultural features of the representation of the concept of “war” at the cognitive-discursive level are revealed, which determines the relevance of our research. The analysis made it possible to reveal that the concept of “war” is a universal unit included in the spiritual code of the nation, has a dynamic semantic structure and is multidimensional in its content. As a result of a comparative analysis, it was found that the fundamental values of the moral order in the study of the concept of “war” are the same for both peoples. The speech embodiment of this concept in the Russian and Chuvash language pictures of the world is defined as a process that contradicts the human mind.

Key words: the concept of war, cognitive linguistics, national and cultural specifics, representation, Russian language picture of the world, comparative semantics, Chuvash language picture of the world

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Borisova, L.V., A.M. Ivanova, and Chuyeva E.V. 2022. “National and Cultural Features Representations of the Concept of “War” in the Russian and Chuvash language Pictures of the World”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 261–270. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-261-270>

Введение

Современная лингвистика развивается в русле антропоцентрической парадигмы, изучающей языковое сознание и культуру в их взаимосвязи. В рамках этого направления сформированы такие лингвистические направления, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которые дают возможность описать взаимодействие языка и культуры с позиции национально-культурного самосознания и его знаковой

презентации. Для лучшего понимания менталитета народа, его национального самосознания проводятся исследования концептуальных понятий как элементов национальной лингвокультуры в их тесной связи и взаимообусловленности с национальными особенностями этноса и их ценностными взглядами на жизнь [1; 2]. Как справедливо отмечают исследователи, язык не отражает мир, язык интерпретирует его. Основой отражения мира являются не столько логические категории, сколько наивные категории освоения мира, поэтому окружающая действительность воспринимается человеком в виде образов и реализуется вербально [3. С. 34–39]. В связи с этим изучение языковой картины мира разных народов позволяет выявить важные стороны их социальной и духовной жизни, национально-культурное своеобразие [4; 5]. Представители когнитивной лингвистики З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и др. полагают, что семантико-когнитивный подход дает возможность познать мир через концепты [6].

Концепт понимается нами как базовая единица мыслительного кода человека, обладающая рядом признаков, в которых фиксируются наши представления об отображаемой действительности. Научные труды по изучению чувашской картины мира показывают, что его основа базируется во многом на концептах-репрезентантах, в которых фиксируются и воспроизводятся устойчивые представления людей об окружающей действительности [7; 8]. Также важно понимать, что в русле антропоцентрической парадигмы язык рассматривается в тесной связи с человеком и его мышлением. Выбор темы исследования обусловлен интересом к изучению концептуальной картины мира как одного из источников культурологической информации.

Цель исследования — выявить специфику реализации концепта «война» в русской и чувашской картинах мира.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения ментальных образов в языковой картине мира, особенностей их вербализации в разноструктурных языках, позволяющих выявить универсальные и национально-специфические черты в разных культурах. Лингвистическую интерпретацию концепта «война» в русском языке находим, в частности, в работах О.В. Головань, Е.А. Голубенко [9; 10] и др., известны также сопоставительные исследования данной когнитивной категории, выполненные на материале различных языков [11; 12]. На материале чувашского языка концепт «война» до сих пор не являлся предметом исследования, поэтому возникает необходимость его рассмотрения для понимания особенностей национального характера. Изучение этого понятия в лингвокультуре русского и чувашского народов дает возможность расширить перспективы изучения чувашского культурного наследия в русле антропоцентрической парадигмы.

Материалы и методы

Исследование выполнено на материале пословиц и поговорок, отобранных из Словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина, сборника чувашских пословиц и поговорок, словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля, словаря «Русские пословицы и поговорки» под редакцией А.И. Соболева. Методологической основой исследования явился когнитивно-дискурсивный подход в изучении языковых явлений. В работе также использованы метод концептуального анализа, метод контекстного анализа, дистрибутивный метод, сравнительно-сопоставительный метод, способствующий выявлению универсальных и национально обусловленных особенностей концепта «война» в русской и чувашской языковых культурах.

Обсуждение

Понятия «война» и «мир» входят в духовный код культуры любого народа. Они образуют бинарную оппозицию в рамках единой смысловой парадигмы и выступают в качестве объективных показателей нравственного состояния общества, поэтому имеют высокую значимость в культуре народов.

Вслед за В.И. Карасиком мы считаем, что при изучении концептов в лингвокультурном аспекте необходимо учитывать три компонента в его структуре: понятийный, образный и ценностный. С этой точки зрения, понятийная составляющая характеризует признаковую и номинативную структуру концепта, ценностную составляющую формируют оценочные характеристики, образная составляющая данной языковой единицы дает возможность лучше осмыслить национально-специфическое начало в семантической структуре концепта.

Понятийная основа слова «война» во многом тождественна словарным дефинициям. В толковых словарях содержатся различные дефиниции слова, среди которых можно выделить основное: война — это вооруженный конфликт между двумя и более сторонами, которые в сознании людей ассоциируются с борьбой, столкновением, военными действиями.

Анализ русских и чувашских пословиц показал, что когнитивное пространство «война-мир» является большим пластом национальных культурных ценностей обоих народов. С учетом выполняемых прагматических функций в пословичном фонде о войне можно выделить два типа пословиц: нормативные и характеризующие. Нормативные пословицы заключают в себе дидактическую функцию, имеют поучительный характер, несут семантику долженствования, рекомендации или поучения. Их смысловое содержание сводится к суждению о том, что и как можно / нужно / нельзя делать, например: *Принял присягу — от нее ни шагу; В обороне стой крепко, в наступлении иди скоро; Мсти не словами, а боевыми делами* [13].

Характеризующие пословицы определяются как ценностно значимые, поскольку несут различные виды оценки предметов и явлений и отражают национальную специфику в их восприятии. Примеры: *Для советского солдата граница свята; Лучшие смерть в бою, чем позор в строю* [13]. По нашим наблюдениям, среди чувашских пословиц преобладает второй тип. Сравните: *Вӑрҫма вӑй кирлӗ* ‘Воевать нужны силы’; *Вӑрҫма паттӑр, суха тума ёҫчен кирлӗ* ‘Воевать нужен герой, а в поле пахать — трудолюбивый человек’ [14].

Концепт «война» в чувашском национальном сознании несет в себе, с одной стороны, универсальные признаки, с другой стороны, демонстрирует национальные стереотипы и ценностные ориентации, поскольку отношение к данному социально-политическому явлению определяется характером мировоззренческих позиций народа в определенный период времени. В представлении русского народа война за Отечество, за свободу — дело правое. Сравните: *Бой — святое дело, иди на врага смело; Брань [битва] славна, лучшие мира студна* [15].

В языковом сознании русского народа ценностная составляющая войны базируется на основах понимания войны как справедливой необходимости при защите своей территории: *Бей, не трусь – за нами вся Русь; В поле съезжаются, родом не считаются; Кто за правое дело стоит, всегда победит* [15]. В то же время отмечается, что исход борьбы и жизнь воина во многом зависят от Божьей воли, что зафиксировано в русских пословицах: *В поле две воли — кому Бог поможет; Смерть в бою дело Божье* [15]. При этом смерть воспринималась как данность: *Жизни не пощади, а врага победи; Смертью героя пал, а Родину не продал* [15]. Одновременно отмечается, что *От смелого смерть бежит, а враг перед ним дрожит* [15].

Следует заметить, что чувашские пословицы и поговорки о войне представлены в меньшем объеме в отличие от русских пословичных текстов. Можно предположить, что одной из причин этого является то, что Чувашия издревле являлась не воинствующим, а аграрным регионом.

В русских поговорках отмечается, что условием для успешных военных действий и приближения к победе являются такие качества, как верность воинскому долгу, воинская смекалка и навыки ведения боя. Сравним: *В бою нужны смекалка, отвага и закалка; Умелый боец везде молодец; Если сметливый боец, врагу конец* [15]. Эта мысль прослеживается и в чувашских пословицах: *Вӑрҫӑ ёҫне пӗлекен тӑшман кулли пулман* ‘Знающий военное дело, не станет посмешищем врага’; *Вӑрҫӑ техникине пӗлмен — ҫапӑҫу хирӗнчи кӑмна* ‘Не знающий военную технику — гриб на поле боя’ [16].

На войне проявляются такие душевные качества, как героизм, мужество и воинский дух, что зафиксировано и в русских, и в чувашских изречениях.

Сравним: *Принял присягу — покажи в бою отвагу; Бой красен мужеством; Важна смелость, да важна и умелость*. Эта мысль присутствует и в чувашских поговорках: *Сул çуреме сатур кирлĕ, вăрçă вăрçма паттăр кирлĕ* ‘В пути нужны отважные, на поле брани нужны богатыри’ [16]. Война порождает героев, потому что это дело храбрых. Сравните: *Война — дело храбрых; Храбрый не тот, кто страха не знает, а тот, кто узнал и навстречу ему идет. Вăрçă вăрçма паттăр кирлĕ* ‘Воевать нужен герой’; *Пĕр паттăр çĕр айвана тăрат* ‘Один герой стоит ста немощных солдат’ [16]. Как видим, воин-герой является важной единицей в чувашском национальном сознании.

Современный аксиологический статус концепта «война» изменился: данное понятие ассоциируется в сознании людей с неправомерностью совершаемого действия по отношению к цивилизации и людям как представителям общества. В настоящее время в ценностную составляющую понятия «война» входят такие смысловые компоненты, как «жизнь», «мир», к которым стремится общество, поэтому изменение нравственных приоритетов людей в отношении войны, которая стала восприниматься в резко отрицательном ключе, закономерно. Сравните: *Войну хорошо слышать да тяжело видеть; Хорошей войны не бывает*; чувашские поговорки: *Вăрçă йывăр йăттара* ‘У войны тяжелая ноша’; *Вăрçă хушинне ыра кĕмест* ‘На войне нет места добру’ [16].

Война как историческая реальность характеризуется наличием определенных возможностей и направлена на достижение определенных целей. С этой точки зрения, описание войны в аспекте социально-исторической реальности является отражением объективной действительности. Рассмотрение войны как образа является результатом познания человеком этого явления и его оценки с позиции социокультурных и нравственных приоритетов в языковой картине мира. Война, несомненно, содержательно не является обособленным событием физического порядка, она несет за собой трагические последствия и влияет на душевное состояние людей, поэтому в языковом сознании этноса понятие «война» является не моносемантическим, а полисемантическим комплексным образом.

Ассоциативное поле «война» актуализируется такими смысловыми квантами, как кровопролитие, голод, беда, горе, смерть и т.д. В языковом сознании обоих этносов человек на войне должен опираться прежде всего на себя и свое умение воевать: *В поле ни отца, ни матери, заступиться никому; Авьось да небось на фронте брось*. В то же время победить помогает воинское братство: *Солдат солдату родной брат, я тебе помогу — ты мне, это первый закон на войне; Вăрçара пĕри пуринишĕн, пурĕ пĕринишĕн* ‘На войне один за всех и все за одного’. Как видим, морально-этический облик солдата строится на внешних и внутренних регуляторах, позволяющих вести себя на войне определенным образом.

Последовательный анализ чувашских пословиц выявил различные смысловые значимости, определяемые как последствия воплощения целеустановок войны для общества в целом: *Вăрçă асапна инкек акать* ‘Война сеет горе и муку’; *Вăрçă — халăх куççулĕ* ‘Война — слезы народа’ [16]. Также отмечается, что война разрушает человека не только морально, но и физически, сравним: *Война не лечит, а калечит*. Эта мысль подтверждается и аналогичным чувашским пословичным материалом: *Вăрçă — ухсах ёмĕрĕ* ‘Война — век хромым’; *Вăрçă пăсать, мир юсать* ‘Война калечит, а мир лечит’ [16]. В сознании как русского, так и чувашского народа социальные последствия войны ужасны, и самое страшное из них — это смерть людей: *Пуля чинов не разбирает; Вăрçă вилĕм акать* ‘Война сеет смерть’ [16].

В русской языковой картине мира акцент делается в первую очередь на патриотической составляющей, тогда как в чувашской в большей степени оцениваются социальные последствия войны для человека: *Вăрçă кĕлмĕç суратать* ‘Война порождает нищету’; *Вăрçă чурапа асап илсе килет* ‘Война приносит рабство и беду’ [16]. Речевое воплощение образа войны в чувашской языковой картине мира характеризует этот процесс как событие, противоречащее человеческому разуму и приносящее душевные страдания народу: *Вăрçă асапна инкек акать* ‘Война сеет горе и муку’; *Вăрçă хушшине ыра кĕмест* ‘На войне нет места добру’ [16].

В традиционном народном мировоззрении русских и чувашей прослеживается мысль о том, что если сознанием человека руководят жажда власти и стремление к наживе, то его нравственные ориентиры меняются и он становится приверженцем любой войны: *Кому война, а кому мать родна; У фашистов программа забирать все до грамма; Вăрçă кама пуйма, кама пĕтме* ‘Война приводит то к нищете, то к богатству’, *Вăрçă халăхшăн — юн, Гитлершăн — мул* ‘Для народа война — кровь, для Гитлера — богатства’ [16].

Неприятие войны как явления находит свое выражение в вербализации ряда смысловых компонентов, среди которых выделяется компонент «кровь», обнаруженный и в русской, и в чувашской языковых картинах мира. Сравним: *Война кровь любит; Больше пота на ученье, меньше крови на войне; Война ест людей, кровью запивает*. Аналогичные по содержанию пословицы имеются в чувашском фольклоре: *Вăрçă — халăх юнĕ* ‘Война — кровь народа’; *Вăрçа ёмĕтленекен — халăх юнне ёсекен* ‘Кто мечтает о войне, тот жаждет крови народа’ [16]. Как видим, основной трагизм войны для человека заключается в ее бесчеловечности и разрушительных последствиях. Война и мир образуют универсальную дихотомию в языковом сознании любых народов, однако, как нам представляется, образ войны усиливается такими важными для чувашского менталитета компонентами значения, как горе, нищета, жадность, физическая ущербность.

Заключение

В результате сопоставительного анализа пословично-поговорочных единиц русского и чувашского языков выявлено, что фундаментальные ценности морально-оценочного порядка по отношению к войне едины: война воспринимается как противоречащее человеческому разуму событие. Концепт «война» обладает динамической структурой, он способен наполняться различным содержанием под влиянием исторических событий, состояния общества и временных обстоятельств. Неприятие войны находит свое выражение в вербализации различных смысловых компонентов, в результате чего образуются многоаспектные ассоциативные линии на уровне семантической связи: «война — смерть», «война — кровь», «война — беда», «война — страдания», «война — жадность» и др. Одновременно война вынуждает задействовать внутренние и внешние регуляторы морально-этического облика и поведения человека. С одной стороны, на войне проявляются лучшие качества личности: отвага, героизм, мужество, любовь, чувство долга и ответственности перед Родиной, с другой — война делает людей предателями, трусами, пособниками врага. Отличие наблюдается в плане выражения с учетом степени актуальности выражаемых понятий для русского и чувашского народов соответственно, например, в чувашском языковом сознании в большей степени, чем в русском, актуализируются мысли о жадности врага и уровне поствоенного влияния на жизнь общества.

Список литературы

1. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.
2. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
3. *Карасик В.И.* Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2004.
4. *Кулькова М.А.* Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсионный подход к изучению. Казань: Печать-Сервис — XXI век, 2012.
5. Чуваш: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
7. *Борисова Л.В., Чуева Э.В.* Традиционные народные представления о добре и зле и их репрезентация в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1. С. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.37972/chgru.2021.110.1.001>
8. *Павлов В.В.* Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004.
9. *Головань О.В.* Семантико-ассоциативная структура концепта «война»: на материале произведений Р. Олдингтона и В.М. Гаршина: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.
10. *Голубенко Е.А.* Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 197–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212>

11. *Венедиктова Л.Н.* Концепт «война» в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: Тюмень, 2004.
12. *Фоменко И.Б.* Концепт «война» в русской и китайской языковой картинах мира // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 910–917.
13. *Соболев А.И.* Русские пословицы и поговорки. М: Сов. Россия, 1983.
14. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем [Чувашское устное народное творчество. Пословицы] / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 2007.
15. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984.
16. Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. 5 том. Вак жанрсем [Чувашское устное народное творчество: в 6 т. Т. 5. Пословицы] / отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 1985.

References

1. Nikitina, S.E. 1993. Oral folk culture and linguistic consciousness. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
2. Stepanov, Ju.S. 2007. Concepts. Thin substance of civilization.. Moscow: Jazyki slvjanskih kul'tur publ. Print. (In Russ.).
3. Karasik, V.I. 2004. “Ethnospecific concepts”. In *Introduction to Cognitive Linguistics*. Kemerovo: Grafika publ. Print. (In Russ.).
4. Kul'kova, M.A. 2012. Russian and German proverbs: a cognitive-discursive approach to the study. Kazan': Pechat'-Servis — XXI vek publ. Print. (In Russ.).
5. Chuvash: history and culture. 2009. Vol. 1. Edited by V.P. Ivanov. Cheboksary: Chuvash publ. Print. (In Russ.).
6. Popova, Z.D., and I.A. Sternin. 2007. *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST, Vostok-Zapad publ. Print. (In Russ.).
7. Borisova, L.V., and Je.V. Chueva. 2021. “Traditional folk ideas about good and evil and their representation in the Chuvash language picture of the world”. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin* 1: 3–11. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.001>
8. Pavlov, V.V. 2004. “Comparative analysis of the structure and semantics of Turkish and Chuvash proverbs”: Candidate Thesis: Cheboksary, 164 p. Print. (In Russ.).
9. Golovan', O.V. 2003. “Semantic-associative structure of the concept “war”: based on the works of R. Aldington and V.M. Garshin”: Candidate Thesis. Barnaul, 121 p. Print. (In Russ.).
10. Golubenko, E.A. 2019. “Field Organization of Concerts “War” and “Peace” in the Modern Linguistic World View”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 10 (1): 197–212. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212>
11. Venediktova, L.N. 2004. “The concept of ‘war’ in the language picture of the world”: Candidate Thesis. Tjumen', 129 p. Print. (In Russ.).
12. Fomenko, I.B. 2021. “The Concept of “War” in the Russian and Chinese Language Views of the World”. *Philology. Theory & Practice* 14 (3): 910–917. Print. (In Russ.).
13. Sobolev, A.I. 1983 *Russian proverbs and sayings*. Moscow: Sovetskaya Rossiya publ. Print. (In Russ.).
14. Чăваш halăh pultarulăhĕ. Vattisen sămahĕsem [Chuvash folklore. Proverbs]. 2007. Edited by O.N. Terent'eva. Shupashkar: Чăваш кĕнеке publ. Print. (In Chuvash)
15. Dal', V.I. 1984. *Proverbs of Russian people: in 2 vol. Vol. 1*. Moscow: Hudozhestvennaja literature publ. Print. (In Russ.).
16. Чăваш halăh sămahlăhĕ [Chuvash folklore]: in 6 vol. 1985. Vol. 5. Vак zhanrsем [Proverbs]. Edited by G.F. Jumart. Shupashkar: Чăваш кĕнеке publ. Print. (In Chuvash)

Сведения об авторах:

Борисова Людмила Валентиновна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5909-0296

Иванова Алена Михайловна — доктор филологических наук, доцент, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, заведующий кафедрой чувашской филологии и культуры. E-mail: amivano@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1562-2147

Чуева Эльвира Витальевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: 5570065@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-2619

Bio Notes:

Ludmila V. Borisova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and literature, I. Ulyanov Chuvash State University. E-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5909-0296

Alyona M. Ivanova is a Doctor of Philology, Dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism of the I. Ulyanov Chuvash State University, Head of the Department of Chuvash Philology and Culture. E-mail: amivano@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1562-2147

Elvira V. Chuyeva is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and literature, I. Ulyanov Chuvash State University. E-mail: 570065@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-2619

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-271-282

EDN: JSXVCT

Научная статья

Семантика глаголов вращения в хантыйском языке

В.Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра,
628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира д. 14А

✉ solovarv@mail.ru

Аннотация. Рассматривается национальная специфика репрезентации вращательного движения в хантыйской лингвокультуре, анализируется семантика глаголов вращения, их лексическая сочетаемость на материале западных диалектов хантыйского языка (казымского, шурышкарского, приуральского) и одного из восточных (сургутского) по типам описываемых ими ситуаций. Цель исследования — выявить параметры, релевантные для лексической зоны вращения. Применяется метод корпусного исследования: анализируется выборка примеров с глаголами вращения, определяются границы их сочетаемости. Используется методика полевых исследований. Различается движение по траектории, приближенной к идеальному кругу (вращение по кругу), и движение по хаотичной траектории, т.е. вращение множества однородных предметов / газообразных частиц (олени, снежный вихрь, дым). При этом маркированным оказывается второй тип вращения. Субъект совершает множественные или одинарные обороты вокруг своей оси или каузирует вращательное движение. Ключевым параметром для различения глаголов вращения и катания является одушевленность. Глаголы, обозначающие вращение вокруг ориентира, отражают способ движения. Глаголы качения и вращения не отражают среду движения, но могут отражать направление движения, что регулируется особой сочетаемостью субъекта и предиката или словообразовательными возможностями предиката. В зоне качения отражается вращение в контакте с плоскостью при поступательном движении и разнонаправленное вращение (о природных явлениях и о движении оленей). Выделенные параметры и значения не лексикализуются в отдельные глаголы, а совмещаются внутри лексем. Одной лексемой описываются ситуации вращения в одной плоскости с ориентиром и над ним, однако катание по поверхности и вращение вокруг ориентира выражается в диалектах отдельными лексемами.

Ключевые слова: семантика, глаголы вращения, движение, аспектуальность, одушевленность, субъект

© Соловар В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Соловар В.Н. Семантика глаголов вращения в хантыйском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 271–282. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-271-282>

Research Article

Semantics of Verbs of Rotation in the Khanty language

Valentina N. Solovar

Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
Mira str., 14A, Khanty-Mansiysk Autonomous District — Yugra, Khanty-Mansiysk,
628011, Russian Federation
✉ solovarv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification of the national specifics of the representation of rotational movement in the Khanty linguoculture, the analysis of the semantics of verbs of rotation, the possibility of their lexical compatibility on the material of the Western dialects of the Khanty language (Kazym, Shuryshkar, Uralic) and one of the eastern (Surgut) by the types of situations described by them. The purpose of our study is to identify the parameters relevant to the lexical rotation zone. The article uses the method of corpus research: a sample of examples with verbs of rotation is analyzed and the boundaries of their compatibility are determined. The method of field research is used. There is a difference between movement along a trajectory close to an ideal circle (rotation in a circle) and movement along a chaotic trajectory, i.e. rotation of a set of homogeneous objects / gaseous particles (deer, snow vortex, smoke). In this case, the second type of rotation is marked. The subject performs multiple or single rotations around its axis or causates a rotational movement. The key parameter for distinguishing verbs of rotation and skating is animateness. Verbs of rotation around a landmark reflect the way of movement. Verbs of rolling and rotation do not reflect the environment of movement, but may reflect the direction of movement, which is regulated by the special compatibility of the subject and the predicate, or the word-formation capabilities of the predicate. The rolling zone reflects rotation in contact with the plane during translational motion and multidirectional rotation (about natural phenomena and about the movement of deer). The selected parameters and values are not lexicalized into separate verbs, but are combined inside lexemes. One lexeme describes situations of rotation in the same plane with and above the landmark, however, skating on the surface and rotation around the landmark is marked in dialects by separate lexemes.

Key words: semantics, verbs of rotation, movement, aspectuality, animation, subject

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Solovar, V.N. 2023. “Semantics of Verbs of Rotation in the Khanty language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 271–282. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-271-282>

Введение

В предлагаемой статье рассмотрен опыт описания семантики глаголов вращения на материале западных диалектов хантыйского языка (казымского, шурышкарского, приуральского) и одного из восточных (сургутского) по типам описываемых ими ситуаций, а также представлена национальная специфика репрезентации глаголов вращательного движения в хантыйской лингвокультуре, выявлены параметры, актуальные для лексической зоны вращения, проведен анализ семантики глаголов вращательного движения. Материалом для анализа послужили современные словари хантыйского языка [1–3], а также полевые материалы автора.

Глаголами вращения называют предикаты, описывающие ситуацию, при которой «предмет перемещается по кругу относительно воображаемой точки или движется по кругу относительно воображаемой линии, проходящей через его центр, неоднократно принимая одно и то же положение в пространстве» [3].

К глаголам вращения мы относим предикаты, описывающие движение субъекта по кругу относительно воображаемой точки или вращение вокруг собственной оси. Хантыйский язык различает вращение предмета вокруг ориентира в одной плоскости с ним и любое другое вращение с контактом и без контакта с плоскостью (вращение субъекта вокруг собственной оси), например: каз.: *Ин Воңцәмут семийэ на ци хулты пәла ләрэмәс* ‘Ягодка опять куда-то покатилась’; *Ин пөхрәл мухәлтты ци питсәлэ* ‘Он стал объезжать (обходить) остров’; шур. *Мячик хот хәр хүват ләрэмәс* ‘Мячик покатила по полу’; приур. *Тәм щүңкен әнт ләрийәл* ‘Эта деталь не крутится’; сург. *Пөңәл бул нумпинә төхләң войхәт ләлхәт* ‘Над сгнившей рыбой кружили птицы’.

Впервые типологический подход к глаголам вращения в русском и польском языках был применен в работе [4].

Семантика глаголов вращательного движения на материале русского языка впервые рассматривается в работах В.Л. Ибрагимовой [5].

Сопоставительному исследованию глаголов вращения на материале 15 языков посвящена статья В.А. Кругляковой и Е.В. Рахилиной [6]. Немецкие глаголы, репрезентирующие колебательное движение, упоминаются в работах О. Бехагеля [7].

Обсуждение

Для анализа лексического материала мы используем основные глаголы независимого вращательного движения, исключая глаголы каузации вращения. В хантыйском языке к ЛСГ глаголов независимого вращательного движения мы относим следующую лексику: *ләрыты* ‘кружить, кружиться (по земле, воздуху)’; ‘крутиться, катиться’, ‘вертеться’; *ләрнәлтты* ‘идти вокруг’, *мухәлтты* ‘обойти, объехать кругом’, *кәрәтты* ‘обходить, объезжать’,

сэвиты ‘кружить, кружиться’, *шйхлэты* ‘кружить, двигаться хаотично (о дыме, снеге)’, *кёрлэты* ‘обходить’, *шйхрыты* ‘двигаться (по кругу)’; шур. *лйрыты* ‘катиться, двигаться, вращаясь’; сург. *лйлахта* ‘крутиться, кружить, кружиться, ворочаться’, *сййэхлэты* ‘кружиться (о голове)’ и др.

В хантыйском языке различается движение по траектории, приближенной к идеальному кругу (люди, птицы, предметы) и хаотичное движение, т.е. вращение субстанции или множества мелких однородных предметов (снег, вихрь).

Глагол *лйрыты* является генерическим предикатом среди глаголов вращения в хантыйском языке; он является основным, так как является многозначным, подходящим для описания наибольшего числа ситуаций. По диалектам этот глагол представлен фонетическими вариантами. Он описывает вращение в одной плоскости с ориентиром и вращение вокруг внешней оси. Его семантика включает наибольшее количество параметров и имеет меньше ограничений по сравнению с остальными глаголами системы.

Многозначный глагол *лйрыты* описывает вращение вокруг внутренней и внешней оси, т.е. он не имеет ограничения на ось вращения, например: каз. *Хйлэвэты пелэкэн кйркэты на войэты лйрылэты* ‘На востоке кружатся орлы и другие птицы’; *Кйпэн лывэлы пйла йунтман шйи лйрыйэлы, катэлыты вйтыцэллэ* ‘Кошка крутится и хочет поймать свой хвост’; *Лыв мухэлайэлы шэхман шйи лйрыйэлы* ‘Он кружится вокруг них, свистит’; *Таш похэл лйрыйэлы* ‘Стадо кружит по кругу’; приур. *Холлэлы нумпйна халэвэты лйрылэты* ‘Над его сетью кружатся чайки’, *Кйпи лйрыйэлы, пусэлы катэлыты вуратэлы* ‘Кошка крутится и хочет поймать свой хвост’, *Тэм шйункэн аныт лйрыйэлы* ‘Эта деталь не крутится’, *Йантэты сора лйрыйэлы* ‘Игрушка быстро вертится’.

Глагол *лйрыты* имеет несколько значений: 1) кружить, кружиться; каз. *Йухан хурэлы хуваты джэты йишк өхтыын лйрылэты* ‘По реке низко над водой кружат’; 2) катиться; *Пйшар воньцэмут нөхтэлы кйтэн, нохэр сэмэлы илэн лйрыйэлы* ‘Когда они клевали ягоду-рябину, орешек внизу катился’; 3) крутиться; *Кйпэн лывэлы пйла йунтман шйи лйрыйэлы, катэлыты вйтыцэллэ* ‘Кошка крутится и хочет поймать свой хвост’; 4) вертеться; *Кйр илпийэн шйи лйрыйэлы* ‘Он вертится под ногами’; 5) ворочаться; *Аты мйр шйи лйрыйэсы* ‘Всю ночь он ворочался’; 6) перенос. думать; *Нумсем лйрыйэсы* ‘Я думала (долго об одном и том же)’.

В западных диалектах ситуацию вращения, при которой субъект движется в горизонтальной плоскости по круговой траектории вокруг внешней оси (ориентира), находясь над ним, описывают глаголы *лйрыты*, *сэвиты*, *сыйиты* ‘кружить, кружиться’. Глаголы *лйрыты* и *сэвиты* употребляются в казымском и шурышкарском диалектах, в приуральском — *сыйиты*, они описывают движение над ориентиром или вокруг ориентира.

В казымском диалекте глагол *лйрыты* ‘крутиться, вертеться около чего-либо’ описывает бесцельное движение, без четкой вращательной траектории и ситуацию вращения, при которой субъект движется в горизонтальной

плоскости по круговой траектории вокруг ориентира, находясь над ним и в одной плоскости с ним, например: *Хялэвэт нелэкэн күркэт, на войэт лярыйэт* ‘На востоке ястребы, другие птицы кружатся’; *Йухан хурэл хўват лелта йицк өхтийэн лярыйэт* ‘Вдоль реки низко над водой кружат’; *Лыв мухалайэла шөхман ши лярыйэл* ‘Вокруг них кружит, свистит’; *Күр илнийэн ал лярыйа* ‘Не крутись под ногами’.

Глагол *лярыты* / *лярыйты* / *пәнэрхата* употребляется также в значении ‘катиться, вращаясь’: каз. *Нык ши лярыйэс сйухам илнийа* ‘Скатился к воде, под яр’; шур. *Лярыйэс, лярыйэс, хөлт пела ши ушэмтэс* ‘Катился, катился, куда-то исчез’; приур. *Сохам пуу күрлам илнина лярыйэс* ‘Клубок ниток катится мне под ноги’; сург. *Пүксэл пәнэрхэл* ‘Мячик катится’.

В шурышкарском диалекте глагол *лярыты* формирует фразеологизм *Рөпатайэл нур аңкал мухалайа лярыйэл* ‘Она все делает быстро’ (букв. работа как вокруг столба кружится), т.е. работа выполняется без перерыва. В казымском и сургутском диалектах перенос значения глагола возможен и в интеллектуальную сферу: каз. *Щиты хўв-ван нумсэл лярыйэс* ‘Так он долго-коротко думал’ (букв. мысль кружилась); сург. *Ма нямсам вицэнэ ухамнэ лэлхэл* ‘Я постоянно думаю’ (букв. моя мысль постоянно в голове=моей крутится (кружится)).

Глагол *лярыты* сочетается как с одушевленными именами существительными, так и с неодушевленными, он передает движение, при котором совершаемые обороты однонаправленные, однако движение может быть неравномерным и неупорядоченным: *Метцэкал и хулта лярыйэс* ‘И куда покатился мячик’; *Ма ов пела лярисэм* ‘Я покатился к двери’.

Глагол *сэвиты* ‘кружить, кружиться’ описывает ситуацию вращения, при которой субъект движется в горизонтальной плоскости при круговой траектории вокруг внешней оси (ориентира), находясь над ним. В позиции субъекта находится имя, называющее птиц, например: каз. *Нөмэн күрәкүэн-сывәсүэн сэвиләән* ‘Вверху орел с коршуном кружат’; *Хөләм лор вой лор нүмпийэн лярисэт* ‘Три гагары над озером кружились’; шур. *Төхләң хоп вош нүмпийэн лярыйэс* ‘Самолет над поселком покружил’; *Ин лунтэт вүтән Ас нүмпийэн лярыты питсэт* ‘Лебеди стали кружить над широкой Обью’ [2. С. 75]; сург. *Күрәк цәләм вэли муңали нумпинэ лэлхэл* ‘Орел кружит над погибшим олененком’.

Глагол *сэвиты* ‘виться’ обозначает также вращение, сопровождаемое поступательным движением или изменение направления движения. Движение состоит из круговых траекторий с хаотичным целенаправленным движением без четкой круговой траектории. Субъектом для данного типа вращения является снежный вихрь, который находится в постоянном хаотичном движении, передвигается в пространстве, изменяет форму: *Люңц пөсәу сэвийәл* ‘Снежная пыль вьется’. Ближкое значение имеет каузативный глагол *сэвилэты*, который обозначает движение пара, кружащегося над чашкой

горячей воды: *Ан шивэн сэвилэлэв* ‘Поставим чашку горячей воды’ (букв. пар чашки заставим виться). Глагол *сэвилэлэты* допускает в качестве объекта пар, который движется хаотично.

В приуральском же диалекте вращение над ориентиром передает глагол *сыйиты*, при этом субъектом являются одушевленные и неодушевленные предметы, способные к вращению (птицы, самолет, голова), например: *Сывэс хэйлэм калау хоца сыйийэйл* ‘Коршун кружит’; *Тухлэн хоп сыйийэйл* ‘Самолет кружит’; *Мүвем ай сыйийэйл* ‘Земля кружится’.

В приуральском диалекте в ситуации вращения в одной плоскости с ориентиром кроме глагола *лэрыты* используется также глагол *сыйиты*, например: *Кэлауэт лэрылэт* ‘Олени кружатся (от испуга)’; *Кэлауэт пэрта лэрылэт* ‘Олени кружатся (против солнца)’; *Ухлэм лэрийэйл* ‘Нарты кружат’, но *Кэлауэт сыйилэт* ‘Олени кружат (по солнцу)’; *Түтэн хоп сыйийэйл* ‘Теплоход поворачивается’ (букв. делает круг). Как видно из примеров, важное значение имеет не только сочетаемость субъекта и предиката, но и картина мира, которая определяет семантику предиката, в приуральском диалекте глагол *сыйиты* используется в основном для обозначения вращательного движения над ориентиром. Глаголы каз. *сэвемийэлты*, *сэвемэты*, приур. *сыйэмийты* отражают фольклорные и религиозные традиции. Приведем примеры: каз. *Хот лөнхлан тыв ат сэвемэлэт* ‘Домашние духи=твой пусть здесь причащаются’ (букв. сюда пусть кружат);

Глаголы каз. *мухэлтты*, *мухэтты керлэты*, *керэтты*, приур. *керэтты*, сург. *мэхлэхтэ*, *мэхлэнта* ‘объехать, обходить вокруг’ обозначают потенциально бесконечное вращение при контакте с плоскостью, характерное для глагола *лэрыты*, а также указывают на способ движения, при котором субъект совершает определенное количество оборотов вокруг ориентира или огибает его: *Пүти хот мухэлэйа ин вөнт лөнх хэйэйл ши керлэйл* ‘Дух леса обходит вокруг берлоги’; *Ши йәнхэйл йиңкэн пелэк, вөнтэн пелэк керэтман* ‘Он обходит водную сторону, лесную сторону’, например: каз. *Турэн тый, варэс тый өхтыйа хөнхэйл, тым омэсты мүв иса керэтлэлэ* ‘Залезает на кончик травы, на вершину куста, эту землю всю обходит’; *Пасты войэт тац мухэллэт* ‘Волки ходят вокруг стада’; *Ин пөхрэл мухэлтты ши питсэлэ* ‘Он стал обходить вокруг остров’. *Тацэм мухэтлэм* ‘Я обойду стадо вокруг’; приур. *Ат лайалты войэт тац керэтман йәнхлэт* ‘Волки кружат вокруг стада’; сург. *Ма лор вэли авэлнат мэхлэхтэм* ‘Я озеро на оленьей упряжке объехала’; *Нэврэм йух мэхлэнэх* ‘Ребёнок дерево обошел’; *Йимэн йух цөлэмпа мэхлэнта мосэл* ‘Священное дерево трижды обойти нужно’.

Глагол *лэрнэлтты* ‘идти по кругу (окружности)’ выявлен в казымском и шурышкарском диалектах: *Хятэл мэнтты са лэрнэлтсэм, хятэл пелэкэн овэл мутшэсэм* ‘Я по солнцу шел (букв. кружил), со стороны солнца вход заметил’; *Щитэмэн на нэмэсыйэйлэм: мэңлэм, мухэлтлэм. Щиты мухэлтмэсэм. Лэрнэлтлэм, аңтө* ‘А затем я думаю: пойду, обойду вокруг. Так обошел’.

я вокруг. Обхожу вокруг, нету’; шур. *Хот лярнэлтты (лярэтты) ант рэхэл* ‘Дом кругом обходить нельзя’.

Глагол каз. *щӑхрыты* обозначает длительное движение оленей по изменяющейся круговой траектории: каз. *Тӑм мӑл хӑхлылэтӑл иныйӑ, Тӑм мӑл щӑхрылэтӑл иныйӑ* ‘Вот оно ведь бегаёт, вот оно ведь кружит [стадо]’.

Различается движение по траектории, приближенной к идеальному кругу (вращение по кругу), и движение по хаотичной траектории, т.е. вращение множества однородных предметов / газообразных частиц, (олени, снежный вихрь, дым). При этом маркированным оказывается второй тип вращения, для обозначения которого в хантыйском используются глаголы *шӑхлӑты* ‘кружить двигаться хаотично (о дыме, о снеге)’, *щӑхрыты* ‘кружить, двигаться (об оленях)’ и др.

Глаголы каз. *кавӑрты* ‘кружить, кружиться’, *кавӑрмӑты* ‘закружиться’ описывают хаотичное движение множества насекомых вокруг ориентира, они находятся в одной плоскости с ним: *Пелӑна кавӑрмӑс* ‘Комары вьются’ (букв. комар закипел); *Ӣамалтлам ма мухӑлайӑма щӑи кавӑрлӑт* ‘Мошки во-круг меня вьются’. Эти глаголы описывают неупорядоченное движение, на-секомые движутся вокруг человека без четкой круговой траектории. Однако ср. приур. *Пилӑнайӑт ма нумпемна сыйилӑт* ‘Комары вьются надо мной’; сург. *Кӑйӑнит ма нумпэмнӑ лӑлӑхлӑт* ‘Комары вьются надо мной’.

Глагол *кавӑрты* описывает также хаотичное движение множества лю-дей: *Хӑнты не мулӑм пӑт иты кавӑрӑл* ‘Хантыйских женщин так много, дви-гаются, как кипящий котел’ [как кипящая вода в котле — *Ред.*].

Этот же глагол обслуживает в казымском движение тумана, вихря как сущностей, состоящих из множества частиц, которые представляют собой сплошное непроницаемое вещество: *Шива кавӑрмӑс* ‘Кружится густой ту-ман’ (букв. к туману закипело); *Лӑньщ пӑсӑн тӑп кавӑрмилӑс* ‘Снежный вихрь только кружился’ (букв. закипал).

Глаголы кружения передают движение частей субъекта в пространстве по рефлексивной траектории, при которой изменяется его форма. Так, движе-ние дыма или метели (снега) по спиральной или волнообразной траектории, которое образует множество колец или витков спирали, передается глагола-ми *кавӑрты* и *шӑхлӑты* ‘двигаться, кружась (о метели, снеге, дыме)’, напри-мер: *Пӑсӑн кавӑрӑл* ‘Дым клубится’ (букв. кипит); Глагол *шӑхлӑты* передает более интенсивное движение частиц или вещества, представляющие собой более плотную их концентрацию в каком-либо пространстве: *Тӑмиты вера вотаса шӑхлӑс, муӑ мӑнты щӑир* ‘Так сильно метель метёт, как идти’.

Вращение частиц снега с особой хаотичной вихревой траекторией опи-сывают глаголы *кавӑрмийӑлты* ‘подниматься или падать, кружась’; (мгнов.) *кавӑрмӑты*: *Ӣӑтӑн пошӑм кавӑрмилӑс* ‘Вечером мелкий снег кружился’ (букв. закипал); *Ампӑл щӑи навӑрмӑл, тӑп лӑньщ пӑсӑн кавӑрмийӑл, лӑӑнӑн ки, па йӑнк пӑсӑн кавӑрмийӑл* ‘Собака=его прыгнула, только снежный вихрь

(букв. дым) поднялся (букв. закипел), если летом, водный фонтан (букв. водный дым закипает) поднимается’.

Такое движение возможно при быстром движении нарт с оленями, когда частицы снега поднимаются и движутся относительно друг друга по круговой траектории. Эти глаголы представляют собой омонимы.

Ситуация вращения зависит от свойств субъекта. В этом случае субъект состоит из многочисленных однородных снежинок, которые объединяются и создают однородное вещество — снежную пыль, похожую на дым, например: сург. *Льоньб сэйахлэмин ньаьхэ питедэ* ‘Снег, кружась, медленно падает’.

Наряду с многочисленными оборотами, сопровождающимися вращением вокруг собственной оси, субъект может совершать большое число неполных разнонаправленных оборотов на плоскости, существенно не перемещаясь в пространстве. Такое движение совершает, например, человек, поворачиваясь многократно с боку на бок в постели, например: каз. *Иса күйи лярыйэс, лярыйэс, аңкэл иса аң вуйэлтмыйэл. Аң вуйэлтмыйэл аңкэл, хэллэлэ, иса верты ци лярытал сапэл* ‘Он слышит, что мать старается не уснуть, слышит, что ворочается без сна’ (букв. крутится); шур. *Ма елэпэн лярисэм* ‘У меня бессонница’ (букв. на поверхности кружусь); приур. *Ащен ат хуват сыйийэл* ‘Отец всю ночь крутится (ворочается)’; сург. *Лүв ат мэрэ айтэ лотнэ пэнэрхэх* ‘Он всю ночь крутился (ворочался) в постели’; *Нэврэм ат мэрэ сёльхэлтэхэл* ‘Ребенок всю ночь беспокойно ворочался’. Таким образом, в казымском и шурышкарском диалектах эта ситуация описывается общим глаголом, а для приуральского и сургутского диалектов используются разные глаголы. В сургутском диалекте глагол *сёльхэлтэхэлта* ‘вертеться, крутиться, суетиться, беспорядочно двигаться’ имеет более широкую семантику, чем в западных диалектах, в которых эта ситуация закреплена за разными глаголами, например: сург. *Пях төнпайлэккэ антэ омсал, эйсөннам сёльхэлтэхэл* ‘Мальчик спокойно не сидит, всё вертится’.

Для описания физиологического состояния человека, который испытывает головокружение, в разных диалектах хантыйского языка используются специальные глаголы, кроме приуральского, где основным глаголом, покрывающим зону кружения, является глагол *сыйиты*. Приведем примеры: каз. *шивемэты, хулт шивемэты* ‘закружиться (о голове)’ (букв. отуманиться), например: каз. *Ухем шивемэсы, Ухем хулт шивемэсы* ‘Голова закружилась’ (букв. отуманена); в шурышкарском диалекте помимо этого глагола используется и глагол *муламты*: *Охем шивемэсы, Охем муламэс* ‘Голова закружилась’; приур. *Охэм сыйиэл* ‘Голова кружится’ (букв. отуманилась); в сургутском диалекте выявлено два глагола: *сэйахлэта* и *мүүнклэхлэта* ‘кружиться’: *Ма ухам сэйахлэл* ‘У меня кружится голова’; *Нэврэм йух мэхэлты сорха цөватлэх, ухэл сэйахлэл* ‘Ребенок вокруг дерева быстро бегал, (у него) голова кружится’; *Ма ухам (төвө) мүүнклэхлэх*

‘Голова=моя кружится’ (букв. завязалась узлом). Как видно из примеров, в трех диалектах для описания физиологического состояния человека используется глагол, не входящий в семантическое поле вращения. Глаголы *шивемэты*, *хулт шивемэты* функционируют в позиции предиката только в страдательном залоге, остальные глаголы при описании данной ситуации употребляются в субъектном спряжении.

Субъект совершает множественные или одинарные обороты вокруг своей оси или каузирует вращательное движение. Ключевым параметром для различения глаголов вращения и катания является одушевленность. Глаголы вращения вокруг ориентира отражают способ движения. Глаголы качения и вращения не отражают среду движения, но могут отражать направление движения, что регулируется особой сочетаемостью субъекта и предиката или словообразовательными возможностями предиката, так, например, в приуральском: *Кйлаңэт сыйи.лэт* ‘Олени кружатся (по солнцу)’, *Кйлаңэт лйры.лэт* ‘Олени кружатся (против солнца)’.

Аспектуальность вращения, способ вращения и пространство (движение в полуоборот, хаотичное и др.) фиксируются за счет словообразовательных суффиксов, например, от глагола *лйрыты* с помощью суффикса *-эмэ* образуются глаголы моментального, одноактного действия; суффикс *-эльэ-* формирует глаголы с семантикой множественных оборотов то в одну, то в другую сторону; *-ңалт* имеет семантику длительного кругового движения. Превербы *ара-*, *ким-*, *кйтна-*, *ил-* и др. способствуют формированию пространственной семантики этого глагола. Словообразовательные возможности глаголов вращения различаются по диалектам набором суффиксов и превербов.

В данной зоне выделяются следующие параметры.

1. Мгновенное действие: каз. *лйремэты* ‘покатиться’, *ким лйремэты* ‘выкатиться’, сург. *пэурэкинтта* ‘покатиться’, приур. *сыйэмийты* ‘прокружиться (об олене, человеке)’: каз. *Йёша вөс, ин Воңцэмутсемийэ па щи хулты пёла лйремэс, иса шивэл хулас* ‘Прошло немного, Ягодка опять куда-то покатила, совсем исчезла’; *Кира путалэл Ас пёла лйремэс, кира путалэл хулта лйрыйэл, лйв па щив мйнал* ‘Гиря покатила к большой реке, куда покатится гиря, он тоже туда идет’; *Имулт артэн щи лйрңалтый-элтал кйтэн кира путалэл ов хөл эвэлт ким лйремэс*; сург. *Сувам вөйам пэурэкинт* ‘Клубок ниток покатила’.

2. Многократное, длительное движение, при котором субъект может менять направление движения: *керльэты* ‘обходить, ходить кругами (многокр.)’, *лйрэтльэты* ‘кататься туда-сюда (о круглых предметах)’, шур. *лйрэтльыйты* ‘кататься’. В рассматриваемой зоне качения выделяем вращение в контакте с плоскостью, сопровождаемое поступательным движением, например: *ил лйрыты* ‘скатиться (сверху вниз)’, и *керэтльэты* ‘валяться’, обозначающее вращение без существенных перемен, при которых субъект совершает многократные разнонаправленные обороты.

В данной оппозиции маркируются оба вида движения одновременно, например: *Лавэрт навэрт ил лярыйэс* ‘Тяжелое бревно скатилось’. Для предиката *керэтьэты* релевантным признаком является одушевленность субъекта: *Нурийэн керэтьэл* ‘Она валяется на кровати’, *Ай наврэм йунтман керэтьэл* ‘Ребенок играет, валяется’, *Йив пухэн керэтьэл* ‘Медвежонок валяется’, *Кйэн тывэлт-тухэлт керэтьэл* ‘Кот сюда-туда валяется’. При замещении позиции субъекта неодушевленным предметом предполагается лишь его нахождение в пространстве, не предполагающее движение: *Пурмэсэлэ леваса керэтьэлэт* ‘Вещи ее в беспорядке валяются (т.е. лежат)’. Глагол же *лэрэтьэты* ‘кататься’ (туда-сюда) / *пэурэхлэты* в позиции субъекта предполагает неодушевленный субъект: *И муйсыр йэнта пугалы щйта лэрэтьэл?* ‘И какой круглый предмет там катается?’, *Лув өхтэлэн мултэт лэрэтьэлэ сапэл* ‘На нём что-то катается’, сург. *Өймэты тохи вэлэ цэринэ пэурэхлэл* ‘Что-то по полу катается’.

3. Разнонаправленное движение: *ара лэрыты*, *ара лэрэмэты* ‘покатиться в разные стороны’: *Саклам ара лэрысэт* ‘Бусы=мои покатались в разные стороны’.

Заключение

Итак, анализ значений глаголов вращения показал, что в хантыйском языке можно выделить четыре основные зоны вращения: вращение по кругу; вращение вокруг своей оси, вращение с поступательным движением; вращение не по полному кругу.

Для хантыйской системы параметр целенаправленности и контролируемости является несущественным.

Ряд глаголов вращения имеют по диалектам лишь фонетические или словообразовательные различия. В отличие от казымского диалекта в шурышкарском имеются отличающиеся словообразовательные варианты, например: *лэрэты* ‘кружить, обходить, обогнуть’, ‘крутить, мотать’, ‘клубиться’ и др.

Глагол *лэрыты* допускает по диалектам наибольшее совмещение значений. Глагол приур. *сыйиты* совпадает с казымским лишь в одном значении ‘кружить, кружиться (о птицах)’, в приуральском, в отличие от двух западных диалектов, он имеет более широкую сочетаемость, которая в других диалектах закреплена за глаголом *лэрыты*. Глагол *сэвиты* в казымском и шурышкарском описывает движение над ориентиром.

Таким образом, большая часть значений многозначного глагола *лэрыты* в наблюдаемых диалектах совпадает, в сургутском ему соответствует фонетический аналог — *лэлэхта*. Однако только в казымском и шурышк. совпадают большинство значений, а с приуральским совпадают три значения, большинство других значений закреплено за глаголом *сыйиты*. Глагол *сэвиты* в каз. диалекте встречается только в народной загадке и в сочетании

с природным явлением, в шурышкарском и приуральском ему соответствует фонетический вариант *сыйиты*, но в каждом из диалектов есть свои сочетаемые особенности.

В зоне качения отражается вращение в контакте с плоскостью при поступательном движении и разнонаправленное вращение (о природных явлениях и о движении оленей). Общие глаголы, описывающие сферу качения и вращения, способны переходить в интеллектуальную и физиологическую сферу. Движение головы в обско-угорских языках маркируется в большинстве диалектов особым глаголом с семантикой состояния. По диалектам зафиксированы также особые глаголы для обозначения хаотичного движения.

Во всех четырех диалектах (казымском, шурышкарском, приуральском, сургутском) лексемы *я́рыты* / *лэ́лэ́хта* совмещают значения ‘кружиться, кружить, крутиться, вертеться’. В трех из них (казымском, шурышкарском, приуральском) в зоне внешней оси используется глагол *сэ́виты* / *сыйиты*, который в каждом диалекте имеет свои семантические особенности.

В сургутском же значения ‘катиться, крутиться, ворочаться’ закреплены за глаголом *пэ́рхэ́та*.

Наблюдается совмещение значений для глаголов *я́рыты* и *сыйиты*; в каз., шурыш., сург. лексически выражаются значения, передающие вращательное движение головы, в каз. движение метели, насекомых (комаров, мошек) и интел. деятельность в казымском и сургутском.

Коррелирующие глаголы, имеющие общую семантику, по-разному комбинируют различные значения внутри одной лексемы: глагол одного диалекта может распространяться на смыслы, лежащие в поле другого глагола в другом диалекте, или быть гораздо уже, например: каз. *шя́хлэ́ты*, *кавэ́рмэты*.

Проведенный анализ показывает, что в организации семантического поля вращения в диалектах хантыйского языка есть как общие черты, так и особенности. Однако в целом концептуализация вращения осуществляется по одинаковым правилам.

Список литературы

1. Вальгамова С.И., Кошкарева Н.Б., Онина С.В., Шиянова А.А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011.
2. Лельхова Ф.М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
4. Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.
5. Ибрагимова В.Л. Семантические классы глаголов колебательного и вращательного движения в русском языке // Исследования по семантике. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1982. С. 66–74.

6. *Круглякова В.А., Рахилина Е.В.* Глаголы вращения: лексическая типология // Диалог. 2010. С. 240–247.
7. *Behaghel O.* Deutsche Syntax: Eine geschichtliche Darstellung. Band 2: Die Wortklassen und Wordformen. B. Adverbium. C. Verbium. Heidelberg. Winter, 1924.

References

1. Valgamova, N.B. et al. 2011. Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects). Ekaterinburg: Basko publ. Print. (In Russ.).
2. Lelkhova, F.M. 2012. Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect). Khanty-Mansiysk: OAO Izdatelskiy dom “Novosti Yugry” publ. Print. (In Russ.).
3. NOSS — Novyyu obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka. 2004. Edited by Yu.D. Apresyan. Moscow; Vena: Yazyki slavyanskoy kultury publ. Print. (In Russ.).
4. Rakhilina, E.V., and I.A. Prokofyeva. 2004. “Related languages as an object of lexical typology: Russian and Polish verbs of rotation”. *Voprosy yazykoznaneya* 1: 60–78. Print. (In Russ.).
5. Ibragimova, V.L. 1982. “Semanticheskiye klassy glagolov kolebatelnogo i vrashchatelnogo dvizheniya v russkom yazyke”. In *Issledovaniya po semantike*. Ufa: Izd-vo Bashkir. Gos. un-ta publ. Pp. 66–74. Print. (In Russ.).
6. Kруглякова, В.А., Рахилина Е.В. 2010. “Verbs of rotation: lexical tipology”. *Dialog* 1: 240–247. Print. (In Russ.).
7. Behaghel, O. 1924. Deutsche Syntax: Eine geschichtliche Darstellung. Band 2: Die Wortklassen und Wordformen. B. Adverbium. C. Verbium. Heidelberg. Winter. Print.

Сведения об авторе:

Соловар Валентина Николаевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.
E-mail: solovarv@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4894-0117

Bio Note:

Solovar N. Valentina is an Chief Research Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development of Russia, Doctor of Philology. E-mail: solovarv@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4894-0117

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-283-297
EDN: LAWOVX

Научная статья

Марийский национальный текст в русских переводах: на материале стихотворений Геннадия Ояра

Н.Н. Старыгина , Р.А. Кудрявцева

Марийский государственный университет,
Российская Федерация, 424000, Республика Марий Эл г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1
 kudsebs@rambler.ru

Аннотация. Исследование выполнено в рамках актуального литературоведческого направления, связанного с изучением локальных текстов, разновидностью которых является национальный текст. Национальный текст художественного произведения рассматривается авторами статьи как текст, содержащий информацию для реконструкции читателем / исследователем национально специфичного социокультурного пространства народа. Представлены результаты изучения национального текста в художественных переводах, в частности дан филологический анализ марийского национального текста в русских переводах. Материалом исследования стали стихотворения Геннадия Ояра, переведенные на русский язык. В работе использованы приемы контекстуального, концептуального и структурно-семантического анализа локальных текстов. Рассмотрены актуальные для формирования национального текста художественные приемы и средства (внетекстовые элементы, топонимы и антропонимы, элементы национального пейзажа, портрета, интерьера, приметы национального быта, материальной и духовной культуры, языковые вкрапления, фольклорно-мифологические образы и мотивы и т.д.). Национальный текст в русских переводах дает достаточно полное представление о марийском этносе как о древнем народе, который обладает уникальной культурой, бережно сохраняет родной язык, духовные традиции, чувствует кровную связь с далекими предками, их языческими верованиями, составляющими культурное ядро нации как социума, стремится сохранить духовную чистоту и устремленность к идеалам добра и красоты.

Ключевые слова: локальный текст, национальный текст, марийская литература, художественный перевод, Геннадий Ояр, поэтические приемы, средства реконструирования национального текста

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Марийский национальный текст в русских переводах: на материале стихотворений Геннадия Ояра // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2023. Т. 20. № 2. С. 283–297. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-283-297>

Research Article

Mari National Text in Russian Translations: Based on the Poems of Gennady Oyar

Natalya N. Starygina , Raisiya A. Kudryavtseva

Mari State University,
sq. Lenina, 1, 424000, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russian Federation
 kudsebs@rambler.ru

Abstract. This research work has been done in the field of the current literary direction related to the study of local texts, the variety of which is the national text. The national literary text is considered by the authors of the article as a text containing information for the reconstruction by the reader / researcher of the nationally specific socio-cultural space of the people. The studies of the national text in literary translations, namely, the philological analysis of the Mari national text in Russian translations is given in the article. The research materials are the poems of Gennady Oyar, translated into Russian mainly by Gennady Smirnov. The methods of contextual, conceptual and structural-semantic analysis of local texts are used in the work. The article considers the literary techniques and means relevant for the formation of the national text (extra-textual elements, toponyms and anthroponyms, elements of the national landscape, portrait, interior, signs of national life, material and spiritual culture, linguistic inclusions, folklore and mythological images and motifs, etc.). The national text in Russian translations gives a fairly complete picture of the Mari as an ancient people, which has a unique culture, carefully preserves its native language, spiritual traditions, feels a blood connection with distant ancestors, paganism, making up the cultural core of the nation as a society, seeks to preserve spiritual purity and aspiration to the ideals of goodness and beauty.

Key words: local text, national text, Mari literature, literary translation, Gennady Oyar, poetic techniques, means of reconstructing the national text

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Starygina, N.V., and R.A. Kudryavtseva. 2023. “Mari National Text in Russian Translations: Based on the Poems of Gennady Oyar”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 283–297. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-283-297>

Введение

Используя понятие «национальный текст», мы исходим из понимания текста как источника социокультурной информации, текста как социокультурного кода [1], текста как средоточия социокультурных концептов [2].

Национальный текст содержит информацию о специфичных или особенных характеристиках социокультурного пространства, отличающих тот или иной народ (нацию) от другого. Национальный текст дает читателю возможность выстроить специфическую социокультурную парадигму, включающую национальные черты жизни народа. Ключевыми характеристиками в национальной социокультурной парадигме являются «культурные темы, эстетические идеалы и типы социального взаимодействия», которые рассматриваются как «проявления единой системы культурных архетипов данного социума» [3]. Таким образом, национальный текст художественного произведения можно рассматривать как текст, содержащий информацию для реконструкции национально специфичного в социокультурном пространстве народа социума, осуществляемой читателем (исследователем).

Национальный текст можно рассматривать как разновидность локального текста [4], так как территориальная принадлежность есть важный признак нации как социокультурного явления.

Национальный текст становится в произведении формой представления контекстуального содержания [5], масштаб которого зависит от контекстуальной компетентности читателя. Например, совершенно разным может быть восприятие сонетных строк Шекспира «Не знаю я, как шествуют богини, / Но милая ступает по земле...» Большинство читателей воспримут эти строки как выражение авторской эмоции, авторского чувства (любовь, восхищение, любование и др.). Более искушенный читатель, прочитав имя автора, включит в свое контекстуальное пространство знания об эпохе Ренессанса с ее поклонением античности, восхищением и наслаждением красотой земной жизни и человека и т.д.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение национального текста в художественных переводах. Ведь сохранение национальной идентичности переводимого художественного текста является актуальной проблемой и основной эстетической задачей для переводчика. От него зависит выразительность и репрезентативность национального текста в переведенном им на другой язык произведении. В переводимом произведении национальный текст равен (говоря условно) всему художественному тексту, так как он создан на родном для автора языке, в котором каждое слово содержит и выражает национальные смыслы, национальное сознание, душу и характер народа. В переведенном произведении слово оригинала используется как вкрапление в текст, т.е. как прием для формирования национального текста наряду с другими поэтическими средствами. Каждое поэтическое средство, каждый художественный прием несет определенную смысловую нагрузку, и в совокупности они воспроизводят культурные архетипы (темы, идеалы, модели поведения), определяющие специфику национального сознания и самосознания народа.

В Республике Марий Эл сложилась традиция художественного перевода произведений национальных поэтов и прозаиков на русский язык. В настоящее время русскоязычный читатель может познакомиться с творчеством марийских писателей, используя и традиционные книжные издания, и тексты, размещенные в сети Интернет. Интернет значительно расширяет круг читателей: это не только жители республики, но и всей России, а также живущие за ее пределами. Данное обстоятельство актуализирует проблему марийского национального текста в переводах. Русскоязычный читатель, живущий в Республике Марий Эл (русский, татарин, башкир и т.д.) в той или иной степени знает национальную культуру народа мари. «Дальний» читатель может практически не иметь представления о национальных традициях, истории, культуре народа мари. Для «близкого» читателя бывает достаточно знать, что на русский язык переведены тексты марийского писателя. «Дальнему» читателю нужна более развернутая национально специфическая социокультурная информация.

Предметом филологического анализа марийского национального текста в русских переводах в данной статье являются стихотворения Геннадия Ояра, переведенные на русский язык Геннадием Смирновым. Случаи использования переводов других авторов оговариваются особо.

Обсуждение

Геннадий Ояр (Геннадий Леонидович Сабанцев) — известный марийский поэт и переводчик, автор пяти поэтических книг. На русский язык его поэзия переведена Геннадием Смирновым, Германом Пироговым, Константином Ситниковым, Сергеем Щегловым, Марией Василевской и др. Две наиболее известные книги Геннадия Ояра — «Светом единым» (2003)¹ и «Всполохи сердца» (2014)² переведены на русский язык в основном Геннадием Смирновым. Многие переводы выполнены самим автором.

Товарищи по перу (Сем. Николаев [6], Герман Пирогов [7]), литературные критики (В.Л. Егоров [8] и др.), исследователи творчества Геннадия Ояра (С.П. Манаева-Чеснокова [9], Г.Н. Бояринова [10], В.Т. Михайлов [11] и др.) осветили уже много проблем художественного мира поэта и своеобразие его стиля. В частности, отмечается философичность поэзии Геннадия Ояра, его обращение к национальным истокам: «Духовной опорой для него [лирического героя поэта. — *Н.С., Р.К.*] становится героическая история родного народа, мудрость народной философии. Обращение к истории народа, к вопросам сохранения марийского национального

¹ Сабанцев Г.Л. Светом единым: стихи / пер. Г. Смирнова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003.

² Сабанцев Г.Л. Всполохи сердца: стихи / пер. с марийского. Йошкар-Ола: Марий журнал, 2014.

мира, поэтизация марийского деревенского быта, тревога за экологию родной природы определяют национально-философский аспект поэзии Г. Сабанцева» [9. С. 193]; «Геннадий Ояр — поэт-философ, глубоко рассуждающий о проблемах современности, передающий драматизм столкновения нового мышления и прежних традиций народа, незыблемых нравственных законов, ищущий духовную опору („тоям“) для родного народа» [12. С. 15]; «Регулярно в своих произведениях автор обращается к мифологеме судьбы, выдвигая генетически пограничные образно-ассоциативные конструкты» [13. С. 78].

Национально-философский аспект поэзии Геннадия Ояра интересует нас в контексте заявленной выше филологической проблемы национального текста в переводах на русский язык. Наша задача на этом этапе исследования — определить круг поэтических приемов и средств, позволяющих реконструировать национальный текст.

В формировании, а затем и в реконструкции национального текста особую роль играют *внетекстовые элементы*: имя автора оригинальных стихов (Геннадий Сабанцев-Ояр, Геннадий Ояр), указание на национальную принадлежность поэта (марийский поэт, перевод с марийского языка). Национальность поэта, территория проживания народа мари (Республика Марий Эл) — первые сведения, получаемые читателем. Тех, кто любознателен, заинтересует псевдоним поэта: в переводе с марийского языка «ояр» — ‘светлый, яркий, безмятежный’; чаще всего встречается словосочетание «ояр кава» — ‘безоблачное, светлое небо’. Кто-то увидит здесь аллюзию на марийскую мифологию (небо — место обитания богов); кто-то — эстетический идеал поэта, его стремление к возвышенному, чистому; кто-то обратит внимание на стремление автора к совершенствованию как центральную идею его творчества.

Указание на принадлежность к нации является простым, но достаточно эффективным приемом формирования национального текста, например, название стихотворения «Мой марийский язык», указание в тексте — «Язык мари». В стихах встречаются достаточно часто такие словосочетания: «марийские гусли», «марийские девушки», «марийская речь», «два... марийца».

Национальная *топонимика* представлена названиями известных географических объектов: река Белая (Республика Башкортостан), Урал (места компактного проживания народа мари за пределами республики) и, конечно, местными названиями рек, поселков, деревень: Кокшага, Туруново, Морки и др.

Антропонимика национального текста достаточно богата. Стихотворения Геннадия Ояра знакомят читателя с основными деятелями марийской культуры. Например, в стихотворении «Два певца» идет речь о композиторе Иване Ключникове-Палантае и писателе Сергее Чавайне:

Легко
над Кокшагой навстречу друг другу
Два славных марийца идут по мосту.
Один —
окрыленный словесною вьюгой,
В мелодиях черпал другой
красоту.
...
...Я слушаю трепетно их — не дыша...³
(Перевод Г. Смирнова)

Читатель, знающий город Йошкар-Олу (столицу Республики Марий Эл), создаст в воображении географический образ, городской пейзаж, ведь речь, в сущности, идет о двух памятниках, расположенных на противоположных берегах реки Кокшага: памятнике основоположнику марийской литературы С.Г. Чавайну и памятнике основоположнику марийской музыки И.С. Ключникову-Палантаю, автором которых является Б.И. Дюжев. Таким образом, для формирования национального текста включаются контекстуальные связи, расширяющие его содержание.

Имя Сергея Чавайна появляется и в стихотворении, посвященном поэту Миклаю Казакову:

Навсегда очарованный песней Чавайна,
Вы подняли марийскую речь на крыло.
Пожимая вам руку, я знал: не случайно
Вам Чавайн её жал, улыбаясь тепло⁴.
(Перевод Г. Смирнова).

Образ трех поэтов, представителей разных поколений марийской культуры, демонстрирует преемственность национальных традиций (марийская речь, музыка), их приверженность национальным эстетическим и духовным идеалам.

Наряду с именами известных деятелей марийской культуры в национальный текст органично вписывается имя русского поэта Сергея Есенина.

...Ключевой водой, слегка рассеян,
Он умылся — глаз блеснула синь...
Вышел за околицу Есенин —
Солнце на лугах встречать один.

³ *Сабанцев Г.Л.* Вспохои сердца... С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

Кто ещё потреплет на рассвете
По щеке румяную зарю...
Воспоёт Россию беззаветно —
Русь непостижимую свою⁵.

Образ русского поэта, на первый взгляд, не вписывается в структурно-семантическое пространство марийского национального текста. Но Геннадий Ояр, как нам видится, воспринимает марийскую поэзию как часть мировой и российской культуры.

Ждет сторона моя родная,
Она же часть большой страны⁶.
(Перевод М. Василевской)

Сохраняя национальную доминанту (или культурное ядро, если рассматривать поэзию в социокультурном аспекте), марийская поэзия активно участвует в межкультурном диалоге.

В стихотворении «На могиле поэта» локация предельно конкретизирована — Туруновское кладбище, где похоронен Валентин Колумб, национальный марийский поэт. Но параллель с такими знаковыми для русской и мировой культуры локусами, как Елабуга, Ваганьково, Сент Женеьев-де-Буа, а также обобщенный образ последнего пристанища «поэтов земли», грустный пейзаж, как будто один для всех кладбищ, печальная тональность стирают какие-либо географические границы и реалии, объединяя всех поэтов в единое культурное пространство.

И там он, и здесь — моросит —
дождь с пылью с надгробий стекает.
И ветер целует цветы —
для всех его нежность одна.
Близки все поэты земли,
что в вечности пребывают:
В Елабуге или в Ваганьково,
Иль в Сент Женеьев-де-Буа...
В Туруново кладбище есть,
на взгорке за городом древним.
В обитель печали и дум
поклон приношу я весной⁷.

(Перевод Г. Смирнова)

⁵ Ояр Геннадий. Нам связала радуга сердца: стихи / пер. с марийского К. Ситникова // Литера. 2021. № 3. С. 41.

⁶ Сабанцев Г.Л. Всполохи сердца... С. 140.

⁷ Там же. С. 130.

Итак, наименования (топонимы и антропонимы), прямые указания на принадлежность к народу мари, марийской культуре — актуальные для формирования национального текста художественные приемы. С их помощью обозначается географическое пространство, определяются знаковые локусы, очерчивается круг культурных деятелей, внесших большой вклад в развитие марийской культуры. Проясняются культурные темы и эстетические идеалы, составляющие ядро марийской культуры: тема духовного совершенствования и устремленности к светлому и возвышенному (здесь важен псевдоним поэта — Ояр); тема преемственности и единства марийской культуры (имена выдающихся деятелей культуры); тема межкультурного диалога, расширяющая рамки национальной культуры (топонимы и антропонимы). Содержание национального текста обогащается за счет контекстуального содержания. Культурное пространство расширяется и характеризуется большим разнообразием (Б. И. Дюжев, скульптор; М.И. Цветаева, похороненная в Елабуге; деятели российской культуры, упокоившиеся на Ваганьковском кладбище в Москве; русские писатели-эмигранты, нашедшие последний приют во Франции).

Важнейший структурно-семантический пласт национального текста обусловлен обращением к *марийскому фольклору и изображением различных примет народной жизни*.

Национальный фольклор в русских переводах — тема, требующая особого и обстоятельного исследования, поскольку фольклоризм является важнейшим способом выражения культурных архетипов. Мы же обозначим лишь некоторые средства и приемы введения фольклорных элементов в марийский национальный текст.

В стихотворении «Вот дитя родилось...» новорожденного младенца мать воспринимает как героя марийской сказки («Кто сильнее всех?»), как сказочного богатыря из теста (Ненчык-патыр) (Подробнее о фольклорной основе марийской литературы и марийских фольклорно-мифологических образах см.: [14. С. 10–17; 15. С. 38–62; 16]).

Видеть матери лестно:
Словно чудится ей
Ненчык-патыр из теста⁸.

(Перевод Г. Смирнова)

В данном случае используется фольклорный образ: Нёнчык (марийский вариант написания) — букв. испеченный из теста, патыр — богатырь. Ненчык-патыр воплощает идею богатырского подвига во имя

⁸ *Сабанцев Г.Л.* Вспохои сердца... С. 38.

спасения родного края, победы добра над злом. С ним связан и мотив чуда, который актуализируется в стихотворении — чуда рождения человека.

Обратим внимание, что рождение ребенка воспринимается как вселенское событие, касающееся всего мироздания:

Мать, отец — да весь свет! —
Затаивши дыханье,
Принимают привет
Из глубин мирозданья...⁹
(Перевод Г. Смирнова)

Космический масштаб частного, казалось бы, события — характерная особенность фольклорного (мифологического) мирозерцания и миропонимания.

Важно отметить, что рождение ребенка воспринимается и как событие народное, родовое, национальное (стихотворение «Напутствие сыну»):

В твоём звонком крике голоса звучали
Наших древних предков...¹⁰
(Перевод Г. Смирнова)

Рожденный человек наследует коллективную память народа, вписывается в череду поколений, приобщается к национальным традициям и идеалам.

Фольклор представлен в национальном тексте еще и народной песней. Одно из стихотворений так и названо — «Родная песня».

В моркинской стороне иль на Урале,
На Белой иль на Волге — там и тут —
О, как мне нежно голоса звучали:
В селе марийском девушки поют...

Как трепетно мелодию выводят —
Как поступь девушек она легка.
А где же красоту они находят? —
В своей крови проносят сквозь века¹¹.
(Перевод Г. Смирнова)

⁹ *Сабанцев Г.Л.* Всполохи сердца... С. 38.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же С. 70.

Характерно, что в стихотворении подчеркивается, что для девушек-певиц песня предков «своя»: они живут этой песней так, как века назад ею жили и наслаждались их предки.

Вновь акцентируется одна из доминантных для Геннадия Ояра культурных тем: кровная и неразрывная связь с предками, непрерывающаяся духовная традиция, к которой подключаются новые поколения марийцев.

Национальный колорит также создается за счет упоминания *народных музыкальных инструментов*, например, в стихотворении «У памятника Салавату. Воспоминание об Уфе»:

Марийские гусли, печальные, пели,
И пел на земле Салавата курай...¹²
(Перевод Г. Смирнова)

Если в стихотворении «Родная песня» марийская народная песня звучит в разных уголках России, где проживают мари, и объединяет народ в единое целое с общим культурным пространством, то в стихотворении «У памятника Салавату» марийские гусли и башкирский курай (башкирский национальный музыкальный инструмент) воспринимаются как символы культурных традиций поволжских народов и их духовной близости.

Особый пласт в национальном тексте сформирован стихами о *родном языке* (стихотворение «Мой марийский язык» и др.).

Родной язык, твоим рассветным словом
Я не лепечу — гордо говорю.
За нежность и за силу твою снова,
Язык мари, тебя благодарю.
...
Родной язык, из наших дум ты вырос...¹³
(Перевод М. Василевской)

«Язык мари» — главное в культурном наследии народа, его основное значение — выразить душу народа, его мечты и чаяния. Язык — великая сила, объединяющая народ, нацию.

В национальном тексте также важно изображение *бытовой жизни народа, описание обычаев мари*.

¹² *Сабанцев Г.Л.* Вспохои сердца... С. 127.

¹³ Там же. С. 126.

В русских переводах это, может быть, не так ярко выражено, потому что много общего между деревенской жизнью марийцев и русских. Но все-таки в описании привычного явления или события часто воспроизводятся такие детали, которые характерны именно для марийской бытовой традиции. Так, описание новоселья сопровождается присказкой:

Говорили не впустую
Новосёлы — верь, не верь:
«Нечисть, кыш в трубу печную!
Счастья же — пожалуй в дверь!»¹⁴
(Перевод Г. Смирнова)

Наряду с мотивами, образами, деталями и другими художественными элементами в формировании национального текста важное место занимают *программные стихотворения*, аккумулирующие авторские идеи, выражающие доминантные культурные темы и идеалы, определяющие суть и специфику национальной жизни. Одним из таких произведений является стихотворение «Нам завещано».

Березняк,
и дубрава,
и роща...
Наш язык от древесных ветвей.
На природу мариец не ропщет —
Поклоняется,
молится ей.
Не бранил ни травы, ни листочка,
И озёрам в лицо не плевал,
Только черпал и пил по глоточку,
Только жажду в жару утолял.

Не о прозвищах речь, если имя —
Чимари, —
значит, в помыслах чист.
На рубашке — луга,
а под ними
Бьётся сердце,
как трепетный лист.

¹⁴ Сабанцев Г.Л. Всполохи сердца.... С. 47.

И подобно водице в ладонях,
Всё грядущее в наших руках.
Мы и капли её не уроним,
Чтобы свет серебрился в очах...¹⁵

(Перевод Г. Смирнова)

Обобщенный образ мари́йца демонстрирует те особенности, которые определяют его национальную идентичность. Это древние языческие верования (традиционное именование веры мари, как и самих мари, приверженцев этой веры, — *чимари*, т.е. «чистые мари» — «в помыслах чист»); жизнь среди родной природы и слиянность с ней; трепетно осторожное отношение к окружающему миру; душевная чистота и устремленность к светлому, небесному. Уникальность народа, подчеркивает еще раз автор, обусловлена его древним языком. В стихотворении также еще раз утверждается мысль о непрерывности духовной традиции народа, о кровной и неразрывной связи современников с предками. Автор ратует за сохранение культуры предков, трепетное и уважительное отношении к национальной культуре.

В стихотворении «Напутствие сыну» подчеркивается мысль о необходимости учиться у народа, следовать народной мудрости:

Мудрости народа открывая кладезь,
Через все преграды ты, сынок, лети¹⁶.

(Перевод Г. Смирнова)

Заключение

Итак, конструируя национальный текст в стихотворениях Геннадия Ояра, переведенных на русский язык, мы выделили основные поэтические средства и приемы, которые наиболее активно используются авторами переводов на русский язык. Это прямые указания на национальную принадлежность (марийский), топонимы, антропонимы, фрагментарные описания (элементы национального — местного — пейзажа, в том числе городского; портрета, интерьера); приметы национального быта, материальной и духовной культуры; языковые вкрапления (чимари); мифологические и фольклорные образы и мотивы. Важное значение имеет актуализация контекстуальной компетентности читателя, стимулирование его ассоциативного мышления, мотивация на поиск дополнительной социокультурной информации. Конечно, предстоит определить частотность использования тех или иных художественных

¹⁵ *Сабанцев Г.Л.* Вспохои сердца... С. 125.

¹⁶ Там же. С. 41.

приемов и средств с целью выявления наиболее значимых для данного национального текста. Именно этим соотношением обуславливается оригинальность и специфичность поэтики национального текста.

Наш анализ поэтики национального текста в переводах стихотворений Геннадия Ояра на русский язык позволяет сделать вывод о целесообразности и эффективности использования обозначенных поэтических средств и приемов. Национальный текст выразителен и содержателен. В плане содержания отметим следующее: национальный текст дает достаточно полное представление о марийском этносе как о древнем народе, обладающем уникальной культурой, бережно сохраняющем родной язык, духовные традиции, чувствующем кровную связь с далекими предками. Культурное ядро нации как социума определяется языческими верованиями народа, основанными на жизни в гармонии с природой, на стремлении сохранить духовную чистоту и устремленность к идеалам добра и красоты.

Исследование национального текста в переводных произведениях представляется нам перспективной задачей: открываются новые горизонты понимания художественных текстов, их содержания и поэтики.

Список литературы

1. Храпова В.А. Текст как социокультурный код общества: дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2007. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/tekst-kak-sociokulturnyj-kod-obwestva.html> (дата обращения: 11.05.2022).
2. Комарова Л.И. Художественный текст как источник социокультурных концептов // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 12 (80). С. 294–299.
3. Ищенко Н.С. Социокультурное пространство как статическая характеристика социокультуры // Философско-культурологические исследования. 2017. № 2. URL: <http://fki.lgaki.info/2017/11/20/н-с-ищенко-социокультурное-пространс/> (дата обращения: 11.06.2022).
4. Старыгина Н.Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 129–136.
5. Старыгина Н.Н. Контекстуальная поэтика как предмет филологического анализа // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1. С. 89–95. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97>
6. Николаев Сем. А вет сай — пырля нумалтыш [А ведь хорошо, когда ноша общая] // Николаев Сем. Мутын нелыже да ямлыже [Боль и радость слова]. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. С. 204–220.
7. Пирогов Г. «Ты, время, вторглось грубо слишком...» // Антология марийской поэзии в переводах Германа Пирогова: в 2-х т., Т. II. Йошкар-Ола, 2011. С. 327–330.
8. Егоров В. Нумалтышым нелытше [Тяжесть ноши] // Кугарня [Пятница]. 1993. 21 май.
9. Манаева-Чеснокова С. Ноша поэта Геннадия Ояра // Сабанцев Г.Л. Вспохои сердца: стихи. Йошкар-Ола: ГУКП РМЭ «Марий журнал», 2014. С. 186–195.
10. Бояринова Г.Н. Марийская поэзия: сверяя голос с правдой жизни // Край соловьиный: поэзия марийских авторов: антология: в 2 т. / пер. с марийского. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2020. Т. 1. С. 3–18.

11. Михайлов В.Т. Поэт Г. Сабанцев-Оярын сылнымут тўняже [Художественный мир Г. Сабанцева-Ояра] // *Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности*: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 112–119.
12. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллект. монография / Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др. Йошкар-Ола, 2022.
13. Арзамазов А.А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения: монография. Казань, Изд-во АН РТ, 2022.
14. История марийской литературы / отв. ред. К.К. Васин, А.А. Васинкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во 1989.
15. Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография. Мар. гос. ун-т, 2011. 324 с.
16. Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Том 1: Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006.

References

1. Chrapova, V.A. 2007. "Text as a socio-cultural code of society": Doctoral Thesis. Volgograd. Web. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/tekst-kak-sociokulturnyj-kod-obwestva.html> (Date of Access: 11.05.2022). (In Russ.).
2. Komarova, L.I. 2009. "Literary text as a source of sociocultural concepts". Tomsk State University Journal 12 (80): 294–299. Print. (In Russ.).
3. Ishhenko, N.S. 2017. "Sociocultural space as a static characteristic of socioculture". *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya* 2. Web. URL: <http://fki.lgaki.info/2017/11/20/n-s-ishhenko-sociokul'turnoe-prostrans/> (Date of Access: 11.06.2022). (In Russ.).
4. Sarygina, N.N. 2017. "System of local supertexts of Russian literature". *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin* 3 (95): 129–136. Print. (In Russ.).
5. Sarygina, N.N. 2019. "Contextual poetics of literary work as a subject of philological analysis". *Vestnik of the Mari State University* 13 (1): 89–95. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-1-91-97>
6. Nikolaev, Sem. 1993. "A vet saj — py'rlya numalty'sh" [But it's good when the burden is shared]. In Nikolaev Sem. *Muty'n nely'zhe da yamdy'zhe* [Pain and joy of the word]. Joshkar-Ola: Marij kniga publ. Pp. 204–220. Print. (In Mari)
7. Pirogov, G. 2011. "Ty', vremya, vtorglos' grubo slishkom..." A two-volume anthology of Mari poetry translated by German Pirogov. Joshkar-Ola. Pp. 327–330. Print. (In Russ.).
8. Egorov, V. 1993. "Numalty'shy'm nely'tshe" [The weight of the burden]. In Kugarnya [Pyatnitsa]. 21 May. (In Mari)
9. Manaeva-Chesnokova, S. 2014. "The burden of the poet Gennady Oyar". In Sabantsev, G.L. *Flashes of the Heart: Poems*. Joshkar-Ola: GUKP RME' Marij zhurnal publ. Pp. 186–195. Print. (In Russ.).
10. Boyarinova, G. 2020. "Mari poetry: checking the voice with the truth of life". In *Nightingale land: poetry of Mari authors: an anthology*: in 2 vols. Joshkar-Ola: Izd. dom Mari publ. Pp. 3–18. Print. (In Russ.).
11. Mihailov, V.T. 2015. "Poe't G. Sabancev-Oyary'n sy'lny'mut tўnyazhe" [The artistic world of G. Sabantsev-Oyar]. In *Hudozhestvennaya kul'tura narodov Volgo-Kamskogo polie'tnicheskogo regiona v paradihme sovremennosti*: Collection of Articles. Mari State university publ. Pp. 112–119. (In Mari)
12. *Modern Mari Lyrics: Artistic Models of the World and the Poetics of Creative Individuality*: Collect. monograph. 2022. Joshkar-Ola. Print. (In Russ.).
13. Arzamazov, A.A. 2022. *Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience*: monograph. Kazan', Iz-vo AN RT publ. Print. (In Russ.).
14. Vasin, A.A. 1989. *History of Mari Literature*. Joshkar-Ola: Mar. publ. Print. (In Russ.).

15. Kudryavtseva, R.A. 2011. Genesis and dynamics of the poetics of the Mari story in the context of the literatures of the peoples of the Volga region: monograph. Mari State university publ. Print. (In Russ.).
16. Sitnikov, K.I. 2006. Dictionary of Mari Mythology. Vol. 1.: Gods, Spirits, Heroes. Yoshkar-Ola. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Старыгина Наталья Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета. E-mail: starigina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9285-4366
eLibrary SPIN-code: 3501-6921

Кудрявцева Раисия Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета. E-mail: kudsebs@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8933-5955
eLibrary SPIN-code: 1169-1030
WOS Research ID: F-5952-2014

Bio Notes:

Natalya N. Starygina is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism of Mari State University. E-mail: starigina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9285-4366
eLibrary SPIN-code: 3501-6921

Raisiya A. Kudryavtseva is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology of Mari State University, Yoshkar-Ola. E-mail: kudsebs@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8933-5955
eLibrary SPIN-code: 1169-1030
WOS Research ID: F-5952-2014

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-298-311

EDN: LLLPRX

Научная статья

Билингвизм в авторском переводе национального эпоса: на материале «Масторавы»

А.М. Шаронов¹ , Е.А. Шаронова²

¹Научный центр социально-экономического мониторинга,
Российская Федерация, Республика Мордовия, 430000, г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, д. 39а

²Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Российская Федерация, Республика Мордовия, 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68
 sharon.ov@mail.ru

Аннотация. В 1994 году на эрзянском языке вышел в свет эрзянский эпос «Масторава». Успех этого произведения заставил задуматься о необходимости его перевода на русский язык. Было решено поручить перевод автору «Масторавы» Александру Марковичу Шаронову, одинаково свободно пишущему на эрзянском и русском языках. Актуальность исследования обусловливается непреходящим интересом к явлению билингвизма в авторском переводе национального эпоса. Поэт-билингв, переводящий свой собственный текст, находится в более сложной ситуации, чем поэт, делающий перевод по подстрочнику, ибо первый, слыша музыку обоих языков, стремится согласовать ее, сделать адекватным ее звучание в пространствах этих языков. Перед ним стоит задача — синхронизировать работу образных и смысловых рядов, сохранив аутентичность эрзянских мифологических и фольклорных образов, переместить их в пространство русских образов и смыслов, мгновенно начинающих проявляться с первыми звуками русского слова, и устроить все так, чтобы национальное сохранило свою уникальность. Переводчику-билингву эта работа дается с большими усилиями именно потому, что он слышит и чувствует оба языка, осознает нюансы значений и смысловых оттенков, в то время как переводчик по подстрочнику существует в звуковом и смысловом пространствах только одного языка и не видит деталей. Перевод текста художественного произведения осложняется его метафорической образностью, допускающей разнообразие восприятий, и отсюда — сложность передачи ее смысла, предполагаемого автором. Однако качественный перевод перемещает произведение из одного языка в другой язык, из одной литературы — в другую литературу, расширяя, обогащая и усложняя сферу его существования. Методы исследования: описательный, генетический, сравнительно-сопоставительный.

Ключевые слова: Масторава, эпос, поэтический перевод, поэт-билингв, билингвизм, языковое пространство

© Шаронов А.М., Шаронова Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Шаронов А.М., Шаронова Е.А. Билингвизм в авторском переводе национального эпоса: на материале «Масторавы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 298–311. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-298-311>

Research Article

Bilingualism in the Author's Translation of the National Epic: on the Material of "Mastorava"

Alexander M. Sharonov¹ , Elena A. Sharonova²

¹Scientific Center for Socio-Economic Monitoring,
st. B. Khmel'nitsky, 39a, Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russian Federation

²Mordovian State University N.P. Ogaryova,
st. Bolshevik, d. 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russian Federation,
 sharon.ov@mail.ru

Abstract. In 1994, the Erzya epic "Mastorava" was published in the Erzya language. The success of this work made us think about the need for its translation into Russian. It was decided to entrust the translation to the author of "Mastorava" — Alexander Markovich Sharonov, who is equally fluent in Erzya and Russian. The relevance of the study is determined by the enduring interest in the phenomenon of bilingualism in the author's translation of the national epic. A bilingual poet translating his own text is in a more difficult situation than a poet translating interlinear. For the former, hearing the music of both languages, seeks to harmonize it, to make its sounding adequate in the spaces of these languages. He is faced with the task of synchronizing the work of figurative and semantic series, preserving the authenticity of Erzya mythological and folklore images, moving them into the space of Russian images and meanings that instantly begin to appear with the first sounds of the Russian word, and arrange everything so that the national retains its uniqueness. This work is given to a bilingual translator with great effort precisely because he hears and feels both languages, he is aware of the nuances of meanings and semantic nuances. While the interlinear translator exists in the sound and semantic spaces of only one language and does not see the details. The translation of the text of a work of art is complicated by its metaphorical figurativeness, which allows for a variety of perceptions, and hence the difficulty in conveying its meaning, assumed by the author. However, high-quality translation moves a work from one language to another language, from one literature to another literature, expanding, enriching and complicating the scope of its existence. Research methods: descriptive, genetic, comparative.

Key words: Mastorava, epic, poetic translation, bilingual poet, bilingualism, language space

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Sharonov, A.M., and E.A. Sharonova. 2023. "Bilingualism in the Author's Translation of the National Epic: on the Material of 'Mastorava'". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 298–311. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-298-311>

Введение

Под поэтическим билингвизмом мы будем понимать творчество, подразумевающее создание оригинальных произведений на двух языках и авторских переводов, а также переводов произведений других писателей. Билингвизм начинает распространяться с прогрессом художественного и научного познания, с развитием межэтнических культурных связей, когда проникновение сквозь этнические границы воспринимается не как культурная ассимиляция, а как расширение своих собственных границ, внутри которых оба языка родные, ибо на равных участвуют в формировании полноценной картины мира. Это обстоятельство, усложняя жизнь писателя-билингва, делает ее более творчески качественной и полнокровной.

Обсуждение

Активнее всего билингвизм развивается в многонациональных странах, в таких, например, как Россия, где цивилизационные и культурные различия между населяющими ее народностями весьма существенны, но не менее существенна объединяющая их гуманитарная общность. Лингвистическое многообразие, как уникальный фактор, порой «недооценивается в теоретическом и практическом освоении действительности» [1. С. 27–29]. Происходит активный диалог между этническими идентичностями, имеющими в себе мощную общероссийскую (русскую) идентичность. Русский чуваш, еврей, эрзя, мокша, мариец, коми, татарин, карел на культурно-цивилизационном уровне почти такой же русский, как и природный русский человек, а в этническом плане обладает некой самобытностью.

Однако, несмотря на существование культурно-цивилизационной и гражданской идентичности, поэтов и прозаиков, пишущих одновременно на двух языках, преимущественно на родном (эрзянском, мокшанском, удмуртском и пр.) и русском, не очень много. Причина заключается в проблеме самовыражения. Для творчества, например, на эрзянском и русском языках нужно обладать непременно и эрзянским, и русским самосознанием, на генетическом уровне знать оба языка. Если генетического фактора нет, плодотворный билингвизм не получится. Стихи, написанные русскими словами, не станут русскими, ибо в них не будет русского самосознания. Этот фактор распространяется и на переводы с одного языка на другой. Идентичный перевод слово в слово, размер в размер, ритм в ритм сделать практически невозможно. Невозможно один язык наложить на другой, перевести его в логико-ментальную систему другого языка. Поэтому даже самые хорошие переводы по сути своей являются переложениями переводимого произведения. Специалисты утверждают, что «языковой контакт — понятие более емкое, проявляется и как билингвизм, и на базе контактов между литературами посредством переводов» [2. С. 7]. Однако это не означает обесценивания или

искажения переводимого произведения. В другом языке оно обретает новую жизнь, инобытие, становится оригинальным произведением, явлением иного языкового пространства. При этом сохраняется авторство оригинала и возникает автор перевода.

Во всем, что делает человек, он выражает свою сущность. Свою сущность вкладывает и переводчик в переведенное произведение. Качество его перевода зависит от меры поэтического дарования, уровня интеллекта и образованности, этнической, филологической и эстетической культуры, социальной принадлежности, национальности, возраста и т.д. На перевод накладывается личность переводчика.

Потребность в билингвизме объясняется стремлением поэта выйти за рамки собственной национальности, выразить себя в масштабах другого языка, обрести иную форму мировосприятия, освоить иной языковой материал, облечь свою идею в новые языковые одежды, стать известным и другому народу.

Е.А. Коновалова считает, что «билингвизм может возникать только при контактировании языков, которому предшествуют социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках» [З. С. 266]. В России билингвизм характерен для поэтов и прозаиков национальных республик — Мордовии, Марий Эл, Чувашии, Удмуртии и др. Русские писатели почти не пишут на языках других народностей страны, так как не видят в этом необходимости. Русский язык позволяет им обрести известность в большинстве стран мира, так как он является языком великого государства.

Таким образом, поэтический билингвизм в России — явление областных литератур, прежде всего бывших автономных республик СССР. Но по своему гуманитарному значению он имеет всероссийский статус, так как вводит в систему русской художественной словесности региональные литературы, что приводит их к обоюдному обогащению, наполняя обе стороны новыми смыслами, образами, мировидением. В литературе Мордовии билингвами были З. Дорофеев, П. Кириллов, И. Пиняев, П. Гайни. Они одинаково талантливо писали на эрзянском, мокшанском и русском языках. П. Кириллов и П. Гайни на русском языке выражали самосознание, жизнь и историю эрзянского народа. И. Пиняев начинал как русскоязычный поэт, впоследствии создавший несколько стихотворных произведений на эрзянском языке. Но в истории литературы он присутствует как русский поэт, ибо в полной мере его поэтический дар раскрылся именно в пространстве русского языка. И. Пиняев занимался переводами эрзянских и мокшанских поэтов на русский язык, достигнув на этом поприще незаурядных результатов. П. Кириллов переводил на русский язык фольклорные произведения. П. Гайни выступил как замечательный первозданный русский поэт, будучи талантливым эрзянским поэтом. Двужычными поэтами были Ч. Журавлёв и А. Арапов, однако

их стихотворения на русском языке уступают эрзяноязычным стихотворениям. Некоторые исследователи разграничивают ««билингвизм автора» и «авторский билингвизм». В первом случае речь идет о личностной характеристике того или иного индивида, занимающегося литературным творчеством, как активно владеющего языком и речевыми навыками более чем на одном языке, во втором — о порождении на неродном языке / языках *художественных произведений*» [4. С. 298–297].

Билингвизм безусловно интересное явление литературы. В его основании цивилизационный и культурный прогресс, расширение межнациональных информационных взаимодействий, стремление к известности в иноязычной среде, желание и способность писать на двух языках. Вместе с тем следует признать, что лишь в редких случаях произведения на другом языке способны соперничать в художественном совершенстве с произведениями авторов, для которых данный язык является родным. И дело здесь не в степени таланта, а в неременном условии знания второго языка на генетическом уровне. Чтобы эрзянин стал русским поэтом, он должен мыслить и чувствовать по-русски, русскими глазами смотреть на мир. В противном случае его стихи на русском языке будут лишены русскости.

Под билингвизмом будем понимать и переводы с одного языка на другой: и в том случае, когда они делаются при знании переводчиком другого языка, и при незнании — когда перевод осуществляется по подстрочнику. Особое значение имеют авторские переводы, где автор оригинала по своему усмотрению создает иноязычный вариант собственного произведения (проблема автоперевода активно исследуется [5–11]). В этом случае перевод обещает быть более точным и качественным при условии, что автор хорошо владеет обоими языками, на интуитивном уровне понимает своеобразие их мышления и психологии, лингвистическую, синтаксическую, морфологическую, художественно-эстетическую и прочую специфику; осознает животворную сущность Слова вообще. Иначе говоря, например, поэт-эрзянин, переводящий свое произведение на русский язык, должен воспринимать его как родной, иметь русскую психолингвистическую и ментальную сущность. Он должен понимать, что его произведение будет отчуждено от эрзянского языка и станет явлением русской литературы. Данный фактор, разумеется, необходимо осознавать и переводчику, использующему подстрочный перевод, трансплантирующему текст, изначально написанный на эрзянском языке, в русскую ментальную и языковую среду.

В 1994 году издан эрзяно-мокшанский героический эпос «Масторава» [12–16]. В 1995 году Мордовское книжное издательство запланировало его перевод с эрзянского языка на русский. Возникла проблема реализации замысла. Разумеется, было понимание, что перевод должен быть максимально адекватным оригиналу. Но в чем адекватность должна выразиться, что должен вместить в себя переводной текст: соответствие

размера стихов, ритмику, архитектонику, словесно-изобразительные средства, содержание, ментальность, эпическую мелодику, эстетику подлинника? Большой вопрос вызвала и кандидатура переводчика: все местные русскоязычные поэты были отвергнуты, было отвергнуто большинство «столичных» переводчиков. В конце концов, издательство остановило выбор на создателе эрзянского текста «Масторавы» — Шаронове Александре Марковиче, одном из авторов настоящей статьи. Предстояло создать совершенно новое произведение. Для того чтобы книга, состоявшаяся на эрзянском языке, смогла состояться и на русском, нужно было весь ее текст и художественный мир не просто изложить на русском языке, а трансплантировать их в ментальную сущность русского языка, сохранив при этом эрзянскую сущность произведения, его индивидуальность и жизнеспособность. Для этого необходимо было заново переосмыслить монументальный текст, со сложнейшей поэтической системой, ритмической организацией, языком, содержанием, философией и космологией. На поиски релевантного слога для первой песни «Ушоткс» («Начало») было потрачено около полугода. После многочисленных вариантов был признан приемлемым следующий текст перевода:

Оригинал

Покштояк ульнесь седе покш пакся.
 Се покш паксясонть — сэрей губорь пря.
 Губорь принесэнтъ — ашине килей,
 Ашине килей, мазыйне килей... [17. С. 9]

Подстрочник

Больше большого было большое поле.
 В том большом поле высокий холм,
 На том холме — белая берёза,
 Белая, красивая берёза...

Перевод

Поле без конца и без начала.
 В бесконечном поле — холм высокий,
 На холме том — белая берёза,
 Белая, красивая берёза... [18. С. 4]

В переводе вторая, третья, четвертая строки почти буквально совпадают с оригиналом, их свободно выражает русское слово. Первая строка «Больше большого было большое поле» не имеет ни синтаксических, ни смысловых параллелей в русском языке. Поэтому пришлось отказаться от синтаксического соответствия во имя сохранения смысла, содержащегося в первоисточнике.

В эрзянском языке словосочетание «покштояк ульнесь седе покш» / «больше большого было» — совершенно нормальная смысловая и синтаксическая конструкция. В русском языке таких смысловых и лингвистических фигур нет. По-эрзянски «покштояк седе покш» означает ‘очень большое’ или ‘самое большое’ поле. В процессе перевода возник вопрос, как перевести «покштояк седе покш»/«больше большого» на русский язык. После долгих поисков был выбран вариант «поле без конца и без начала», ибо ментально и на уровне пространственного мышления и космического мировидения «больше большого» означает ‘беспредельное, не имеющее начала и конца’. Удалось ли в переводе передать полностью поэтическую и мировоззренческую сущность эрзянского текста? При ответе на этот вопрос снова следует подчеркнуть: языки разных народов не подлежат наложению друг на друга, как и их мышление и сознание в целом. В русском переводе сохранена мифопоэтическая картина эрзянского текста и его содержание, но они выражены по-русски, в соответствии с грамматическими нормами и ментальностью русского языка.

В строке «покштояк ульнесь седе покш пакся»/ «больше большого было поле» возникает образ эрзянина, обзревающего землю из Космоса. Поле это необычное, поскольку посреди него стоит Мировое Дерево (береза), следовательно, оно, подобно Мировому Дереву, «мировое», беспредельное по масштабу.

Художественное произведение — творение конкретной личности, которая воспринимает окружающий мир сквозь призму своего взгляда на него, своего таланта, своеобразия интеллекта и прочего многообразия субъективностей, которые вносятся в создаваемые им оригинальные или переводные произведения. По этой причине «Мастораву» в оригинале и «Мастораву» в переводе следует рассматривать в фокусе данного фактора.

«Масторава» создана на основе сюжетов и мотивов фольклорных песенных и прозаических произведений. Прозаические тексты подверглись стихотворным переложениям, на их основе написаны по существу новые песни и сказания. Фольклорные мотивы также послужили материалом для новых песней и сказаний, составивших большой сюжет эпоса «Масторава». Работа над переводом эпоса «Масторава» с эрзянского на русский язык показала: оригинальный авторский текст труднее поддавался превращению в русский, труднее подчинялся природе русского языка, чем фольклорный эрзянский источник. Видимо, это связано с тем, что язык фольклора, прежде всего песенного, имеет свои законы, в нем каждое слово знает свое место и не допускает инотолкований и вольного обращения с ним. И тут возникает вопрос о билингвизме при переводе фольклорного произведения, в первую очередь песенных текстов и текстов, созданных на основе стихотворных переложений или с использованием устно-поэтических мотивов и образов. Здесь речь идет о лексическом, смысловом и ментальном

билингвизме. Смысловой и ментальный билингвизм одинаково присутствует во всех трех видах переводов, лексический билингвизм ярче всего выражен в переводах собственно фольклорных песенных текстов, ибо стих и язык переложённых текстов и созданных с использованием фольклорных мотивов преимущественно авторские, а в переводах песенных текстов — преимущественно фольклорные.

Приведем образцы названных видов переводов. Сказание «Кудадей», входящее в структуру «Масторавы», создано на основе фольклорных мотивов, его текст полностью авторский.

Оригинал:

Сизьгемень сисем иеть Кудадей
Те пандонть лангсо эрясь ризкстэме.
Сизьгемень сисем иеть эрякшнось,
Кемгавксово од полынеть сайнесь.
Кемгавксово од саень полатне
Сизьгемень сисемь цёрат чачтокность,
Сизьгемень сисемь тейтерть кандокшнось [17. С. 136].

Подстрочник

Семьдесят семь лет Кудадей
На этой горе жил без горя.
Семьдесят семь лет он жил,
Взял 18 молодых жён.
18 молодых жён
Родили 77 сыновей,
Родили 77 дочерей...»

Перевод

Семьдесят семь лет мудрый Кудадей
Прожил на горе, зла не ведая.
Семьдесят семь лет прожил на горе –
Восемнадцать дев себе в жены взял.
Восемнадцать жён родили ему
Семьдесят и семь славных сыновей,
Семьдесят и семь милых дочерей [18. С. 130].

В переводе с оригиналом полностью совпадают размер стихов и ритмика. Тексты совпадают по содержанию на 100 процентов, по идентичности слов — на 95–99 процентов, т.е. перевод можно считать удовлетворительным. По поэтическим достоинствам оригинал превосходит перевод, ибо он выразил метафизику эрзянского языка, стиха и поэтического мышления.

Перевод — вторичный продукт художественного творчества, в нем выражено инобытие оригинала, подчиненное требованию оригинала. Он копия оригинала, хотя может быть и в превосходной степени.

Заключительное сказание «Масторавы» «Пижень суро» («Медный рог») написано как дополнение к сказанию «Велень озкс» («Сельское моление»). В нем семь эрзянских старейшин разгадывают судьбу своего народа после его присоединения к Московскому государству. Перед их глазами проходит вся предшествующая история родимой земли с радостными и печальными днями и годами:

Оригинал:

Арсить покштятне, югыть мелест пачк
Раськень масторонтъ эрямо пингтне,
Сельмест икеле несызь сынсть тюсост.
Шкань-шкань зыянонь чама ёжосо
Эрямось сакшнось, нарьгась кежейстэ;
Шкань-шкань ваннось сон кежей пурьгинекс
Ды виев зэртъсэ седейть тандавтнесь [17. С. 485].

Подстрочник

Думают старейшины, воскрешают в их мыслях
Все прошедшие века родной земли,
Видят их лики перед глазами.
Иногда в образе лика зла
Жизнь являлась, жестоко угнетала,
Иногда глядела она как грозный гром
И тяжелыми раскатами сердца пугала...

Перевод

Думают старейшины седые,
Времена былые вспоминают,
Видят лики их перед собою.
Иногда бывала жизнь жесткой,
Приносила горе и страданья;
Иногда как грозный гром гремела
И сердца людские устрасала [18. С. 435].

В этом отрывке текст оригинала и текст перевода буквально не совпадают, смысл же их идентичен. Идентично мироощущение и психологическое состояние старейшин. Поэтика и эстетика текстов тоже очень близки, но художественности все же больше в оригинале. Но дело здесь

не в качестве перевода, а в особенностях эрзянского языка: он образнее, метафоричнее, морфологически свободнее и мобильнее, что присуще всем древним языкам. Русский язык как таковой сформировался в VIII–XVII вв., а в современном виде — в XVIII–XXI вв., когда значительно изменились его морфология, синтаксис, фонетика, лексика, философия мышления. Это язык периода быстрого течения времени, четко очерченных форм существования, многосторонних лексических контактов, ясно сформулированных логических фигур, сплошной образованности населения, все больше и больше становившегося городским, где поэтическое мироощущение сменялось прагматическим.

Перевод песенных фольклорных текстов осуществлялся с установкой на максимальное соответствие оригиналу, строка в строку, размер в размер, образ в образ, например, в песне «Азравка»:

Оригинал:

Сырнень умарне Азравка,
Ангень кольнезь тейтерь эйде,
Паро кулине кулякшнось,
Инешкипаздо марьякшнось.
Арсесь сон Пазонь вешнеме,
Инешкинъ кудос молеме [17. С. 79].

Подстрочник

Золотое яблочко — Азравка,
Девушка любимая Анге,
Хорошую весть услышала —
Об Инешкипазе услышала,
Задумала она найти Паза (Бога),
Пойти в дом Инешки.

Перевод

Яблочко румяное — Азравка,
Деточка возлюбленная Анге,
Про Инешкипаза услышала,
Весть о нём дошла до её слуха.
И она найти решила Паза,
В дом его явиться захотела [18. С. 66].

Здесь в первой строке слово «золотое» заменено на «румяное», ибо эрзянский язык именно такой оттенок яблока имеет в виду. Во второй строке перевод дан слово в слово, в третьей строке — строчного

совпадения нет, в четвертой — перевод дословный, в пятой и шестой — тоже. Размер и ритм стиха тождественны. Метафизика текста в оригинале сильнее, чем в переводе. Объясняется данное обстоятельство тем, что родной язык содержит необходимые коды для адекватной передачи смысла образов, их национального содержания. Язык перевода, даже если является вторым родным языком для автора, не обладает необходимыми возможностями, поэтому лишь приблизительно передает нюансы, не точно, а по подобию.

Описанный принцип авторского перевода осуществлен применительно ко всему тексту эпоса «Масторава». Считаем, что перевод выполнен удовлетворительно. Очевидно, что при повторном переводе, сделанном тем же переводчиком, текст перевода имел бы значительные отличия от нынешнего варианта. А если бы перевод осуществил другой поэт, его версия, по-видимому, имела бы существенные отличия.

Заключение

Поэт-билингв, одинаково свободно пишущий на двух языках, осознает разницу при сочинении прозаических и поэтических произведений, она становится тем более очевидной при переводе. Существует утверждение, что не следует читать стихи как прозу, ибо поэзия — не информация. Информация стихотворения заключена в его мелодии. Справедливая сама по себе мысль не может быть применена к поэтическому эпосу, ибо в нем ценна не только музыкальность слова, но и смысловая, содержательная его составляющая. Поэт-билингв, переводящий свой собственный текст, находится в более сложной ситуации, чем поэт, делающий перевод по подстрочнику. Ибо первый не просто «соперничает» с самим собой, а, слыша музыку обоих языков, стремится согласовать ее, сделать адекватным ее звучание в пространствах этих языков. Кроме того, перед ним стоит задача — синхронизировать работу образных и смысловых рядов, сохранив при этом аутентичность эрзянских мифологических и фольклорных образов, переместить их в пространство русских образов и смыслов, мгновенно начинающих проявляться с первыми звуками русского слова, и устроить все так, чтобы национальное сохранило свою уникальность. Переводчику-билингву эта работа дается с большими усилиями именно потому, что он слышит и чувствует оба языка, осознает нюансы значений и смысловых оттенков, в то время как переводчик по подстрочнику существует в звуковом и смысловом пространствах только одного языка и не видит деталей. Перевод текста художественного произведения осложняется его метафорической образностью, допускающей разнообразие восприятий и отсюда — сложность передачи ее смысла, предполагаемого автором. Однако качественный перевод

трансплантирует произведение из одного языка в другой язык, из одной литературы — в другую литературу, расширяя таким образом сферу его существования.

Список литературы

1. *Колыхалова О.А.* Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1999.
2. *Бутина Р.М.* К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971.
3. *Коновалова Е.А.* Проблема определения билингвизма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63) № 1. Ч. 1. С. 263–271.
4. *Валуицева И.И., Хухуни Г.Т.* Литературный билингвизм: за и против // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 298–299.
5. *Чайковский Р.Р.* Поэтический перевод в зеркале мнений. Магадан: Кордис, 2007.
6. *Дзапарова Е.Б.* К вопросу о типах художественного билингвизма в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4 ч. Ч. 3. С. 110–114.
7. *Хованская Е.С., Праченко О.В.* Авторский перевод. Причины обращения // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 99 (05). С. 1–13.
8. *Резунова И.А.* Автоперевод как средство взаимосвязи и взаимообогащения национальных литератур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60): в 3 ч. Ч. 1. С. 150–152.
9. *Финкель А.М.* Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л.: Наука, 1962. С. 12–15.
10. *Чанкаева Л.Р.* Русскоязычная поэзия Ю. Созарукова: сохранение национального колорита // Традиции, обычаи и нравы народов России: в 2 т. СПб.: Лема, 2010. Т. 2. С. 384–388.
11. *Фролов В.И.* Автоперевод романа В.В. Набокова «Лолита» // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 10 (749). С. 38–49.
12. *Шаронова Е.А., Ингл О.П.* «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава»: эпико-исторический диалог. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017.
13. *Арзамазов А.А.* Художник, создавший эпос. Отзыв на эпос «Масторава» А.М. Шаронова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 3. С. 557–559. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559>
14. *Гагаев А.А., Гагаев П.А., Бочкарева О.В.* Философия эрзянского эпоса «Масторава» А.М. Шаронова // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 88–90.
15. *Кудрявцева Р.А., Кузнецова М.Н.* Мордовский эпос «Масторава» А. Шаронова (к вопросу о типологических чертах книжной формы эпоса финно-угорских народов) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 479–488. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488>
16. *Миничкина В.П., Руськина Е.С.* Эпос как фактор формирования этнической идентичности личности (на примере республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 1. С. 93–106. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106>
17. *Масторава: Кемгавксово ёвтамот эрзянь ды мокшонь раськетнеде / Эрзянь ды мокшонь кезэрень пингень мифтнень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс сёрмадызе А.М. Шаронов [Масторава: Восемнадцать сказаний о народах эрзя и мокша/ На основе эрзянских и мокшанских древних эпических песен и мифов написал А.М. Шаронов]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994.*
18. *Шаронов А.М.* Масторава. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019.

References

1. Kolyhalova, O.A. 1999. "Sociocultural and philosophical aspects of bilingualism": Doctoral Thesis. Moscow, 44 p. Print. (In Russ.).
2. Butina, P.M. 1971. "On the Problem of Language Contacts (Based on Turkic Lexical Elements in English)": Candidate Thesis. Almaty, 26 p. Print. (In Russ.).
3. Konovalova, E.A. 2011. "The problem of definition of bilingualism". *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Social'nye kommunikacii"* 24 (63): 263–271. Print. (In Russ.).
4. Valuitseva, I.I., and G.T. Khukhuni G.T. 2015. "Literary Bilingualism: Pro and Contra". *Bulletin of Peoples' Friendship University o Russia: Problems of Education: Language and Speciality 5*: 298–299. Print. (In Russ.).
5. Chajkovskij, R.R. 2007. *Poetic translation in the mirror of opinions*. Magadan: Kordis publ. Print. (In Russ.).
6. Dzaparova, E.B. 2017. "On the types of literary bilingualism in Ossetian literature". *Philology. Theory & Practice 12 (78)*: 110–114. Print. (In Russ.).
7. Hovanskaya, E.S., and O.V. Prachenko. 2014. "Author's translation. Reasons for the appeal". *Scientific Journal of KubSAU 99 (05)*: 1–13. Print. (In Russ.).
8. Rezunova, I.A. 2016. "Auto-translation as a means of interconnection and mutual enrichment of national literatures". *Philology. Theory & Practice 6 (60)*: 150–152. Print. (In Russ.).
9. Finkel', A.M. 1962. "On auto-translation". In *Translation Theory and Critics*. Leningrad: Nauka publ. Pp. 12–15. Print. (In Russ.).
10. Chankaeva, L.R. 2010. "Russian-language poetry of Y. Sozarukov: preservation of national specifics". In *Tradicii, obychai i nrvy narodov Rossii: in 2 vol.* Saint Petersburg: Lema publ. Vol. 2. Pp. 384–388. Print. (In Russ.).
11. Frolov, V.I. 2016. "Self-Translation of V. Nabokov's "Lolita"". *Vestnik MGLU 10 (749)*: 38–49. Print. (In Russ.).
12. Sharonova, E.A., and O.P. Ingl. 2017. "Kalevala", "Kalevipoeq", "Mastorava": epic-historical dialogue. Saransk: Mordovian university publ. Print. (In Russ.).
13. Arzamazov, A.A. 2020. "The Literary Artist Who Created the Epic. Review On the Epic "Mastorava" by A.M. Sharonov". *Yearbook of Finno-Ugric Studies 14 (3)*: 557–559. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559>
14. Gagaev, A.A., P.A. Gagaev, and Bochkareva O.V. 2014. "Philosophy of the Erzya epic "Mastorava" by A.M. Sharonov". *Nauka i kul'tura Rossii 1*: 88–90. Print. (In Russ.).
15. Kudryavceva, R.A., and M.N. Kuznecova. 2020. "The Mordovian epos 'Mastorava' by A. Sharonov (to the issue about typological features of book form of epos of the Finno-Ugric peoples)". *Bulletin of Ugric Studies 10 (3)*: 479–488. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488>
16. Minichkina, V.P., and E.S. Rus'kina. 2019. "Epos as a factor of formation of ethnic identity of a personality (on the example of Republic of Mordovia)". *Finno-Ugric World 11 (1)*: 93–106. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106>
17. *Mastorava: Kemgavksovo yovtamot erzyan' dy mokshon' ras'ketnede [Mastorava: Eighteen Tales of the Erzya and Moksha Peoples]*. 1994. A.M. Sharonov wrote on the basis of Erzya and Moksha ancient epic songs and myths. Saransk: Mordov publ. (In Erzian.)
18. Sharonov, A.M. 2019. *Mastorava*. Saransk: Mordovian university publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, отдел мониторинга социальных процессов. E-mail: sharon.ov@mail.ru

eLibrary SPIN-code: 5550–5047, AuthorID: 644935

ORCID: 0000-0002-2724-3112

Шаронова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: sharon.ov@mail.ru
eLibrary SPIN-code: 4820–3264, AuthorID: 478323
ORCID: 0000-0003-0221-4427

Bio Notes:

Alexander M. Sharonov is a Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Department for Monitoring Social Processes. E-mail: sharon.ov@mail.ru
eLibrary SPIN-code: 5550–5047, AuthorID: 644935
ORCID: 0000-0002-2724-3112

Elena A. Sharonova is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Mordovian State University of N.P. Ogaryov. E-mail: sharon.ov@mail.ru
eLibrary SPIN-code: 4820–3264, AuthorID: 478323
ORCID: 0000-0003-0221-4427

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-312-321

EDN: LDLSMU

Научная статья

Как писать истории национальных литератур?

М.И. Ибрагимов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20
✉ mibragimov1000@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — проблематизировать вопрос о теоретико-методологических основаниях написания историй литератур народов России. Основные задачи: обобщить существующий опыт по созданию историй национальных литератур (преимущественно на материале литератур Поволжья); представить концепцию русскоязычной «Истории татарской литературы». В ситуации дефицита внимания к национальным литературам России востребованными являются различные типы историй национальных литератур: академические, популярные, учебные. За основу концепции академической пятитомной «Истории татарской литературы» (проект реализуется в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан) предлагается взять идею Д.С. Лихачёва о теоретической истории литературы. Вместе с тем данная концепция нуждается в корректировке с учетом «горизонта ожидания» русскоязычного читателя, мало знакомого с татарской литературой.

Ключевые слова: история литературы, национальные литературы, татарская литература, дискуссия

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Ибрагимов М.И.* Как писать истории национальных литератур? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 312–321. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>

© Ибрагимов М.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

How to Write the Histories of National Literatures?

Marcel I. Ibraghimov

G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
20 Baumana st., Kazan, 420111, Russian Federation
✉ mibraghimov1000@mail.ru

Abstract. The aim of the paper is to accentuate the problem of theoretical-and-methodological basis for writing the histories of national literatures of peoples of Russia. The main objectives imply the generalization of the experience on national literatures' histories writing, mainly on the material of the Volga Region literatures) and to represent the concept of "The History of Tatar Literature" in Russian. Because of the lack of attention to national literatures in Russia various types of histories of national literatures such as academic, popular, educational, are in demand. The D.S. Likhachyov' idea of theoretical history of literature is chosen as a concept for academic five-volume "History of Tatar Literature" (the project is being realized by the G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). At the same time the concept is to be corrected according to the so-called "expectation horizon" of a Russian reader, not being aware of Tatar literature well enough.

Key words: history of literature, national literatures, Tatar literature, discussion

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Ibraghimov, M.I. 2022. "How to Write the Histories of National Literatures?" *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 312–321. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>

Введение

Развернувшаяся в начале века на страницах центральной литературной печати дискуссия о кризисе жанра истории литературы по времени совпала с начавшимся во многих республиках написанием новых историй национальных литератур. Процесс этот сопровождался рефлексиями по поводу их теоретико-методологических оснований. Отправной точкой этих рефлексий был отказ от методологии советских историй, основывавшихся на ленинской теории о трех этапах национально-освободительного движения в России. Впрочем, ученые из разных республик, работая над концепциями историй национальных литератур, не отрицали огульно опыта предшественников. Так, В.Г. Родионов, автор концепции трехтомной «Истории чувашской литературы», пишет о значимости реализовывавшегося в ИМЛИ под руководством Р.Ф. Юсуфова проекта «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода», в котором, по словам ученого, развивались

традиции Д.С. Лихачёва в области создания теоретической истории литературы [1. С. 6–7].

Реализация проектов новых историй национальных литератур в первую очередь была обусловлена стремлением преодолеть сложившийся в советский период «патернализм, связанный с признанием превосходства одной литературы над другими» [2. С. 258]. В этой связи у ученых возникает потребность пересмотреть само понятие «национальная литература». С одной стороны, высказываются суждения о его неактуальности в современной ситуации интернационализации литературного творчества: «Современный писатель — нередко носитель полиэтнических культурных ценностей, человек мира, пишущий для читателей многих стран (Э. Хемингуей, Г. Миллер и др.), живущий поочередно в разных культурных координатах и не мыслящий себя в прокрустовом ложе какой-то одной этнической или эстетической системы» [3. С. 56]. С другой стороны, говорят о «метаморфозах содержания» и о новых смыслах, обусловленных современными реалиями: «Словосочетание „национальная литература“ имеет сравнительно долгую историю своего употребления в научном языке. Его содержание, установленное в советское время, было достаточно ясным и настолько устойчивым, что постепенно отставало от того, что происходило в реальной жизни. Но теперь оно получило новые импульсы в своем семантическом развертывании, стало сложным и противоречивым. Одновременно в нем обозначились симптомы кризиса. Появились серьезные „за“ и „против“ его права на существование в научном языке» [2. С. 259].

Цель исследования — на примере реализуемого в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан проекта по написанию пятитомной «Истории татарской литературы» (на русском языке) проблематизировать вопрос о теоретико-методологических основаниях построения историй национальных литератур.

Обсуждение

Одной из реакций на кризис в изучении национальных литератур стал «этнокультурный поворот», приведший, по словам К. Султанова, к становлению «статической модели описания национальной литературы», когда собственно эстетические критерии, соотносимые с полнотой и целостностью художественного текста, оказываются на периферии его анализа [4. С. 16]. Применительно к реализуемым проектам историй национальных литератур этот «этнокультурный поворот» выразился в стремлении создать этноцентристские историко-литературные нарративы. Показательна в этом плане концепция, лежащая в основе новой десяти томной «Истории азербайджанской литературы», «...так как в предыдущих изданиях, — написано в русскоязычной аннотации к первому тому, — исследования велись с учетом

идеологических принципов, вытекающих из требований существующей политической системы, в представляемом проекте считаем целесообразным представить читателям этапы развития истории азербайджанской литературы в свете государственной независимости» [5. С. 1057]. Автор реализуемой в десятитомнике концепции периодизации азербайджанской литературы академик Иса Габиббейли главным принципом периодизации многовековой азербайджанской литературы называет «идею азербайджанства» [6. С. 8]. По сути, здесь предлагается иной (этноцентричный) вариант идеологической истории, основывающийся на идеологеме «азербайджанство».

Этноцентризм положен в основу реализованного в Институте языка, литературы и искусства им Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан проекта восьмитомной «Истории татарской литературы». В теоретико-методологическом введении в первом томе профессор Д.Ф. Загидуллина пишет, что в его основу положена категория «дух нации», который проявляется на всех этапах историко-литературного процесса [7. С. 5]. Эта категория в широком временном диапазоне восходит к романтизму. «Со времен зарождения новой романтической историографии, — пишет В. Земсков, — и одновременно истории литературы, в том числе, и в последующем, во времена попыток найти цивилизационные основания, пройдя позитивизм, историко-культурную школу и т.д., наше сознание вплоть до пост-структуралистского „вызова“ оставалось незамутненным. Разные „духи“ — „дух народа“, „дух нации“, „дух империи“, „дух класса“, „дух цивилизации“, „дух этноса“ — определяли характер центризма и, соответственно, рассказывания / нарратива в историографических, историко-литературных, потом — цивилизационных построениях» [8. С. 80]. С другой стороны, как показывает монография Д.Ф. Загидуллиной, посвященная становлению теории литературы у татар в начале XX в., в этот период в творчестве целого ряда татарских критиков и литературоведов (Г. Ибрагимова, Дж. Валиди, Г. Губайдуллина, Г. Баттала) формируется представление о художественном творчестве как проявлении духа нации [9. С. 202–243].

Этноцентризм как основа историй национальных литератур в той или иной степени характерен и для большинства других реализованных в последние два десятилетия в Поволжье проектов [10; 11].

В настоящее время в ИЯЛИ им Г. Ибрагимова АН РТ начата работа над проектом пятитомной «Истории татарской литературы» («Истории...») на русском языке. Создание многотомной русскоязычной «Истории...» обусловлено, в первую очередь, стремлением сформировать у незнакомого с татарской литературой читателя целостное представление о ней в ее историческом развитии. Это первый опыт подобного рода. До этого времени отдельными изданиями вышли «Средневековая татарская литература (VIII — XVIII вв.)» [12] и «История татарской литературы Нового времени (XIX — начало XX вв.)» [13]. Новое издание концептуально должно отличаться

как от указанных работ, так и от восьмитомной татароязычной «Истории татарской литературы». Необходимо учитывать иной «горизонт ожидания» русскоязычного читателя, малознакомого с татарской литературой. В этой связи представляется проблематичным взять за основу идею Д.С. Лихачёва о теоретической истории литературы, учитывая, что последняя предполагает некоторый необходимый уровень знаний, сведений и некоторую начитанность по национальной литературе, позволяющие представлять лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения [14]. Плодотворным представляется соединение принципов теоретической истории литературы и традиционной, в которой будет освещаться творчество знаковых в татарской литературе поэтов и писателей.

В теоретической части предполагается проблематизирующее изложение вопросов, релевантных отдельным историко-литературным периодам. Историю литературы трудно рассматривать изолированно от процессов культурного развития татарской нации, ее истории. Поэтому уместной представляется актуализация культурно-исторического контекста. Например, в качестве отдельного нарратива в «Историю...» может быть включена статья о роли татарских медресе в развитии литературы, ее институционализации. (В этом плане заслуживает внимания опыт чувашских коллег: в описании литературного процесса начала XX в. значительное внимание уделяется роли Симбирской чувашской учительской школы, в которой учились выдающиеся деятели чувашской литературы: Г. Комиссаров (Вандер), К. Иванов, Г. Кореньков.)

Дискуссионным в татарском литературоведении продолжает оставаться вопрос о жанрах татарской литературы. Если канонические жанры средневековой татарской литературы достаточно хорошо систематизированы и изучены [15], то относительно неканонических жанров такого сказать нельзя [16; 17].

Традиционные для жанра «Истории...» вопросы о литературных направлениях и течениях также должны излагаться в проблемном виде. Например, модернизм в татарской литературе начала XX в. можно представить в контексте проблемы смены картин мира в литературе указанного периода [18; 19]. Описание соцреализма в татарской литературе будет интересным для русскоязычного читателя при актуализации вопроса о соцреалистическом каноне и национальных традициях.

Еще одной теоретически продуктивной идеей в новой «Истории...» может стать «множественность литератур» (термин Я. Сафиуллина). Это понятие, восходящее к идеям Гердера о равноценности всех языков и культур и, следовательно, о множественности культурных миров и одновременности разных смыслов, позволяет устанавливать отличия явлений в истории татарской литературы от явлений в русской и европейской литератур, а также

литератур народов Поволжья. В отличие от прежних, написанных в советский период «Историй», в которых межлитературный контекст актуализировался с опорой на понятие «взаимообогащение», в новом проекте за основу предпочтительнее взять понятие «диалог», понимаемый как порождающее новые смыслы столкновение различий участвующих в диалоге литератур [20].

Таковы в общих чертах теоретические основы новой «Истории...». Подчеркнем, что речь на данном этапе идет о концепции проекта, которая в ходе работы над ним может претерпевать изменения.

Относительно кратких очерков творчества татарских поэтов и писателей (эти очерки, согласно концепции, должны составлять вторую часть каждого тома) существует мнение, что они должны быть построены не как последовательный нарратив о жизни и творчестве (традиционный для большинства «Историй» подход), а как проблемный анализ художественного творчества. Приведем несколько примеров возможных названий таких очерков: «Хасан Туфан: от поэтического авангарда к традиционной поэтике»; «Поэтический авангард в поэзии 1920-х гг.: Х. Такташ, К. Наджми, А. Кутуй»; «Открытия психологизма в прозе А. Еники и А. Гилязова»; «Мифологизм в современной татарской прозе: Н. Гиматдинова, Г. Гильманов, Ф. Байрамова» и др.

В восьмитомную «Историю татарской литературы» отдельно была включена статья о творчестве русскоязычных писателей Татарстана (автор И. Еникеев). Литературная идентичность таких поэтов и писателей (Р. Бухараев, А. Кутуй, А. Сахибзадинов, И. Абузяров, Г. Яхина) — один из дискуссионных в современном литературоведении вопросов. Суть развернувшейся дискуссии состоит в том, насколько обоснованно рассмотрение творчества этих писателей как феноменов татарской литературы. Интересным представляется и вопрос о литературном билингвизме. В татарской литературе это явление не получило распространения. Возможно, причина этого состоит в том, что «творчество на неродном языке — огромный риск для художника слова»: писатель, отваживающийся на языковой переход, оказывается «чрезвычайно уязвимым, открытым для интенсивной критики, неприятия как в своей, так и в новоприобретенной лингвокультурной среде» [21. С. 227]. Впрочем, и в других литературах Поволжья, по всей вероятности, наблюдается такая же ситуация. «Переход с родного языка на русский, — пишет А. Арзамазов, — нечастое явление в литературах народов Поволжья и Урала. Для большинства писателей принципиально важно творить, заявлять о себе именно на родном языке, тем самым поддерживая полнокровную связь со своим народом, исходной традицией. Отказ от родного языка может расцениваться и как измена, предательство этнических интересов» [21. С. 227].

Творчество русскоязычных татарских писателей может быть рассмотрено в контексте феномена культурного пограничья. Несмотря на то, что татарский язык не стал для них языком творчества, национальное присутствует

в их произведениях в виде образов, тем, мотивов, культурных кодов. «Мне всегда было привычно жить на границе культур. Да и все мы в Казани живем, так или иначе, на границе. В городе есть церкви и мечети, мы говорим на татарском и на русском языках. Когда в мою жизнь вошли немецкий язык и культура, это тоже было органично: в детстве у меня был дедушка, который читал немецкие стихи, потом я сама поехала жить в Германию, и этот язык и культура тоже стали частью меня. Мне комфортно чувствовать себя на границе разных культур, это обогащает», — говорит в одном из интервью Г. Яхина¹. Впрочем, понятие «литература культурного пограничья» применимо не только к творчеству русскоязычных писателей Татарстана. Оно, в частности, продуктивно при изучении творчества поэта-просветителя XIX в. М. Акмуллы (1831–1895). Его идентичность формировалась на пересечении трех культур: татарской, башкирской, казахской. «Акмулла, — пишет по этому поводу известный татарский ученый М. Усманов, — помимо классической тюрко-татарской литературы, впитал казахскую народную поэзию, формировался и на основе школы степных поэтов. Он — неповторимый поэт, соединивший в своем творчестве эти два начала» [22]. В этой связи его творчество рассматривается как общее наследие трех литератур: татарской, казахской и башкирской.

Заключение

Вопрос о том, как писать истории национальных литератур, является дискуссионным. Представленная в этой статье концепция русскоязычной «Истории татарской литературы» должна рассматриваться как приглашение к дискуссии. Существующий у разных народов опыт написания историй национальных литератур свидетельствует о различных подходах к этому жанру. Это благоприятный для его развития фактор: наряду с академическими многотомными «Историями», востребованными представляются популярные, учебные «Истории». В ситуации дефицита внимания к национальным литературам в общероссийском литературном пространстве реализация таких проектов представляется особенно значимой: все вместе они способствуют формированию у русскоязычного читателя представления о множественности российских литератур.

Список литературы

1. Родионов В.Г. История чувашской литературы XX века (Концепция). Чебоксары, 2011.
2. Сафиуллин Я.Г. Понятие «национальная литература»: метаморфозы содержания // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 252–279.

¹ <http://tatcenter.ru/rubrics/lyudi-nashej-respubliki/guzel-yahina-quot-ya-ispytyvayu-chuvstvo-viny-po-otnosheniyu-k-istoriyam-kotorye-ne-napisany-do-kontsa-quot>

3. *Васильев Н.Л.* Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты: материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 53–59.
4. *Султанов К.К.* К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России // *СТЕРНАНОС*. 2015. № 2. С. 10–19.
5. *Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. On cild, I cild. Şifahi xalq ədəbiyyatı* [История азербайджанской литературы: в 10 т. Т. 1. Фольклор]. Bakı, Elm, 2018.
6. *Габиббейли И.* Концепция периодизации азербайджанской литературы и этапы развития // Литература, время, современность. М.: Художественная литература, 2020. С. 7–10.
7. *Заһидуллина Д.Ф.* “Татар әдәбияты тарихы”ның тулыландырылган сигезтомлыгы турында [О дополненном восьмитомнике «Истории татарской литературы»] // Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 1. Б. 5–16.
8. *Земсков В.* История литературы как жанр. От истоков к истокам? // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 64–95.
9. *Заһидуллина Д.Ф.* Әдәбият кануннары һәм заман [Законы литературы и время]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2000.
10. История чувашской литературы XX века. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2017.
11. Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития: учеб. пособие. Ижевск, 1999. 121 с.
12. Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). Казань: Фэн, 1999.
13. История татарской литературы Нового времени (XIX — начало XX в.). Казань, 2003.
14. *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили // Лихачёв Д.С. Избранные работы: в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 24–260.
15. *Шарипов А.М.* Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII–XIV вв.): монография. Казань, 2001.
16. *Аmineva B.P.* Хикая как литературный жанр (на материале произведений А. Еники 1940–1960-х годов) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 1. С. 7–25.
17. *Хабибуллина А.З.* Элегия. Элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования. Казань: Школа, 2021.
18. *Заһидуллина Д.Ф.* Модернизм һәм XX йөз татар прозасы [Модернизм и татарская проза начала XX века]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2003.
19. *Заһидуллина Д.Ф.* Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи эсәрләр [Смена картины мира: философские произведения в татарской литературе начала XX века]. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.
20. *Сафиуллин Я.Г.* Из словаря «Теория литературы» // От романтизма к сопоставлению литератур. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 194–203.
21. *Арзамазов А.А.* Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения: монография. Казань: Изд-во АН РТ, 2022.
22. *Госманов М.* Мифтахетдин Акмуллань ижаты һәм мирасы [Творчество и наследие Мифтахетдина Акмуллы] // Миркасыём Госманов: тарихи-биографик, фәнни-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2014. С. 220–253.

References

1. Rodionov, V. 2011. History of the Chuvash literature of the XX century (Concept). Cheboksary. Print. (In Russ.).
2. Safiullin, Ya.G. 2021. “The concept of “national literature”: metamorphoses of content”. In From Romanticism to Comparison of Literatures. Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.).

3. Vasilyev, N.L. 2003. “Historicism and Relativity of the Concept ‘National Literature’”. In *Comparative Literature: Theoretical and Historical Aspects: Proceedings of the International Scientific Conference “Comparative Literature” (V Pospel Readings)*. Moscow: Moscow University publ. Print. Pp. 53–59. (In Russ.).
4. Sultanov, K. 2015. “About the ‘ethno-cultural turning-point’ in the study of the literature of peoples of Russia”. *STEPHANOS* 2: 10–19. Print. (In Russ.).
5. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. On cildə, I cild. Şifahi xalq ədəbiyyatı. [History of Azerbaijani literature: in 10 vol. Vol. 1. Folklore]. 2018. Baku: Elm publ. Print. (In Azerbaijan).
6. Gabibbejli, I. 2020. “The concept of periodization of Azerbaijani literature and stages of development”. In *Literature, time, modernity*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ. Print. (In Russ.).
7. Zagidullina, D. 2021. “Tatar ədəbiyatı tarixi”нун tulylandyrylgan sigeztomlygy turynda” [About the supplemented eight-volume “History of Tatar Literature”]. In: *Tatar ədəbiyatı tarixi* [History of Tatar Literature: in 8 volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatar Book publ. Print. P. 5–16. (In Tatar).
8. Zemskov, V. 2014 “The history of literature as a genre. From origins to origins?” In *Issues of studying the history of national literatures. Theory. Methodology. Modern Aspects*. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences publ. Pp. 64–95. Print. (In Russ.).
9. Zagidullina, D.F. 2000. *Ədəbiyat kanunnary həm zaman* [The laws of literature and time]. Kazan: Tatar Book publ. Print. (In Tatar).
10. *History of the Chuvash literature of the XX century*. 2017. Cheboksary: Chuvash publ. Print. (In Russ.).
11. *Udmurt Literature of the 20th Century: Directions and Trends in Development: Textbook*. 1999. Izhevsk: Udmurt State University publ. Print. (In Russ.).
12. *Medieval Tatar literature (VIII — XVIII centuries)*. 1999. Kazan: Fen publ. Print. (In Russ.).
13. *History of the Tatar literature of modern times (XIX — early XX century)*. 2003. Kazan: Fiker publ. Print. (In Russ.).
14. Likhachev, D.S. 1987. *Selected Works*. Moscow. Print. (In Russ.).
15. Sharipov, A.M. 2001. *The origin and formation of the system of poetic genres in ancient Turkic and Turkic-Tatar literature (VIII-XIV centuries)*. Kazan: Kazan University Press publ. Print. (In Russ.).
16. Amineva, V.R. 2017. “Hikaya as a Literary Genre (based on A. Eniki’s Literary Works of the 1940s–1960s)”. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 159: 7–25. Print. (In Russ.).
17. Habibullina, A. 2021. *Elegy. Elegiac, Elegism in Russian and Tatar Poetry: Criteria for a Comparative Study*. Kazan: Shkola publ. Print. (In Russ.).
18. Zagidullina, D.F. 2003. *Modernizm həm XX jöz tatar prozasy* [Modernism and Tatar prose of the early 20th century]. Kazan: Tatar Book publ. Print. (In Tatar).
19. Zagidullina, D.F. 2006. *Dən’ya surəte yzğəry: XX jöz bashy tatar ədəbiyatında fəlsəfi əsərlər* [Changing the picture of the world: philosophical works in Tatar literature at the beginning of the 20th century]. Kazan: Məgarif publ. (In Tatar)
20. Safiullin, Ya.G. 2021. “From ‘Theory of Literature’ Dictionary”. In Safiullin, Ya.G. *From Romanticism to Comparison of Literatures*. Kazan: IYALI publ. Print. (In Russ.).
21. Arzamazov, A. 2022. *Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience: monograph*. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ. Print. (In Russ.).
22. Gosmanov, M. 2014. “Miftahetdin Aknullanyn ijayatı həm mirasy” [Creativity and heritage of Miftahetdin Aknulla]. In *Mirkasyjm Gosmanov: tarihi-biografik, fənni-dokumental’ juyentyk* [Mirkasym Usmanov: historical-biographical, scientific-documentary collection]. Kazan: Djien publ. Print. (In Tatar).

Сведения об авторе:

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. E-mail: mibraghimov1000@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-7805-3167
eLibrary SPIN-code: 4217-6864

Bio Note:

Marcel I. Ibraghimov is an Associate Professor, PhD in Philology, Senior Researcher of Literary Studies Department of G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: mibraghimov1000@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-7805-3167
eLibrary SPIN-code: 4217-6864

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-322-333

EDN: LEEEGT

Научная статья

«Озын шигырь» в современной татарской поэзии

Д.Ф. Загидуллина

Академия наук Республики Татарстан,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, 20

✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Рассматривается самая активная форма современной татарской поэзии — «озын шигырь». Отмечается, что данная форма не идентична «длинному стихотворению», она имеет восточные корни. В татарской литературе «озын шигырь» со своими уникальными тематико-эстетическими особенностями сформировался в 1920–1930-е гг. — в эпоху экспериментов по созданию «новой поэзии революционного времени». Выявленные особенности «озын шигырь» данного периода являются контекстным фоном для изучения функционирования данной формы в современной татарской поэзии. В центре внимания — творчество молодой поэтессы Лилии Гибадуллиной, автора трех стихотворных сборников. В ее творчестве «озын шигырь» занимает ведущее место, анализ ее наиболее известных современному татарскому читателю стихотворений позволяет определить структурные, образно-мотивные особенности, эстетические установки, художественные предпочтения формы. Так, в «озын шигырь» Л. Гибадуллиной главное место занимают экзистенциально-оценочные мотивы. Лирическая героиня разбирает события своей жизни, а повторяющиеся символы или символические образы превращают их в историю народа, страны, человечества вообще. Среди выявленных приемов важными являются мерцание мотивов и интертекстуальный диалог, при помощи которых создается множественность контекстов и смыслов. Таким образом, установлено, что «озын шигырь» в современной татарской поэзии имеет свои особенности, возникающие в диалоге с традициями татарской поэзии и делающие его форму отличной от «длинного стихотворения».

Ключевые слова: татарская поэзия, озын шигырь, мерцание мотивов, интертекстуальность, эвфония, психологический параллелизм, символ, Л. Гибадуллина

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. «Озын шигырь» в современной татарской поэзии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 322–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333>

© Загидуллина Д.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Ozyn shigyr” in Modern Tatar Poetry

Daniya F. Zagidullina

Tatarstan Academy of Sciences
20, Bauman St., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
✉ zagik63@mail.ru

Abstract. The article for the first time considers the most active form of modern Tatar poetry — “ozyn shigyr”. It is noted that this form is not identical to the “long poem”, it has oriental roots. In Tatar literature, “ozyn shigyr” with its unique thematic and aesthetic features was formed in the 1920s and 1930s in the era of experiments to create “new poetry of the revolutionary time”. The revealed features of the genre “ozyn shigyr” of this period are a contextual background for studying the functioning of this form in modern Tatar poetry. The focus is on the work of the young poet Lilia Gibadullina, the author of three poetry collections. In her work, “ozyn shigyr” occupies a leading place, the analysis of her most famous poems to the modern Tatar reader allows us to determine the structural, figurative and motivational features, aesthetic attitudes, artistic preferences of the genre. So, in “ozyn shigyr” by L. Gibadullina, the main place is occupied by existential-evaluative motives. The lyrical heroine analyzes the events of her life, and repeated symbols or symbolic images turn them into the history of the people, the country, humanity in general. Among the identified techniques, the flickering of motives and intertextual dialogue are important, with the help of which a multiplicity of contexts and meanings is created. Thus, it is established that the genre of “ozyn shigyr” in modern Tatar poetry has its own characteristics that arise in dialogue with the traditions of Tatar poetry and make its form different from the “long poem”.

Key words: Tatar poetry, ozyn shigyr, shimmering motifs, intertextuality, euphony, psychological parallelism, symbol, L. Gibadullina

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Zagidullina, D.F. 2023. “‘Ozyn shigyr’ in Modern Tatar Poetry”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 322–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333>

Введение

Понятие «озын шигыр» (букв. длинное стихотворение) в литературоведении обозначает литературный жанр, включающий в себя стихотворения значительной длины. Необходимо отметить, что исследование таких стихотворений как самостоятельного жанра началось в англоязычном литературоведении. Пытаясь разделить поэму, длинное стихотворение и цикл стихов на материале англоязычной поэзии, исследовательница Линн Келлер уязвила его появление с началом XX в., с творчеством модернистов, отметив, что такая форма позволила включить в поэтический текст социологический,

исторический материал, став средством коллективного самовыражения. Хотя в ее работе «Расширяя границы жанра и пола: женские длинные стихи как формы расширения» [1] на самом деле идентификация жанра или формы не произошла, тем не менее представленные размышления вызвали интерес к явлению.

На сегодняшний день все еще не определены характеристики, позволяющие отнести «длинное стихотворение» к самостоятельному жанру. Одна только длина текста — формальная сторона произведения — не может являться основанием для идентификации жанра. Многие исследователи в качестве характерных черт «длинного стихотворения» называют более полное представление изображаемой картины и раскрытие темы, формирование глубокого смысла, многоголосье, вплоть до включения диалога, цитирования других форм искусства и т.д. Однако эти свойства присущи и другим жанрам этого плана: циклам стихов, поэмам, балладам.

По нашему мнению, любая жанровая форма в национальной литературе имеет свои особенности, связанные с поэтическими традициями, законами стихосложения, фонетическими или мировоззренческими особенностями и т.д. Поэтому относительно татарской поэзии мы склонны применять термин «озын шигырь». В тюрко-татарском фольклоре существуют созвучные термины «озын көй» и «озын жыр». Термины переводятся как «протяжная песня», которая является жанром татарского народного песенного искусства. Известно, что этот мелодический стиль встречается в музыкальном фольклоре практически всех тюркских и монгольских народов, поэтому его иногда называют формой степей. Впервые это явление было зафиксировано Н.Ф. Катановым в 1893 г. [2. С. 89]. По нашему мнению, традиции «елаусыктау» (музыкальная часть обряда прощания и поминовения умерших), а также «эйтеш» (импровизированное состязание двух акынов), ставшие основой формирования «озын көй», послужили катализатором для появления в татарской поэзии «озын шигырь». В пользу такого утверждения говорит и тот факт, что первыми «длинными стихотворениями» стали марсии¹ «Дамелла Шиһабеддин хэзрэтнең мэрсиясе» («Посвящение дамелле Шигабеддин хазрету», 1899) М. Акмуллы, марсии, вошедшие в сборник Г. Чоккрыя «Әгълам эл-һади» («Сведения о видных личностях», 1883) и т.д.

В конце XIX в. в татарской поэзии началась трансформация жанровой системы, которая привела в начале XX в. к смене канонических жанров неканоническими. Однако в это время в татарском литературоведении или критике еще не было термина «озын шигырь». Между тем страницы открывшихся на волне демократических перемен 1905 г. татарских газет и журналов заполнили образцы творчества молодых начинающих поэтов, многие из которых по количеству строк превосходили понятие стихотворения. Неумение

¹ Марсия — элегическое стихотворение, посвященное умершему.

обобщать, вынужденный уход в публицистику или в сюжет, попытка синтезировать просветительские идеи с новыми реалиями и т.д. — все это были явления «переходного периода» [3]. «Ученические» стихотворения «первопроходцев» М. Гафури «Өндәү» («Призыв», 1905), «Мәкъсуд» («Цель», 1907) и др.; Г. Тукая «...Тугды, көн тугар кеби...» («Родился, подобно дню...», 1904), «...Гөл бакчасында» («В саду знаний...», 1905), «Мужик йокысы» («Сон мужика», 1905), «Шигырь» («Стихотворение», 1905) и др., и пришедших вслед за ними на поэтическую арену С. Рамиева, Н. Думава, С. Сунчалая и других молодых поэтов свидетельствуют об этом.

Обсуждение

Становление формы «озын шигырь» в татарской поэзии в 1920–1930-е гг. было связано с модернистскими экспериментами татарских поэтов. Сборник стихов К. Наджми под названием «Өермәләр» («Вихри») [4] включает в себя множество образцов «озын шигырь»: «Чабатаңны кемгә тукыйсың?» («Кому плетешь ты лапти?»), 1922), «Кичү чоры» («Время перемен», 1924), «НЭП чорында Печән базары» («Сенной базар в период НЭПа», 1924) и мн. др.; они построены по единому принципу: хаотичная экспликация множества деталей внешнего мира воссоздает символический образ времени; страшные картины «старого города» сменяются не менее устрашающими картинами «сегодняшней» действительности: огненные отряды угнетенных стремятся разрушить все. В сборнике стихов А. Кутуя «Көннәр йөгәргәндә» («Когда бегут дни») [5] абсолютное большинство текстов («Көннәр йөгәргәндә» («Когда бегут дни»), «20-нче броневик» («20-й броневик»), «Сәрвәр-давыл» («Сарвар-ураган»), «Жан сатам» («Продаю душу»)) может быть обозначено как «озын шигырь». В стремлении выразить эмоции и мироощущения, «наивную философию» молодого «механического» поколения, сформировавшегося в годы революций, А. Кутуй обращает читателя к неоднозначным размышлениям о роли общественных преобразований, об их влиянии на сознание людей, обнажая и пародируя механизм формирования ущербной личности. Главной характеристикой «озын шигырь», по нашим наблюдениям, является наличие подтекста, и как результат, возможности прочесть текст по-разному [6. С. 130–141]. При этом ключом служат символы или символические образы, повторяющиеся в тексте.

В советский период эта традиция не исчезает, но совершенно неожиданно появляется в татарской прозе («озын хикәя»), способствуя формированию значительной по объему формы, находящийся между рассказом и повестью, но со своими идейно-формальными свойствами [7].

Следующее появление «озын шигырь» на поэтической арене происходит на фоне историко-культурных перемен рубежа XX–XXI вв.

В творчестве молодых поэтов (и не только) «озын шигырь» превращается в доминантную форму — оказывается важным элементом в развитии современной татарской поэзии. Появляются молодые татарские поэты, в творчестве которых «озын шигырь» становится визитной карточкой: Лилия Гибадуллина, Йолдыз Миннуллина, Рузаль Мухаметшин, Рамис Аймет и др. На Первом республиканском конкурсе по художественной литературе, проведенном Комиссией при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и развития татарского языка (2022 г.), в номинации «Поэзия» первое и второе место заняли «озын шигырь» Л. Гибадуллиной: «...Көн коела уйчан тәрэзлэргә...» («День осыпается в задумчивые окна»; объем — 70 строк) и «Кош юлы» («Дорога птиц», 40 строк). Этот факт также указывает на популярность и востребованность формы в современном художественном процессе.

Уже в первых сборниках стихов Л. Гибадуллиной² было заметно, что увеличение объема и расширение содержания текста происходит за счет «мерцания» мотивов, которые напрямую связаны с узнаваемыми образами и перекликаются с чужими предшествующими текстами. В ее творчестве поэтическая парадигма зачастую возникает в диалоге с татарской мифологией, фольклором, народной песней или с классической поэзией.

Иногда интертекстуальность охватывает и фольклор, и литературу. Например, стихотворение «Ак күбэлэк» («Белая бабочка»), с одной стороны, воссоздает представления, известные из мусульманской мифологии: душа умерших возвращается в дом в виде белой бабочки. Однако в интерпретируемом стихотворении образ фигурирует в ином ключе: белая бабочка — детство лирической героини: «Шушы тәрэзлэрдән шушы дөнъялыкка / Ак күбэлэк төсле балачагым бакты»³ («Из этих окон глядело на мир / Мое детство — белая бабочка»⁴). Ее грусть по дорожному сердцу дому («Мин сагынган йортның чаршаулары зәңгәр, / Зәңгәр бизәкләрдән көн агыла талгын» («В доме, по которому я скучаю, были голубые занавески / Из голубых узоров медленно уходил день»)) актуализирует еще один образ — лежащей на подоконнике белой бабочки с запятнанными крыльями, который повторяется в сильной позиции, в последних строках стихотворения, и указывает на интертекстуальную связь со стихотворением Зульфата «Кара күбэлэк» («Черная бабочка», 1987):

Салкын тәрэз төбе. Сулган яран гөле.

Холодный подоконник. Зачахнувшая герань.

Канатлары таплы ак күбэлэк ята⁵.

Лежит белая бабочка с запятнанными крыльями.

² *Гыйбадуллина Л.* Шигырьләр // Казан утлары. 2022. № 3. 3–7 б.

³ Там же. С. 5.

⁴ Здесь и далее подстрочный перевод наш (Д. З.).

⁵ *Гыйбадуллина Л.* Шигырьләр... С. 6.

Если уход дорогих сердцу людей — бабушки и дедушки — заставляет вспоминать детство, белую бабочку, то последняя интертекстуальная связь называет взрослую жизнь человека темной, «пачкающей» чистые детские души грязью земных забот. Однако красивая элегическая картина, воссозданная в первых строфах произведения, возвращает к началу стихотворения, меняя отношение читателя к прошлому. Детство, родной очаг, дом, любящие люди — вот главные ценности в жизни человека, которые сохраняют бабочку белой, хотя и с запятнанными крыльями. Поэтому память всегда возвращает лирического героя к окнам с геранью, вспоминаются дорогие сердцу люди... Так символ Бабочки, вступая в интертекстуальную связь с различными общеизвестными татарскому читателю источниками, наполняется новыми значениями. По сути, при помощи этого механизма «озын шигырь» позволяет воссоздать историю жизни отдельно взятого человека и историю человечества вообще.

Стихотворение «Кош юлы» («Дорога птиц») также начинается с описания картины утра:

Көн кагынып куйды.	День взмахнул крыльями,
Иңнәреннән	С его плеч
Ап-ак карлар очты, карлар очты.	Полетели белые снега, полетели снега.
Тыпырчынып куйды вакыт жиле	Ветер времени встрепенулся,
Һәм кыбырсып куйды канат очы.	Кончики крыльев дрогнули.
Офык арьягында таң тибенә,	На горизонте появляется заря,
Иңсәләргә иңә көн сулышы.	На плечи опускается дыхание дня.
Вакыт жилен жилпеп үтсен икән	Пусть крылья птицы в полете
Каурый-канатлары очар кошның! ⁶	Проходят сквозь ветра времени.

После такого своеобразного «вводного слова», где чувствуется интертекстуальная связь с образом «дня-птицы» Роб. Ахметзянова («Күгәрчен очып туймас көн» («Голуби не могут налетаться», 1962), «Өй түрөндә яфрак алкышлары» («Овации листьев у дома», 1962), «Кояшка, кояшка!» («К солнцу, к солнцу!»), 1960) и др.), воссоздается образ иной «птицы», в адрес которой звучит пожелание, чтобы она долетела в будущее, нашла там себе место:

Иңнәрендә — иртәгәсе көннәр,	На ее плечах — завтрашние дни,
Карашында — үткәннәрдән корым.	Во взгляде — копать прошлого.

Узнаваемая фраза «үткәннәрдән корым» («копать прошлого») активизирует социально-политический дискурс, указывая на человека с советским

⁶ Гыйбадуллина Л. Шигырьләр... С. 3.

прошлым, тонко намекая на такой же образ в творчестве Зульфата («Тамыр көллэре» («Пепел корней», 1978 и др.).

В следующей строфе появляется новое значение: «Бара кошлар / Дөнъя йөгөн тартып». Фраза «Дөнъя йөгөн тартып» может быть прочитана как «Тянут тяжесть бытия», «Тянут груз жизни», «Тянут ношу вселенной» и т.д.; она формирует параллелизм человек / птица. Углубляя мотив «тянущих груз жизни» людей, поэтесса задается вопросами: «Очар кошлар юлы күктәме соң?» («Путь птиц на небесах?»), «Очар кошлар юлы биектәме?» («Путь птиц в вышине?»). В каком-то смысле в этих вопросах чувствуется интертекстуальная связь с трактатом А. Навои «Лисан аттайир», в котором разъясняется свободолобивая природа литературного творчества. Как ответ на вопрос звучит вердикт:

Кош икәнән беркөн онытыр ул,
Тел очыннан китәр ирек тәме.

Однажды он забудет, что (он) птица,
Исчезнет вкус свободы с (его) языка.

Рассказывая о птице, которая под тяжестью каждодневных забот забыла вкус неба, простора и свободы, поэт упоминает крылья — которые иногда ноют; дороги — которые копотью покрыли крыльев; далекие небеса — манящие своими просторами. Последняя строфа возрождает надежду:

Мәгәр зыңлап тора дөнъя моңы,
Изрәп ята юллар — өмет тулы.
Кошлар юлы — фәкать күк иркендә.
Иңнәрәмдә
Көн кагынып куйды⁷.

Мир полон музыкой бытия,
Лежат дороги, полные надежд.
Путь птиц — зависит только от небес.
На моих плечах
Встрепенулся день.

Таким образом, стихотворение может быть прочитано и как текст, утверждающий вечное стремление людей к небесам, к свободе, к просторам. Оно акцентирует внимание на том, что только способные летать могут нести груз, ношу бытия. Последняя строфа указывает, что свой путь человек способен выбирать сам. Повторяющаяся в тексте лексема «моң» оставляет возможность прочитать этот образ и как путь литературного творчества.

Психологический параллелизм в «озын шигырь» становится приемом, позволяющим высказывать философскую оценку. Например,

⁷ Гыйбадуллина Л. Шигырьләр... С. 4.

в стихотворении «Жэйге янгыр» («Летний дождь») воссоздается красивая детализированная картина после дождя, который омыл животворящей влагой и природу, и людей, живущих надеждой на урожай.

Күкрәүләре белән узып киткән	Прошел с грозами
Жиләк исле жэйге жылы явым	Летний теплый ливень с запахом земляники
Жир сыена сиңа, туфрак — кәтә,	Земля прильнет к тебе, почва — ждет,
Яңгыр булып кайтуыңны тагын... ⁸	Когда ты вернешься теплым дождем...

В последней строфе вдруг появляется мотив «вечного возвращения» — желание человека и человечества вернуться «куда-то», чтобы начать жизнь с начала. Необходимо отметить, что этот мотив — наиболее репрезентативен в творчестве Л. Гибадуллиной. Фраза «Яңгыр булып кайтуыңны» («Твоего возвращения в виде дождя») чрезвычайно расширяет метафорическое поле дождя: каждый сам может создавать свой текст, используя данный образ. Для кого-то благодать — сильное плечо близкого человека; для сообщества — слово-идея умного соплеменника; для народа — деятельность его лидера и т.д. Стихотворение может быть прочитано как текст о художественном творчестве, об общественно-политической деятельности, в личностном или совершенно в ином ключе.

Необходимо подчеркнуть умелое использование такого приема, как эвфония: звуковой повтор задерживает внимание читателя на отдельных словах в поиске дополнительных значений и смыслов. Здесь это — «Жиләк исле жэйге жылы явым / Жир сыена сиңа...», эта фраза превращает образ летнего дождя в многозначный символ, в котором на передний план выходит его значение как хранителя Земли и всего живого.

Л. Гибадуллина мастерски использует практически все возможности аллитерационного стиха. Часто каждое слово в строке начинается с одного и того же звука. Иногда даже образы, запоминающиеся и удивляющие новизной взгляда, создаются из созвучных слов. Например, в элегическом стихотворении о прощании с детством «Яланаяк язлар ките бездән...» («Босоногие весны уходят от нас...») автор называет детство «яланаяк язлар».

Еще одно стихотворение «...Көн коела уйчан тәрәзләргә...» («День осыпается в задумчивые окна») построено в бинарных оппозициях «день-ночь», и выражает мотив преемственности. День — время созидания, зарождения жизни, традиций, песен, стремлений, любви, дружбы... Ночь — время испытаний, приостановления всего созидательного: «Төн каера сагыш казыкларың, / Төн аера янәш йолдызларың» («Ночь выламывает колышки тоски / Ночь

⁸ Гыйбадуллина Л. Шигырләр... С. 7.

разлучает рядом летящие звезды»). Но вместе с тем наступление ночи — неизбежность. Раздумья лирической героини связаны для нее с наступлением сумерек:

Казык йолдызларым кубып төшәр,
Тәрәзләрден китәр көн яктысы.
Сайгактарны, ишек яңакларын,
Бишек бавын килә, их, саклайсы...
Сарыласы килә хәтер булып,
Тере булып, жылы сагыш булып.
Уянасы килә улларымның
Сулык-сулык йөрәгенә кунып.
Уеласы килә кызым чигәр
Сөлгеләрнең бизәк өлгесенә.⁹

Полярные звезды мои опрокинутся,
Дневной свет уйдет с моих окон.
Но хочется сохранить половицы,
Дверные косяки, веревку от колыбели.
Хочется прильнуть как память,
Как живая, теплая грусть.
Хочется проснуться, сев
На трепещущие сердечки моих сыновей.
Хочется вписаться в узор полотенца,
Которые будет вышивать моя дочь.

Детали «бишек бавы», «сөлгеләрнең бизәк өлгесе», «ишек яңаклары» указывают на образ жизни татар, который уже ушел в прошлое. Лирическая героиня стихотворения мечтает о сохранении традиций — национальных, о продолжении жизни — в сыновьях и дочерях, о созидательной жизни на земле. Последние строки еще раз подчеркивают, что день — жизнь — посвящен тому, чтобы преемственность не прервалась, чтобы дети смогли вырастить своих детей, чтобы нить памяти протянулась от прошлого — к будущему.

Хәтер жебен сузып кичәгемә,
Жылы сагыш салып кичләремә,
Корыч гамьнәр корып — кичәремә,
Көн ягыла тәрәз читләренә,
Көн ябыла бишек чөлтәренә...¹⁰

Протягивая нить памяти ко вчерашнему,
Окутав теплой грустью вечера,
Дав стальные заботы — жизни,
День прильнул к моим окнам,
День укутывается в кружево колыбели.

Так «день» превращается в символ, структурируя вокруг себя значение человеческой жизни, национальных традиций, созидательного бытия. Поэт утверждает: смысл жизни — в сохранении преемственности, в сохранении самой жизни на земле. Поиск светлого в темноте ограниченности жизни приводит к осознанию этого закона. Мерцает совершенно иной мотив — любви к детям, к традициям своего народа, который придает тексту таинственность. И это мерцание поддерживается многочисленными повторами.

⁹ Гыйбадуллина Л. Шигырләр... С. 5.

¹⁰ Там же. С. 5.

В отдельных текстах именно «поэтическая парадигма» — интертекстуальная связь с национальной культурой — создает неожиданное мерцание мотивов. Показательно в этом плане стихотворение «Мең чыбыркы ысылдавы жилдә...» («В ветре слышен свист тысяч кнутов...»). Доминирующим содержанием является оценка истории татар, которая, согласно идее автора, находится в состоянии руин, не превратившись в память. Вот первая строфа:

Мең чыбыркы ысылдавы жилдә	В стране, где руины стали памятниками,
Хәрабәләр һәйкәл булган илдә.	В ветре слышен свист тысяч кнутов.
Таң атышлы гына кояш бата...	Солнце садится, пережив зарю...
Сибелә генә чәчәк, сибелә жилгә... ¹¹	Цветок осыпается, осыпается на ветру.

Образ «сибелә чәчәк» (осыпается цветок) указывает на народную песню «Сибелә чәчәк», в которой выражается ностальгия по родине, по любимой. Этот образ придает тексту философский и этнонациональный оттенок: история татарского народа становится предметом печали.

Во второй строфе образ «наклонившегося минарета в оставшихся от предков городах» («Бабалардан калган калаларда / Дөнъя авыш микән, манарамы?...»), указывая и на Казань, и на Болгар, вызывает критическую оценку сегодняшней действительности. Но в ней имеется еще один образ: «Көл өстенә гөлләр сибү фалы» («Обряд посыпания золы цветами»), напоминающий татарскую поговорку и связанный с цикличностью, вечным возрождением, верой в птицу феникс. В связке с четвертой строкой он получает отрицательное значение, формируя авторскую иронию, отрицающую надежду на возрождение былого величия. В третьей и четвертой строфах указывается и на причины подобного неверия: память народа спит, не просыпается, находится в бессознательном состоянии. Еще два образа: «аягүрә төш күрү» (поговорка, дословно: спать на ходу) и «Заман эле зарсыз, аңсыз гына / Биле сынык туган таен сата...» («Время пока безропотно, бессознательно / Продает родившегося со сломанным хребтом жеребенка»; перифраз поговорки «сломать хребет неродившегося жеребенка») — также выполняют смыслообразующую функцию.

Заключение

Таким образом, поэтическое творчество молодой поэтессы Лилии Гибадуллиной развивает форму «озын шигырь». Многомерная игра с контекстами превращает ее тексты в сложные произведения, в которых встречается множество мерцающих мотивов. Их расшифровка зависит от уровня

¹¹ *Гыйбадуллина Л.Ф.* Тынлык кайтавазы: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. С. 31.

подготовленности читателя. Тем не менее сами тексты завораживают именно этим мерцанием, таинственностью, доминирующей смысл иногда ускользает, переходит на уровень межтекстовых связей. Аллитеративность, умелая игра с узнаваемыми образами-символами, даже фразами, философичность текстов, иносказательность являются не только основной особенностью творчества молодой поэтессы, но и собственно жанра «озын шигырь» в творчестве других поэтов.

Стремление к детализации, в том числе через интертекстуальные связи, обеспечивает множественность смыслов. Форма «озын шигырь» превращает тексты в истории людей, народов, человечества. Творчество поэтессы сопротивляется легкому прочтению, требует особой рецепции и отличается свободой экспериментирования.

Список литературы

1. *Keller Lynn Forms of Expansion: Recent Long Poems by Women*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. Pp. 384.
2. *Сайдашева З.Н.* «Озын кый» татар-мишарей (особенности стиля) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: итоги и перспективы: материалы юбилейной конференции. Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова. 1999. С. 88–92.
3. Татар шигърияте: XX гасыр башы [Татарская поэзия: начало XX века] / Төз. Зөфәр Рәмиев. Казан: Мәгариф, 2004.
4. *Нәжми К.* Өермәләр [Вихри]. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925.
5. *Кутуй Г.* Көннәр йөгәргәндә: шигырьләр [Когда дни бегут: стихи]. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925.
6. *Загидуллина Д.Ф.* Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013.
7. *Аминева В.Р.* Хикая как литературный жанр (на материале произведений А. Еники 1940–1960-х годов) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. Т. 159. С. 7–25.

References

1. Keller, Lynn. 1997. *Forms of Expansion: Recent Long Poems by Women*. Chicago: University of Chicago Press. (In English)
2. Saidasheva, Z.N. 1999. “Ozyn koy” of Tatar-Mishars (features of style). In *Musical Science of the Middle Volga Region: Results and Prospects Proceedings*. Kazan: Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. N.G. Zhiganova publ. Print. Pp. 88–92. (In Russ.).
3. Rämiev, Z., eds. 2004. *Tatar shig’riyate: XX gasyr bashy* [Tatar poetry: the beginning of the twentieth century]. Compiled by Zufar Ramiev. Kazan: Mëgarif publ. Print. (In Tatar)
4. Nëjmi, K. 1925. *Öermälär* [Whirlwinds]. Kazan: Tatarstan matbugat һәм nëshriyat kombinaty publ. Print. (In Tatar)
5. Kutui, G. 1925. *Kënnär iөгergëndә: shigyr’lär* [When the days flee: poems]. Kazan: Tatarstan matbugat һәм nëshriyat kombinaty publ. Print. (In Tatar)

6. Zagidullina, D.F. 2013. *Modernism in Tatar Literature in the First Third of the 20th Century*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
7. Amineva, V.R. 2017. "Hikaya as a Literary Genre (based on A. Eniki's Literary Works of the 1940s–1960s)". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 159: 7–25. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор Академии наук Республики Татарстан. E-mail: zagik63@mail.ru

Bio Note:

Daniya F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor of Tatarstan Academy of Sciences. E-mail: zagik63@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-334-345

EDN: LEFZYU

Научная статья

«Мы постим и постим, а лайкать поспеют за нами другие...», или Транслингвальные практики в творчестве Б. Анфиногенова

Н.В. Кондратьева , Н.В. Ильина

Удмуртский государственный университет,
Российская Федерация, 426034, Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
 nataljakondratjeva@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены транслингвальные практики в творчестве удмуртского поэта Б.В. Анфиногенова. Обращение к вопросам транскультурной литературы обусловлено актуальностью исследования в гуманитарной науке проблем культурного многообразия полиязычных регионов России. Методологическую основу статьи составили лингвистический анализ художественного текста, обобщение достижений современного литературоведения и др. Материалом для анализа послужил сборник поэтических текстов Б. Анфиногенова «Жикъя Promo» (2023). Выявлены особенности репрезентации транслингвальных практик в творчестве Б. Анфиногенова, определены внетекстовые (этническая и культурная самоидентификация автора, тематическое содержание, иноязычные вкрапления) и внутритекстовые (гибридные культурные каноны и коды) уровни репрезентации транслингвизма. Особое место уделяется выявлению роли графической детерминации, обыгрыванию межъязыковой омофонии, интертекстуальности в стихотворных текстах удмуртского поэта.

Ключевые слова: удмуртская литература, транслингвизм, Б. Анфиногенов, художественный билингвизм

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-512-23007.

Для цитирования: Кондратьева Н.В., Ильина Н.В. «Мы постим и постим, а лайкать поспеют за нами другие...», или Транслингвальные практики в творчестве Б. Анфиногенова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 334–345. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-334-345>

© Кондратьева Н.В., Ильина Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“We Post and Post, and Others Will Come to Like Us...”, or Translingual Practices in B. Anfinogenov’s Poetry

Natalya V. Kondratieva , Natalia V. Ilina

Udmurt State University,
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Udmurtia, Russian Federation

 nataljakondratjeva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of translingual practices in the works by the Udmurt poet B.V. Anfinogenov. The interest to the questions of transcultural literature is due to the importance of research in cultural diversity of multilingual regions of Russia. The methodological basis of the article is the linguistic analysis of a literary text, synthesis-generalization of the achievements of modern literary criticism, structural analysis of a poetic text, etc. The collection of poetic texts by B. Anfinogenov “Dz’ikya Promo” (2023) is used as the material for analysis. Based on the analysis, the peculiarities of translingual practices representation in the works by B. Anfinogenov are revealed, extra-textual (ethnic and cultural self-identification of the author, themes, foreign language inclusions) and intra-textual (hybrid cultural canons and codes) levels of representation of translingualism are outlined. Special attention is paid to the analysis of the role of graphic determination as well as the use of interlanguage homophony and intertextuality in transcultural literature.

Key words: Udmurt literature, translingualism, B. Anfinogenov, bilingualism in fiction

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for the Russian Language and Culture in Hungary, research project No. 21-512-23007.

For citation: Kondratieva, N.V., and N.V. Ilina. 2023. “We Post and Post, and Others Will Come to Like Us...’, or Translingual Practices in B. Anfinogenov’s Poetry”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 334–345. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-334-345>

Введение

Одной из ярких характеристик современного общества является массовое распространение транслингвизма (или трансьязычия), которое в самом широком значении принято рассматривать как возможность расширения коммуникативного потенциала языковой личности через использование элементов разных языковых систем [1. С. 140; 2–4]. Поскольку главным инструментом межкультурного взаимодействия является язык, трансьязычие сегодня активно интегрируется и в рамки литературного процесса. Однако, как верно подмечает критик и литературовед А.А. Арзамазов, «национальные литературы России во всем

их многообразии этнической притягательности незаслуженно редко становятся объектом анализа в зеркале полилингвальности и транскультурных практик» [5. С. 624]. Между тем транскультурная эстетика в любых гибридных текстах может проявляться на разных уровнях художественного текста. Так, по мнению З.К. Темиргазинной, внешнетекстовый уровень репрезентируют этническая и культурная самоидентификация автора, тематическое содержание произведения, иноязычные вкрапления (экзотизмы, вставки); внутритекстовый уровень включает гибридные культурные каноны и коды, символы и др. [6. С. 32].

Целью исследования является изучение особенностей использования транслингвальных практик на примере поэтических текстов удмуртского автора Б.В. Анфиногенова.

Для решения поставленной цели был использован комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, что позволило рассмотреть на конкретном материале особенности применения внешне- и внутритекстовых маркеров транслингвизма в поэтических текстах Б. Анфиногенова.

Обсуждение

Богдан Витальевич Анфиногенов (род. 1990 г.) — современный удмуртский поэт, участник многих музыкальных проектов, инициатор и автор первого интернет-телевидения на удмуртском языке «Даур». В период обучения на историческом факультете Удмуртского государственного университета (2008–2012 гг.) увлекся вопросами этнофутуризма, что во многом определило его творческий путь. С 2017 года Б. Анфиногенов работает в Доме дружбы народов г. Ижевска. Участвует в различных мероприятиях, направленных на развитие удмуртского языка и культуры. Является членом молодежной организации «Шунды», специалистом в межрегиональной смене для одаренных детей-удмуртов «Шундыкар».

Перу молодого автора принадлежат два сборника поэтических текстов: «Айшет будущего» [7] и «Жикья Promo» [8]. Оба поэтических сборника — это яркий пример диалога современной молодежи с прошлым и будущим. Интертекстуальность, философский контекст, декламационность, трансязычие — характерные черты всего творчества Б. Анфиногенова.

Стихотворный сборник «Жикья Promo» включает 30 стихотворений, написанных на удмуртском и русском языках. Поликодовость текстов как синкретичное единство стихотворного текста и визуального ряда является особенной чертой данного сборника. Отношения

текст — изображение — текст весьма информативны: движение от вербального кода к иконическому и обратно к вербальному эксплицируют внутренние переживания лирического героя, его отношение к прошлому и будущему. Не случайно в поэзии молодого автора появляются экзистенциальные мотивы:

Ми ваньмы кулом — чынзэ,
Кылиз на одйг минут.
Їуж файер туж зол чындэ,
Їуш ваньзэ но ваньзэ — сут!

...

Ми ваньмы кулом — game over,
Кылиз на зэмос warcraft.
Инмар (берпуметй фолловер)
Шуоз «Яратон. One love».

...

Уксё, Президент но Машина,
Їеч луэ. Кошким. Адьос.
Ми ваньмы кулом — чынзэ, но соин ик
Всяк уломы Асьмеос!

Мы все покинем этот мир (букв.),
Осталась одна минута.
Яркий (букв. желтый) огонь дымит,
Сотри всё и всё испепели!

...

Мы все умрем — конец,
остался настоящий warcraft.
Инмар (последний единомышленник)
скажет: «Любовь, только любовь».

...

Деньги, Президент, Автомобиль,
прощайте. Мы уходим. Адьос.
Мы все умрём — это правда, поэтому
Мы обречены на вечную жизнь!

Иноязычные вкрапления *файер*, *game over*, *warcraft*, *фолловер*, *One love*, *Адьюс* словно создают вторичную канву произведения: жизнь как борьба, жизнь как любовь. Важно отметить, что автор по-разному маркирует иноязычные вкрапления:

а) усиливает культурные для современного общества триггеры через сохранение оригинального написания слова: *game over* — *warcraft* — *One love*;

б) посредством транслитерации интегрирует английские (*файер*, *фолловер*) и испанские (*адьюс*) лексемы в систему удмуртского языка. Все это, несомненно, поднимает вопрос не только о транскультурной личности автора произведения, но и требует транскультурного читателя.

Анализируя творчество Б. Анфиногенова в аспекте исследования транслингвальных практик, важно подчеркнуть, что автор активно использует лингвистические эксперименты, которые проявляются на разных языковых уровнях. В частности, с точки зрения орфографии поэт активно использует удмуртские аффрикаты в англоязычных заимствованиях, что не свойственно литературному языку, а также предлагает написание буквы *э* в нехарактерных для удмуртской орфографии позициях.

Потэ гужем — со вал прелестно.	Хочу лето — оно было прелестным.
Искусство нокинны кулэ өвёл.	Искусство никому не нужно.
Потэ гараж, потэ вуж кресло.	Хочу гараж, старое кресло.
Потэ Алнаш но шуныт төл.	Хочу в Алнаши и тёплый ветер.
Потэ тусовка но тинэйжер.	Хочу тусовку и (вернуться) в подростковый возраст.
«Инстаграмысь»* чебер хэштег.	Красивые хэштеги в «Инстаграме»*.
Потэ начар луэм но кэжуал.	Хочу быть стройным и стильным.
Потэ азбар, потэ курег.	Хочу двор, хочу куриц.

Или:

Сюлэмам — ваньмыз умой:	В моей душе всё хорошо:
Полный Дзэн но Ёа	Полный Дзен и Джа (в растафарианстве)

Русскоязычные вкрапления изобилуют буквой *и* в инлаутной позиции, что также не используется в литературном удмуртском языке:

Коть Louis Vuitton, коть Абрау Дюрсо	Хоть Louis Vuitton, хоть Абрау Дюрсо.
Но, луоз улонмы — апельшиновый сок.	Но наша жизнь будет как апельсиновый сок.

Интерес представляют словообразовательные эксперименты удмуртского поэта. Важно подчеркнуть, что он создает ряд словообразовательных гнезд, включающих лексические единицы из разных языков:

<i>Моргенмар, моргеништерн, моргеништо?</i>	<i>Моргенмар, моргеништерн, моргеништо?</i>
Гурёсты кылзыса, мон пушто,	Слушая музыку, я, наверное, взорвусь
Дыр, таёе басьёслесь.	От таких басов.

В других случаях поэт предлагает конгломерат из элементов разных языковых систем:

Тоталблэк — тоталлук — татулык.	Тоталблэк — тоталлук — татулык (букв. татуировка)
Биллиайлиш нылашфромалнаш.	Биллиайлиш нылашфромалнаш (букв. девушка из Алнашей).
Курисько лайк но шер, калык,	Прошу залайкачь и расшерить, народ,
Сёт донат, жут охват продаж!	Дай донат, подними охват продаж!

* Здесь и далее по тексту: входит в корпорацию «Мета», деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

Гочатйсь тыльёсын	Манящими огнями
Ворекъя «Инстаграм»*	Светит «Инстаграм»*
Targetйсь нимьёсын	Targetными названиями
Вуз каре выль реклам.	Торгует новая реклама.

Особый интерес представляет языковая игра, построенная на принципах языковой омофонии. Как показывают примеры, она не обусловлена какими-либо семантическими потребностями произведения, а вносит в стихотворение легкость и шуточный характер, усиливая эмфатическую функцию языка. С точки зрения структуры подобные выражения напоминают слоганы или лозунги:

Гучи, гучи, носят <i>žучи</i>	Гучи, гучи носят русские
<i>Ctrl+Alt Ctrl+Z</i> <i>čуж табань но зырет</i>	<i>Ctrl+Alt Ctrl+Z</i> золотистые табани и зырет

Творчество Б. Анфиногенова — яркий образец проявления транслингвизма. Важно подчеркнуть, что это выражается не только на внешнетекстовом уровне, но и находит отражение на внутритекстовом. В частности, название сборника «*Жикья Promo*» — это прямая аллюзия на культурный код Удмуртии начала XXI в. Как отметил Б. Анфиногенов в личной беседе, название стихотворного сборника напрямую связано с мероприятиями Чудья промо, которые проводились в городах и районах Удмуртии в 2013–2014 гг. по инициативе Евгения Бikuзина (Чудья Жени). В свою очередь, Чудья Жени реализовывал свой проект по аналогии с Юмшан промо, инициированным и осуществленным в 2005–2010 гг. Павлом Поздеевым для реализации культурных экспериментов и «рождения» новых культурных продуктов. Таким образом, сборник «*Жикья Promo*» — это интеграция рода *Жикья*, к которому относит себя Б. Анфиногенов, в новые культурные реалии. Иными словами, это диалог поколений, диалог культур.

Каков он — современный мир? Данный вопрос становится ключевым для удмуртского поэта. В отличие от стихотворного сборника «*Айшет будущего*» (2014), в котором доминировали мотивы сожаления о прошлом, боль утраты общечеловеческих ценностей, сборник «*Жикья Promo*» (2023) — это игра воображения, это включение удмуртского языка и культуры в мировую цивилизацию. Лирический герой принимает многоязычный мир, становится его частью:

Рюкзакам — вареники,	В рюкзаке — вареники,
Карманам — смартфон,	В кармане — смартфон,
Пельёсам — наушники,	В ушах — наушники,
Газелькаын — мон.	В газельке — я.

Салонын калык пуке,
Руль съёрын — бигер.
Кин ке но жвачка сыске,
Укно съёрын — инсьёр.
Пельёсам «Устрой дестрой!»
Noize MC кырза,
Сюлэмам — ваньмыз умой:
Полный Дзэн но За.
Кызь манет киям шедьтй,
Трамвайлы окмоз,
Мынйсько ни урамтй,
Шорам — магазиньёс.
Тйлед туж тау шуисько,
Пурга но Эгерже!
Чылкыт, Шудо но Эрико
Мон нош вуи Иже.

В салоне сидит народ.
За рулем — татарин.
Кто-то жуёт жвачку,
За окном — космос.
В ушах звучит: «Устрой дестрой!»
Поёт Noize MC,
В сердце — все отлично:
Полный Дзен и Джа.
Отыскал в кармане 20 рублей,
Достаточно для [проезда] в трамвае,
Еду по улице,
Вокруг магазины.
Говоря спасибо вам –
Пурга и Агрыз!
Чистый, Счастливый и Свободный
Я снова приехал в Ижевск.

В данном стихотворении в легкой, шуточной форме раскрываются такие характеристики современного мира, которые подчеркиваются многими социологами: а) парадокс креативности, или информационное обогащение и усложнение коммуникации; б) парадокс воздействия как феномен «разыгрываемой сопричастности», «клик-активности», осуществляемой в режиме онлайн, и практика слактивизма или «новой чувственности»; в) парадокс единства, представляющий собой формирование особого типа транзитной солидарности интернет-аудитории и др. [9. С. 9–11].

Восприятие к современного мира как фантазмагории, сочетание высокого с низким характерно для целого ряда стихотворений удмуртского автора, например:

Ха! Кожаськод — со сылэ Мёння кен?
Нош зэмзэ ке — гольык манекен
Кожаськод — Удмуртлык, Дэмен?
Нош зэмзэ — куштйськем домен
Мон ачим йыромем ironman
Весяклы кыче ке экранэ
Учкисько утчаса пайдаё ивортэт
Малпасько вал — мудак, нош зэмзэ —
интроверт
Яке наоборот — ойтёд.

Ха! Ты думаешь, что это девушка рода Мёння?
В действительности — это голый манекен
Ты думаешь — Удмуртлык, Дэмен?
В действительности — заброшенный домен
Я и сам заблудившийся ironman
Постоянно смотрю на экран
Ищу какую-то полезную информацию
Думал, что я — мудак, оказалось — интроверт
Или наоборот, не знаю.

Особый уровень иронии и юмора во многих стихотворениях создается за счет сочетания диалектных слов удмуртского языка с современной лексикой из блогосферы или молодежного жаргона русского языка. Так, например, диалектный вариант удм. слова *эськерыны* ‘проверять’ сочетается с лексемой *селфикам*; лексемы *форсить*, *бан*, *мем* соседствуют с авторским неологизмом удм. *ивор лемта* ‘новостная лента’, при этом используется диалектная форма слова «лента»:

Эськере, эськере, эськере...
Кин ке но улонмес эскере,
Селфикам котькытын вань бере.
Нош ивор лемтаям
Форсят мем кекоран
Маскара манерья
Серекья монэ вотэсбам
В бан!

Проверяет, проверяет, проверяет...
Кто-то нашу жизнь постоянно проверяет,
Раз всюду есть селфи камера.
А в моей новостной ленте
Форсят мем «кекоран».
В смешной манере
Смеется надо мной паутина
В бан!

Наряду с проникновением этого большого глобализированного мира в жизнь удмуртской глубинки элементы удмуртского мира, в свою очередь, также вписываются в общую картину современного мира, поэтому теперь об интернете или племенах североамериканских индейцев можно говорить через призму удмуртской культуры:

Интернет — ми сямен — кур куян.
Вотэсэн нималлям юнме.

Нылъёс Лакота воршудысь
Дото мусо но чебересь,

Милям удмурт нылъёс кадесь
Нылъёс Дакота шаерысь.
Нош Иньмар, вуж тамга интые адзыса хэштег,
Иньбамысь милемыз серекья, дыр.

Интернет — по нашему — помойка
(букв. место, куда выбрасываются вещи мертвеца как ритуально нечистые).
Зря назвали паутиной.
Девушки из воршуда Лакота
(воршуд — родо-племенное объединение удмуртов)
Так милы и красивы,
Похожи на наших удмуртских девушек
Девушки из края Дакота.
А Иньмар, увидев вместо тамги хэштег,
С небес, наверное, смеется над нами.

Сочетание аллюзий и реминисценций к тестам удмуртской литературы и произведениям мирового искусства создает особый интертекстуальный колорит. Так, в одном стихотворении соединяются повесть Кедра Митрея «Вужгурт Зурка» и фильм американских режиссеров Г. Рамиса и Б. Мюррея «День сурка».

Вай-фай пыр Вужгуртмы зурка
Суроклэн нуналыз —
День сурка

Через вай-фай сотрясается Вужгурт
День сурка —
День сурка

Все это, как уже отмечалось выше, требует широкой эрудиции от читателя. Читатель и сам как бы становится автором произведения, создавая новые смыслы и новые значения.

Особое место в творчестве Б. Анфиногенова занимает стихотворение-аллюзия на хрестоматийное произведение удмуртского классика Кузубай Герда.

Б. Анфиногенов

Кузубай Герд

Мы постим *и* постим...
А лайкать поспеют за нами другие,
С радостью вступят в огины крутые.
Мы постим *и* постим!

Мы сеем *и* сеем...
А жать подспеют за нами другие,
С радостью выйдут в поля большие.
Мы сеем *и* сеем!

Наши репосты — слова —
Взойдут на страницах хэштегов стеною,
Будут пестрить в вашей ленте волною
Наши репосты — слова.

Наши посевы — слова —
Взойдут у дорог золотою стеною,
Будут шуметь, наклоняться волною
Наши посевы — слова.

Мы постим *и* постим...
А лайкать поспеют за нами другие —
Может, комменты оставят смешные,
Может, захейтят посты благие...

Мы сеем *и* сеем...
А жать подспеют за нами другие —
Может быть, свяжут в снопы тугие,
Может быть, стопчут посевы благие...

Пусть!
Мы постим *и* постим...

Пусть!
Мы сеем *и* сеем...

Стихотворение К. Герда, к которому апеллирует Б. Анфиногенов, отличается особой семантической глубиной, которая во многом является результатом взаимодействия целого комплекса аллюзий и реминисценций: тут и образ поля как символа мироздания в традиционной фольклорно-мифологической интерпретации, и аллюзия к евангельской притче о сеятеле, где часть семян всходит, а часть погибает; лирический герой стихотворения обращается также к богатому пласту русской литературы XIX в. [10]. Стихотворение является отражением размышлений поэта о судьбе молодой удмуртской литературы начала 1920-х гг., когда оно и было написано. В рецепции современного читателя стихотворение К. Герда получает дополнительные смыслы, внесенные событиями литературной истории XX в.: сам Кузубай Герд и авторы его

круга подверглись репрессиям 1930-х гг., в 1950-е были реабилитированы, несмотря на это, их семена дали благие плоды, удмуртская литература продолжает развиваться.

Композиционное построение стихотворения Б. Анфиногенова практически повторяет структуру стихотворения К. Герда. При этом лексемы, репрезентирующие идею творчества как сева и жатвы, заменены словами из сферы интернета и социальных сетей: *постим, лайкать, хештеги, огин* (удм. «сообщество»); как правило, используется для обозначения интернет-сообществ) и т.д. Сознательное вписывание высокого пафоса гердовского стихотворения в шуточный контекст позволяют Б. Анфиногенову создать новые смыслы. Вступая в диалог с основоположником удмуртской литературы, Б. Анфиногенов не столько полемику с ним, сколько ведет «разговор» о настоящем и будущем литературы через призму мировосприятия современного автора.

Заключение

Таким образом, лирический герой Б. Анфиногенова — это молодой человек, находящийся на стыке двух культур. Однако, в отличие от первого стихотворного сборника «Айшет будущего» (2014), в котором лирический герой чаще находился в поиске себя, своих корней, в книге «Жикья promo» (2023) меняется общая модальность произведений: жизнь удивительна во всех ее проявлениях.

Меняется и формат книги: в последнем издании она представляет собой поликодовый текст, включающий не только стихотворные тексты, но и визуальное сопровождение.

Неизменным остается использование транслингвальных практик, которое уже становится визитной карточкой удмуртского поэта. Они вносят в поэтический текст дополнительную смысловую нагрузку, систему ценностей, определенный тип модально-эмоциональных смыслов. Благодаря использованию транслингвальных практик создается пространственно-временной фон произведения, уточняется характер авторской интонации, происходит перестановка акцентов на отдельные образы и мотивы.

Список литературы

1. *García O.* Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // Ajit Mohanty, Minati Panda, Robert Phillipson and Tove Skutnabb-Kangas (eds). *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the local*. New Delhi: Orient Blackswan, 2009. P. 128–145.
2. *Lewis G., Bryn J., Colin B.* Translanguaging: origins and development from school to street and beyond // *Educational Research and Evaluation*. 2012. No. 18 (7). P. 641–654.
3. *Otheguy R., Ofelia G., Wallis R.* Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics // *Applied Linguistics Review*. 2015. No. 6 (3). P. 281–307.

4. *Blommaert J., Backus A.* Superdiverse repertoires and the individual // *Multilingualism and multimodality*. SensePublishers, Rotterdam, 2013. P. 11–32
5. *Арзамазов А.А.* Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 4. С. 622–636. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>
6. *Темиргазина З.К.* Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 18. № 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
7. *Зубанова Л.Б.* «Большой взрыв» в информационной вселенной XXI века: вызовы, последствия и перспективы // *Моргенштерновские чтения — 2020. Информационно-библиографическая деятельность библиотек: тенденции, современные проекты и инициативы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Челябинск, 27–28 окт. 2020 г.)*. Челябинск: ЧГИК, 2020. С. 17–14.
8. *Измайлова А.С.* Образ сеятеля в поэзии Кузубая Герда: истоки, типология и новаторство // *Кузубай Герд и удмуртская культура*. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 104–121.

References

1. García, O. 2009. Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century. In *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the local*. New Delhi: Orient Blackswan. Pp. 128–145.
2. Lewis, G., J. Bryn, and Colin, B. 2012. Translanguaging: origins and development from school to street and beyond. In *Educational Research and Evaluation* 18 (7): 641–654.
3. Otheguy, R., G. Ofelia, and Wallis, R. 2015. “Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics”. *Applied Linguistics Review* 6 (3): 281–307.
4. Blommaert, J., and A. Backus. 2013. “Superdiverse repertoires and the individual”. In *Multilingualism and multimodality*. SensePublishers, Rotterdam. Pp. 11–32.
5. Arzamazov, A.A. 2022. “The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 19 (4): 622–636. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>
6. Temirgazina, Z.K. 2020. “Transkul'turnost' i ee proyavlenie v poetike liricheskikh tekstov”. *Polilinguality and Transcultural Practices* 18 (1): 29–43. Print. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
7. Zubanova, L.B. 2020. “Big Bang” in the information universe of the 21st century: challenges, consequences and prospects”. In *Morgenstern readings — 2020. Information and bibliographic activities of libraries: trends, modern projects and initiatives: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Chelyabinsk, 27–28 Oct 2020)*. Chelyabinsk: ChGIK publ. Pp. 17–14. Print. (In Russ.).
8. Izmailova, A.S. 1990. “The image of the sower in the poetry of Kuzebay Gerd: origins, typology and innovation”. In *Kuzebay Gerd and Udmurt culture*. Edited by A.G. Shklyayev. Pp. 104–121. Izhevsk: UIIYaL UrO AN SSSR publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Кондратьева Наталья Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета.

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3632-503X

eLibrary SPIN-code: 5206-9109

Ильина Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической типологии и лингводиактики Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета.
E-mail: natilina@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-3388-9655
eLibrary SPIN-code: 6169-5497

Bio Notes:

Natalya V. Kondratieva is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism of Udmurt State University. E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3632-503X
eLibrary SPIN-code: 5206-9109

Natalia V. Ilina is PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistic Typology and Didactics of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism of Udmurt State University. E-mail: natilina@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-3388-9655
eLibrary SPIN-code: 6169-5497

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-346-357

EDN: LEKHFA

Научная статья

Эрзянская поэзия на Урале: художественный мир Дмитрия Таганова

А. А. Арзамазов

Казанский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

✉ arzami@rambler.ru

Аннотация. В статье в различных проблемно-тематических контекстах рассматривается поэтическое творчество одного из наиболее ярких представителей современной мордовской (эрзянской) литературы Дмитрия Таганова. Родившийся и живущий на Урале, Д. Таганов своей биографией, стихотворениями олицетворяет литературную диаспору мордвы. В ходе интерпретации выявляется, что его поэтический мир отличается аскетизмом образной системы, устойчивым, почти не меняющимся от сборника к сборнику набором образно-символических элементов. В сферу исследования попадают не только оригинальные, написанные на эрзянском языке тексты, но и сделанные автором русские подстрочники, позволяющие сразу в двух лингвопоэтических «проекциях» интерпретировать художественные особенности, стилистические детали. Установлено, что Д. Таганов в своих стихах преимущественно избегает актуализации этнокультурной компоненты, предпочитает этнически нейтральные лирические сюжеты, уделяет повышенное внимание психологическим реалиям любовной экзистенции. Проявлены некоторые мотивно-образные элементы, связанные с профессиональной деятельностью поэта — медициной. Важный аспект данной работы — анализ художественных переводов стихотворений Д. Таганова на русский язык. На примере отдельных текстов аналитически продемонстрированы сложность понимания переводчиком исходных произведений, факты невнимательного отношения к стержневым параметрам текста-оригинала.

Ключевые слова: эрзянская поэзия, художественный перевод, образная система, мотив, лирический герой, текст-оригинал, этническая идентичность

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А. Эрзянская поэзия на Урале: художественный мир Дмитрия Таганова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 346–357. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-346-357>

© Арзамазов А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Erzya Poetry in the Ural Region: the Artistic World of Dmitry Taganov

Aleksey A. Arzamazov

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
✉ arzami@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problematic and thematic contexts of the work of Dmitry Taganov, one of the most prominent representatives of modern Mordovian (Erzian) literature. D. Taganov, who was born and lives in the Ural region, personifies the literary diaspora of the Mordovians with his biography and poems. In the course of the study, it was found out that his poetic world is distinguished by an ascetic figurative system and a stable set of figurative and symbolic elements, which almost does not change from collection to collection. The study included not only original texts in the Erzya language but also Russian interlinear translations made by the author, which allow interpreting artistic features and stylistic details in two linguopoetical “projections” at once. It has been established that in his poems D. Taganov mostly avoids the actualization of the ethno-cultural component, prefers ethnically neutral lyrical plots, and pays increased attention to the psychological realities of love existence. Some motif-figurative elements connected with the poet’s professional activity in medicine are shown. An important aspect of this study is the analysis of literary translations of D. Taganov’s poems into Russian. Difficulty in understanding the original works by the translator and facts of inattentive attitude to the core parameters of the original text are demonstrated on the example of texts.

Key words: Erzya poetry, literary translation, figurative system, motif, lyrical hero, original text, ethnic identity

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A. 2023. “Erzya Poetry in the Ural Region: the Artistic World of Dmitry Taganov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 346–357. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-346-357>

Введение

Обновление эрзянской литературы случилось в 1990-е гг. — в эпоху интеллектуальных открытий и больших исторических откровений. Художественное творчество еще по инерции какое-то время оставалось формирующим общественное мнение авторитетным социальным институтом, а поэзия воспринималась как элитарная сфера культуры. В словесность приходили молодые амбициозные таланты и не-таланты, вдохновляемые многообещающими этническими горизонтами. Все более значимую роль в духовной жизни народа, определяющую ключевые этногуманитарные векторы

движения, начинает играть диаспора. Эта «экспансия» извне наблюдается и в литературе.

Особенности творчества уроженца неблизкого к Поволжью Оренбуржья Дмитрия Анатольевича Таганова (1971), его одновременная интегрированность в мордовско-саранский литературный процесс и бросающаяся в глаза «уральская» инаковость как нельзя лучше характеризуют сложноустроенность современного эрзянского этнокультурного настоящего. Таганов — как это часто бывает с представителями окраины большого этнического мира — является как бы своим и чужим, нашим и не нашим. Для Дмитрия Таганова, по линии профессии не связанного с художественным словом, литература — еще один способ постичь внутреннее устройство человека, заглянуть в его тайно функционирующие «психоконгитивные лаборатории». Кроме того, поэзия, присутствие в литературной реальности мордвы, кажется, имеют для него этноидентификационную знаковость. При помощи стихописания осуществляется и процесс личной языковой легитимизации.

Доступная исследователю информация о творческой биографии Дмитрия Таганова в целом скупа на глобальные подробности, но изобилует факультативными деталями: член Союза писателей России, его стихи публиковались в региональных журналах «Сятко», «Чилисема», «Странник», «Дон» и др. В 1990–2010-е годы выходили сборники стихов «Сола вал» («Слово нежное», 1997), «Седейсэ тарка» («Место в сердце», 2009), «Весенний дождь / Тундонь пиземе» (2015), большое количество текстов все еще ждет встречи с читателем. Реалии, константы художественного мира Д. Таганова рассмотрены в контексте работ исследователей — специалистов по национальным литературам народов Поволжья и Урала [1–10].

Обсуждение

Стихотворения, вошедшие в коллективный поэтический сборник «Вечкемадо» («О любви», 1995), по всей вероятности, становятся первой значимой публикацией Дмитрия Таганова. Уже в ранних произведениях обозначаются темы, мотивы, стилевые приемы, к которым поэт будет регулярно возвращаться впоследствии. Таганов — автор с рано сложившимся художественным видением мира, он редко выходит за пределы своих стабильных творческих интересов, эстетических представлений. Стихи из книги «Вечкемадо» делятся на три основные содержательно-тематические группы: природно-пейзажную, любовную и — в широком смысле — этнокультурную. Последняя — количественно наименее репрезентативная, наиболее сложная для поэтического осмысления и воплощения. Поэт, по-видимому, только подступает к разработке эрзянского этнического ландшафта, осторожно, часто — без открытой идентификации — касается проблем сохранения национальной культурной самобытности.

Первый авторский сборник Дмитрия Таганова «Сола вал»¹, увидевший свет в 1997 году, — продолжение тем, смысловое усиление мотивно-образного комплекса, с которых эрзянский поэт начал свой творческий путь. Для литературной модели Таганова характерно поступательное тематическое развитие, его художественной концепции чужды резкие содержательные развороты. В стихотворениях дебютной книги представлены чаще драматические, реже — гармоничные любовные отношения, получили отображение многогранные апелляции лирического субъекта к природе, ее очевидным и неочевидным сторонам жизни. Показательно коммуникативное устройство большинства текстов: наблюдается почти повсеместное высказывание Я-лица, другие актанты как будто не получают право голоса. Такой Я-центрический фокус художественной коммуникации, возможно, продиктован непосредственно темпераментом автора, его выраженной потребностью в исповедальной саморефлексии.

Заметна и общая назидательно-педагогическая тональность лирического повествования, особенно ярко проявляющаяся в общении с девушкой / женщиной. Лирический герой-мужчина предпочитает придерживаться позиции старшего, человека более мудрого, опытного, способного многому научить избранницу. К важным особенностям произведений относится некоторая «скупость» образной системы. Д. Таганов не стремится к актуализации новых символов — ему кажется, что полнота поэтического звучания достигается за счет проработанных ранее, проверенных образно-ассоциативных цепочек. Интересно, что в стихах эрзянского автора фиксируется как художественный прием ситуативно-смысловое сочетание сложносовместимых явлений, предметов.

Любовная лирика в рассматриваемом сборнике в очередной раз показывает, что переживания лирического героя полны противоречий и контрастов, надежд и печали. В одних произведениях чувство любви, реальность отношений — это состояния максимальной открытости, обнаженности, легкости, чистоты. В других — имеют место признаки разочарования, обиды, у персонажа появляется понимание, что нужно было иначе входить в любовную историю. В третьей группе стихотворений между мужским Я и женским Ты — расставания, оторванность друг от друга, хрупкая надежда на возможность воссоединения: *Кедезэть саемак — / шождан теке, сув. / Ведекс куи симемак — / содан ведень лувс. / Бути мелеть, толокс / велявтан тонеть. / Ансяк иля сола / раужо пелеветь*² — Гол пред тобой, / прозрачен, как воздух. / Посмотри, чего опасаясь, / Чего бояться зря? / В руки меня возьми, / Я легок, как туман, / Выпей как воду меня. / Мне известны ее законы, /

¹ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1997.

² Там же. С. 7.

Если надо огнем / обернись для тебя, / только не растай / черной ночью (подстрочник Д. Таганова); *Тонь марто эзь эряво башка валт, / прянь нолдтнемась ды / шумбрачинь кевкстнемась. / Бокасон эзить цитне кельме калкс. / Икелем тет эзь кекшеве кецнемась. / Ды валот — а ёвтавикс шождачить. / Кортамонок таргавольть иень туро. / Сынь ульнесть ванькст... / Ды пелькстамотне псить... / ...Марявсь минь тарадт / вейке явноть куронь³ — С тобой не надо было пустословить. / Не нужны были вежливые расспросы. / Ты холодной рыбой не серебрилась предо мной. / И не могла сама скрыть радости. / И слова — несказанная легкость. / Разговоры наши могли бы тянуться год. / Они чисты. / Казалось, мы ветви / одного разделенного куста (подстрочник Д. Таганова).*

На качество любви могут влиять не только внутренние реакции, но и внешние оценки. Для лирического субъекта далеко не последнюю роль играет мнение других. Сторонние подозрение, неприятие, осуждение вызывают сомнение в правильности любовного выбора. Нельзя не заметить, что для финно-угорского этнофора большую важность представляет общественное мнение. Вероятно, эта отсылка к позиции чужого / другого — «работающая» в тексте этнопсихологическая особенность: *Нать берянь тонеть мартом аштекинемс / Каргонь Кинть / валоть ловсонзо ало? / Ломань сельмеде куракика кекшинемс / ды тандадозь / кунсолото валом...⁴ — Видно, худо тебе было со мною стоять / под Журавлиным путем, что / разлился молоком? / От глаз людских скрываться в зарослях / и испуганно слушать меня... (подстрочник Д. Таганова).*

События, сюжеты, сопряженные с личной жизнью героев, их эмоциональными гранями, традиционно находят выражение на символическом языке природы.

В текстах из сборника «Сола вал» широкий диапазон применения у постоянных мотивов Д. Таганова. Так, с высокой частотой и в разных контекстах поэтически обозначается категория легкости: *Шождан теке, сув — Я легок, как туман; Ды вешан шожда этьмечи... — И прошу еще легкого смирения...; Ды валот — а ёвтавикс шождачить... — И слова — несказанная легкость...; Валозот чарькодинь, ней содан — юткстонок олась шождачись... — Я понял тебя и знаю, меж нами вылиняла легкость...*

Как и в сборнике «Вечкемадо», разносторонне привлечены образно-семантические поля согревания / горения / сжигания / обжигания / огня. Вновь воплощением внутренних переживаний становится сердце: *Кельмезь седеем / эжеме кармась. / Эзинь учне уцяскадонть чансть. / Эзинь веше ды эзинь аварде. / Течи кедезэм /вечкемат прась, кавто ойменек / вейсэ ней*

³ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 11.

⁴ Там же. С. 27.

*тардить*⁵ — Остывшее сердце согревается. / И не ждал от судьбы я блага. / Не просил, не выплакивал. / А сегодня любовь прямо в руки упала. / И вместе мы согреваемся (подстрочник Д. Таганова); *Седеем пурксик пиземесэть. / Чопавтук сэтьмес / лаки чим...*⁶ — Окропи мое сердце своими дождями. / Окуни в тишину / кипящие мои дни... (подстрочник Д. Таганова).

В символическом измерении книги «Сола вал» видное место занимают атмосферно-воздушные образы, предикаты. Обращение к этому ассоциативному пласту нередко акцентирует эфемерность, «воздушность», даже ирреальность стихотворно иллюстрируемых состояний, действий.

К основным пространственно-временным осям проанализированных произведений относится один из регулярных у Таганова мотивов пути-дороги: *Сэнить моли виресь / Нуштань ки / чись леди пакся / сырнень налтсо. / Монь вирев Вась алям уски / ды кази ёвкссо — / седей палтсо. / Мон — пакшан — / кецямонть не / а муян. / Эйсэм учи виресь! / ...Вась алям сэредсь. / Ине ве / кецнемачинзэ / пирязь пирясь...*⁷ — Синее лес в дали. / Дорога Нушты. / Солнце косит поле золотым лучом. / Дядя Вася в лес меня везет / и дарит сказку — / кусочек сердца. / Я ребенок, / радости предела нет, / меня ждет лес! / ... Дядя Вася болел, / его радость уже / закрывалась великой ночью... (подстрочник Д. Таганова); *Кемема ды кемевиксчи / мон Пазонть кедьстэ / эстенъ вешан. / Тень алтазь, вай! / Пупорьксэв ки — / секс вешан неже*⁸ — Веры и верности / У Бога для себя прошу. / Мне обещана трудная дорога, / поэтому прошу опоры (подстрочник Д. Таганова).

Примечательно, что вопреки перманентной манифестации легкости в произведениях Таганова путь / дорога «окольцованы» сложностями, испытаниями, смертью. Речь идет не только о житнотекстах Я-субъекта, но и полном символических сигналов бытия других персонажей.

Среди заметных лингвопоэтических особенностей текстов Дмитрия Таганова — широкая распространенность отрицательных и повелительных форм. С заметным авторским упорством актуализируется частица *кадык* «пусть»: *Кадык пиземесь чамазом ракси. / Кадык рудазов моданть сты. / Яатеке мон чачинь а янксемс. / Монь вечкемам вечкема васты. / Ды а мени монь озязось кедьстэнь. / Пси чипаем кедь тень а пици. / Кельме пиземень кериця ведьстэнтъ / апак начто монь ойдем лиси*⁹ — Пусть дождь хохочет мне в лицо / Пусть пришивает к грязной земле / Я всё же рожден не для сожалений. / И моя любовь встретит свою. / И не выпорхнет / моя птаха из рук. / Горячее солнце не сожжет кожу. / Из режущего наотмашь дождя / выйдет сухой моя душа (подстрочник Д. Таганова).

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 21.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 15.

Некоторые свои стихи Дмитрий Таганов оставляет без подстрочника. У такого авторского выбора, по всей вероятности, своя логика. Так, заклинательно-побудительное произведение «Кармавтома», в котором именно слово *кадык* заявлено как интегрирующий другие элементы текста грамматический и смысло-символический маркер, поэтому не перекладывается на русский:

Кармавтома

Кадык пугать тумонь крѣст
 калмом лангсо.
 Кадык ойми потмом — лоск —
 лиянь вакссо.
 Кадык лайшесамизь монь
 бабань лацо.
 Кадык начтни велькссэнь сѣксъ
 пелень пацят...¹⁰

В 2015 году вышел двуязычный сборник стихотворений «Весенний дождь [Тундонь пиземе]»¹¹. Эта книга по большому счету — соперничество поэта и молодого переводчика на русский язык Татьяны Крещенской. Формат анализируемого издания показательный — автор, пишущий на национальном языке, в этногуманитарных реалиях современной России вынужден идти на творческое взаимодействие с «посредниками», предположительно способными представить оригинальные тексты по-русски и открыть к ним доступ русскоязычным читателям. Уже не в первый раз приходится констатировать, что подобное сотрудничество часто не приносит должного результата. Переводчики, как правило, поверхностно работают с заданными произведениями, подстрочниками, не вникают в этнокультурные нюансы, игнорируют важные с точки зрения осуществляемого лингвокультурного трансфера языковые элементы. В итоге — исходные стихи в русскоязычном воплощении даже проигрывают в плане художественного качества, самобытности. И речь уже не идет о семантической точности, профессиональной позиции максимального приближения переводящего к первоначальному замыслу. В этом плане беспроигрышным ходом могла бы стать подготовка подстрочников непосредственно самим писателем. К слову, Дмитрий Таганов делает подстрочники на вполне «презентационном» уровне.

Непростое сосуществование эрзянских стихотворений и русских переводов в книге «Весенний дождь [Тундонь пиземе]» обнаруживается почти сразу. При параллельно-сопоставительном их прочтении фиксируется

¹⁰ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 55.

¹¹ Таганов Д.А. Весенний дождь [Тундонь пиземе]. Оренбург: Т-стихи, 2015.

несовпадение количества строф, строк, различие текстового (структурно-композиционного) устройства, наблюдаются многочисленные случаи «перекодировки» образов, гендерных искажений, несхожести темпераментов. Впрочем, не все столь однозначно: в сборнике немало прецедентов и удачных «попаданий» в текст, примеров художественных сближений двух текстоформирующих индивидуальностей. В нашем распоряжении оказались неопубликованные авторские подстрочники, позволяющие сделать вывод о том, что в отдельных фрагментах автор и переводчик порой существуют в совершенно разных «модусах» творческого бытия и видения «правды» произведения. Негативные стороны русских переводов — их чрезмерная «сглаженность», периодическое проявление приторно-слащавых, «шансонных» выражений и интонаций, чуждых авторскому курсу, стилевые «непопадания»:

*Витюрдыть нармушкатне вирьсэ,
Эрямо таркаст кецязь шныть.
Ванькс чудикерьксэнь чова кирьксэсь
Стака арсеман эйсэ или.
Вановксом менелев кепедьса —
Пой тарадонь кружовась айгсь.
Ды редяса: перькан ды вельксэнь
Тундось моли келей эскельксэ
Ды нави моданть моронь гайтьс¹².*

Щебечут птицы в лесу,
Хвалят родные места.
Чистого ручья тоненькая низка
Смывает тяжкие мысли.
Подниму взгляд вверх
И сквозь кружева осиновых ветвей
Увижу: вокруг и надо мной
Весна идет широкими шагами.
И окрашивает мир в мелодии песен.
(Подстрочник Д. Таганова)

Птицы в лесу поют,
Славят места родные.
Я из ручья поплюю,
Сброшу деньки лихие.

¹² Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 13.

Ввысь подниму свой взгляд
Сквозь кружева осины
Вижу весну и рад,
Есть она в небе синем.
Радостно, широко
Наша весна шагает,
Песнями так легко
Мир вокруг украшает...

(Перевод Т. Крещенской)

*Мезесь, ёвтак, а истя?
Мейсэ чави апарось?
Ушов варшатака-листя —
Ковонь вандолды чарось!
Коштонть цёковтне сезить.
Калень тапаркска кекшинесть.
Теде арсить ней? Эзить.
Мельтне лиятат вешнесть.
Юты мелявксось, поты.
Модас, менельга соты.
Одов кемемась коды
Вельтямо лия коцтонь.¹³*

Что, скажи мне, не так?
Чем бьет недоброе?
На улицу выйди — посмотри —
Луна играет светом.
Воздух разрывают соловьи,
Спрятавшиеся в переплетениях ветвей.
Думала ли об этом сейчас?
Нет, иного просила, искала.
Пройдет невзгода, отступит.
В землю уйдет, растворится в воздухе.
Снова надежда сплетет
Покров из новой ткани.

(Подстрочник Д. Таганова)

¹³ Таганов Д.А. Сола вал [Слово с нежностью]... С. 9.

Проиллюстрированные проблемы художественных переводов — явление очень распространенное. Его причины имеют комплексный характер, в значительной степени связаны с лакунами культурной политики постсоветской России, с тотальным разрушением советской школы художественного перевода.

В содержательно-тематическом аспекте рассматриваемый билингвальный сборник отличается от двух предыдущих тем, что в нем фактически единственным измерением поэтизации оказывается любовь между мужчиной и женщиной, раскрываемая сквозь призму ее мелодраматической, событийной многогранности. Мир природы в этих стихах как бы отодвигается на второй план, его поэтический символизм несколько «приглушен», привлекается реже и нередко — более поверхностно, чем прежде. Стихотворения из книги «Весенний дождь [Тундонь пиземе]», как правило, выполнены в привычной для Таганова форме обращенного к женскому Ты мужского монолога. Иногда женский персонаж «провоцирует» лирического субъекта на диалог, почти равную коммуникацию. В любовных произведениях лирический герой погружен в состояние рефлексии, пытается разобраться со своими чувствами, перебирает «четки» прошлого, старается понять, что именно привело к разлукам, личным неудачам и утратам. Любовные истории в сборнике «Весенний дождь [Тундонь пиземе]» — это возвращение к былому, нарративы воспоминаний, постоянное предчувствие конца, предельности взаимного счастья. Потеряв возлюбленную, мужчина не только вспоминает, но и отправляется на поиски новой любви, надеется на новые встречи. Вновь обращает на себя мотивно-образная стабильность стихов Дмитрия Таганова: сжигание / горение / ранение / физическая боль сопровождают любовные переживания и травмы.

Заключение

Поэзия Дмитрия Таганова, как бы это парадоксально ни звучало применительно к творчеству, имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Его тексты, преимущественно — лаконичные, нередко лишённые привычных для национальной традиции рифмовой «гладкописи», образно-символической «широты» — на фоне доминирующих мордовских поэтических стратегий и эстетических предпочтений хорошо узнаваемы. Таганов выделяется среди коллег по перу уже тем, что он не изменил своей основной профессии — медицина была и остается основным делом его жизни. Естественно, что в его стихах дают о себе знать и «цеховые нарративы». Правда, речь идет об умеренной экспликации телесности — пишущие врачи, напротив, обычно в более открыто-откровенном виде выносят на обозрение радости и страдания тела. Лирические герои Дмитрия Таганова могут испытывать сильную физическую боль. Ожоги, ранения тем не менее — своеобразные знаки переноса

внутренних переживаний на внешний — телесный — уровень. Вероятно, обусловлены «медицинской ментальностью» автора и такие особенности психологического плана, как повышенная коммуникабельность Я-субъекта, иногда проявляющаяся высокомерная тональность по отношению к собеседнику, регулярная манифестация больших объемов жизненного опыта, как будто оказывающая давление на воспринимающую сторону. Отсутствие гуманитарного образования, недостаточность профессионально-писательского кругозора частично сказывается на художественной природе произведений. Бесспорная литературная одаренность Д. Таганова несколько контрастирует с очевидными «сферами пустоты» его поэтического мира. Хорошо заметны ограниченность образной системы, «невключенность» питающих лирику культурных кодов, интертекстуальных ресурсов, общая нереализованность этнокультурных возможностей.

Дмитрий Таганов — один из немногочисленных авторов из эрзи, кто прекрасно осознает этносохраняющую знаковость творчества на родном языке. Вновь срабатывает в лингвокультурном плане почти всегда надежный «механизм» мордовской диаспоры. Вместе с тем поэт пытается разомкнуть некоторую замкнутость эрзянского слова, все чаще прибегая к посредничеству русскоязычных переводчиков-любителей. Однако русские, художественно обработанные версии его стихотворений нельзя назвать очень успешными. Эстетически тоньше, содержательно точнее подстрочники, подготовленные самим Тагановым.

Очевидно, что творчество Дмитрия Таганова — отдельно-самодостаточное «ответвление» современной мордовской литературы, в целом обогащающее и обновляющее национальную традицию. И в то же время в его стихотворениях отражены многие «родовые» проблемы эрзянской культуры.

Список литературы

1. Антонов Ю.Г., Карпов Н.В. Мотивно-образный мир лирики Дмитрия Таганова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 462–469. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-462-469>
2. Завьялов С.А. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339–353.
3. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018.
4. Каторова А.М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1 (25). С. 122–131.
5. Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004.
6. Налдеева О.И. Жанровая система поэзии Мордовии: генезис, эволюция, поэтика: монография. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2012.
7. Остапова Е.В. Коми литература в зеркале перевода. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2016.

8. Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М.И. Ибрагимов, сост.: В.Р. Аминева, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021.
9. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
10. Хузангай А.П. Без иллюзий: мой временник. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017.

References

1. Antonov, Yu.G., Karpov, N.V. 2022. “The motif-imaginative world of the lyrics of Dmitry Taganov”. Yearbook of Finno-Ugric Studies 3: 462–469. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-462-469> (In Russ.).
2. Zav’yalov, S.A. 2007. “Through the Moss of Silence: Poetry of East Finnish Ethnofuturism”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 85: 339–353. (In Russ.).
3. Ibragimov, M.I. 2018. National Identity of Tatar Literature: Modern Research Methods. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova publ. Print. (In Russ.).
4. Katorova, A.M. 2013. “The main directions of development of Mordovian literature at the beginning of the XXI century”. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel’stve Respubliki Mordoviya* 1 (25): 122–131. (In Russ.).
5. Manaeva-Chesnokova, S.P. 2004. Artistic world of modern Mari poetry: monograph. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI publ. Print. (In Russ.).
6. Naldeeva, O.I. 2012. Genre system of Mordovia poetry: genesis, evolution, poetics: monograph. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute publ. Print. (In Russ.).
7. Ostapova, E.V. 2016. Komi literature in the mirror of translation. Syktyvkar, Syktyvskii gosudarstvennyi universitet im. Pitirima Sorokina publ. Print. (In Russ.).
8. Safiullin, Ya.G. 2021. From Romanticism to Comparison of Literatures. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova publ. Print. (In Russ.).
9. Sultanov, K.K. 2019. Refraction angle. Literature and identity: the communicative aspect. Moscow: IMLI RAN publ. Print. (In Russ.).
10. Khuzangai, A.P. 2017. Without illusions: my temporary. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel’stvo publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра Российской академии наук. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Bio Note:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-358-367

EDN: LVPEHY

Научная статья

Билингвизм драматургического творчества А. Пудина

Ю.Г. Антонов , Ю.В. Кабанова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва,

Российская Федерация, 420005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68

 antonov-ug69@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается художественное своеобразие билингвизма одного из ведущих современных мордовских драматургов Александра Пудина. Определяются наиболее продуктивные его типы в творчестве драматурга, а также выявляются причины использования двух языков в творческом процессе. Подчеркивается важность перехода с одного языка на другой для расширения эстетических границ авторского мировосприятия и точной передачи этнических нюансов иноязычному читателю и зрителю. Выявляется художественно-эстетическая специфика авторского перевода, позволившего глубже раскрыть как коллизии пьес, так и конфликты персонажей — носителей национальных черт характера. Особое место уделяется пьесам на русском языке, в которых драматург через мифологический контекст погружает реципиента в многообразную этническую палитру восприятия окружающей действительности и воссоздает яркий национальный колорит.

Ключевые слова: художественный билингвизм, мордовская литература, билингвальное творчество, Пудин, драматургия, русский язык, мокшанский язык, авторский перевод

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Антонов Ю.Г., Кабанова Ю.В. Билингвизм драматургического творчества А. Пудина // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 358–367. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-358-367>

© Антонов Ю.Г., Кабанова Ю.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Bilingualism of A. Pudín's Dramaturgy

Yury G. Antonov , Julija V. Kabanova

National Research Ogarev Mordovia State University,
Bolshevistskaya Str. 68, 420005, Saransk, Russian Federation,
 antonov-ug69@yandex.ru

Abstract. The article deals with the artistic originality of bilingualism of one of the leading modern Mordovian playwrights Alexander Pudín. The most productive types of it in the work of the playwright are defined, and the reasons for the use of two languages in the writing process are identified. The importance of the transition from one language to another is emphasized in order to expand the aesthetic boundaries of the author's worldview and to accurately convey ethnic nuances to the foreign-language reader and viewer. The author reveals the artistic and aesthetic specificity of the author's translation, which allowed to reveal more deeply both the conflict collisions of plays and the individual characters of carriers of national character traits. A special place is given to plays in Russian, in which the playwright immerses us in a diverse ethnic palette of perception of the surrounding reality and recreates a bright national flavor through mythological context.

Key words: Artistic bilingualism, Mordovian literature, bilingual creativity, Pudín, drama, Russian, Moksha language, author's translation

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Antonov, Yu.G., and Ju.V. Kabanova. 2023. "Bilingualism of A. Pudín's Dramaturgy". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 358–367. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-358-367>

Введение

Билингвизм в литературном творчестве — явление, известное с давних пор. В разные исторические эпохи он имел свою определенную специфику, продиктованную объективными культурными, экономическими, политическими и иными процессами. Билингвальное творчество зачастую возникает там, где в повседневной жизни тесно соприкасаются два или более языка, которые выполняют не только коммуникативную, но и эстетическую функцию.

Литературное двуязычие приобретает актуальность в условиях, когда совместно проживающие люди говорят на разных языках. В этом отношении весьма интересное явление происходит в литературно-художественном пространстве Мордовии. В республике три государственных языка — русский, мокшанский и эрзянский. Русский язык выполняет также функцию языка межнационального общения и становится основным «инструментом» билингвизма в мордовской литературе. Через переводы с мокшанского

и эрзянского языков на русский язык не только русскоязычный, но и национальный читатель получает возможность знакомиться с художественным произведением, изначально созданным либо на мокшанском, либо на эрзянском языке. Русский язык становится здесь посредником, языком общения между мокшанами и эрзянами. Эта специфическая черта, присущая мордовской языково-культурной обстановке, встречается и в других национальных республиках нашей страны, пример этому — дагестанский мультиязыковой ландшафт, где около десятка национальных языков находятся в творческом взаимодействии при посредстве русского языка.

В мордовской литературе билингвальные процессы наиболее отчетливо проявились, прежде всего, в жанрах прозы и поэзии. В драматургическом творчестве билингвизм как художественно-эстетическое явление встречается реже. Но и здесь есть образцы индивидуально-авторского творчества на двух языках.

В статье выявляется художественная специфика билингвального творчества драматурга А. Пудина, определяются причины, повлиявшие на выбор им языка создания пьес. В качестве материала исследования были использованы тексты произведений драматурга, созданные им на мокшанском и русском языках и опубликованные как в отдельных изданиях, так и на страницах журнала «Современная драматургия».

Обсуждение

Билингвизм как литературно-художественное явление весьма многогранен, к его определению сложились разные подходы. В узком понимании билингвизм — «оригинальное творчество, основанное на взаимодействии двух языков и культур» [1. С. 205]; широко — к вышесказанному добавляется еще художественный перевод.

В отечественном литературоведении традиционно выделяют три типа художественного билингвизма. К нему относят творчество на родном и русском языке, творчество нерусского автора на русском языке, а также авторский перевод с родного языка на русский, но иногда с русского на родной [2; 3].

Однако до сих пор в науке нет единого подхода к определению художественного, или литературного, билингвизма. Кроме выше указанных наиболее часто выделяемых критериев билингвизма некоторые ученые под билингвизмом понимают взаимодействие в творчестве писателя или в конкретном произведении лексики двух языков [4].

Весьма дискуссионным остается вопрос об авторском переводе. Отдельные исследователи данное явление подвергают критике и считают, что это «чистое надувательство, причем не столько читателя, сколько обман самого себя» [5. С. 29]. Но авторский перевод является уникальным художественным процессом, в котором взаимодействуют два аспекта: 1) освоение

национальной картины мира через иноязычное творчество; 2) открытие новых граней авторской индивидуальности писателя, расширение его художественно-эстетических возможностей в передаче мировосприятия через зашифрованный в языковых парадигмах неродной культурный код. Такой подход к авторскому переводу нам кажется более объективным. Как правило, воспитанный на национальных традициях и хорошо владеющий русским языком писатель-билингв лучше может передать этнические особенности, которые являются предметом художественной рефлексии автора в произведении.

Отличительной чертой отечественного литературно-художественного процесса советского и постсоветского периода является интенсивное развитие национальных литератур России не только на родных языках, но и активное использование русского языка как второго равноправного в этнической литературе. Происходят взаимопроникающие «культурные контакты, уникальные коммуникативные кодовые переключения, культурные, гибридные модели и структуры, рождаются социокультурные феномены» [6. С. 264]. Таким образом, идет формирование уникального и весьма продуктивного такого явления, как билингвальное творчество, которое стало неотъемлемой частью всех национальных литератур нашей страны, и его необходимо исследовать.

Билингвизм как художественное явление, занимающее определенное место в отечественном литературном процессе, все чаще становится объектом научного анализа. Данная тенденция распространяется и на мордовское литературоведение. Проблема художественного билингвизма в литературе Мордовии более детально начинает анализироваться национальными исследователями с 1980-х гг., когда появляются диссертационные исследования, посвященные общим вопросам билингвизма в мордовской литературе или творчеству конкретных писателей-билингвов [7–9].

В мордовской литературе художественный билингвизм — национально-русский — имеет свою специфику, которая сформировалась в силу объективных историко-культурных причин. Его изучение свидетельствует, что «данное явление было присуще мордовской литературе на всех этапах ее существования — от зарождения до современного состояния. Более того, именно русскоязычное творчество национальных писателей, в силу определенных исторических, социальных и общекультурных условий, сформировало истоки литературного процесса у мордвы» [7. С. 8].

Первые национальные писатели в начале своего творчества создавали свои произведения на русском языке. Ярким примером этого является творчество основоположника мордовской литературы З.Ф. Дорофеева. На начальном этапе своего творчества он пишет на русском языке. Об этом свидетельствует первый его поэтический сборник «Песни и думы народного учителя», вышедший в 1912 г. Кроме оригинальных авторских произведений в сборник

вошли несколько народных песен, переведенных автором с мокшанского языка на русский. Поздний период творчества поэта примечателен тем, что он создает произведения на родном мокшанском языке. В 1925 году выходит сборник его стихов «Эсь моронеке» («Свои песни»), в который, кроме стихов собственного сочинения, вошли революционные песни, переведенные им же уже с русского языка на мокшанский.

Веской причиной перехода к двуязычному творчеству стали преобразования в общественной и культурной сфере после революции 1917 г., когда стала проводиться политика усиления роли и функции национальных языков. С 1920-х годов начинается массовое издание художественных произведений, в том числе и на мордовских мокша и эрзя языках. Для этого были созданы все условия как организационно-идеологические, так и производственно-технические.

С этого времени начинает складываться своеобразное художественно-эстетическое явление в истории мордовской литературы — так называемая русскоязычная литература Мордовии, которая имеет самое непосредственное отношение к билингвальному творчеству. Некоторые этнические писатели в своем творчестве языком произведений выбирают русский, например, А. Дорогойченко, А. Завалишин, Д. Морской. В их произведениях достоверно и с большой убедительностью передаются яркие картины жизни мордвы, вырисовываются характеры, которым присущи национальные черты. Все это писатели передают в русскоязычных текстах, при этом сохраняют все тонкости этнического мировосприятия.

В мордовской литературе билингвизм активно развивается и в последующие периоды. В 1950–1980-е годы он выходит на новые художественно-эстетические рубежи, которые свидетельствуют о расширении жанрово-тематического диапазона, освоении новых художественных форм писателями-билингвами. В этом отношении примечательно творчество Т. Якушкина, который создал ряд романов на русском языке, художественно интерпретирующих национальную действительность и убедительно раскрывающих этнический внутренний мир персонажей. К таковым относятся «Зеленая долина», «Ветка яблони», «Лысая гора». В поэзии следует выделить творчество И. Пиняева — автора большого количества лирических стихотворений и поэм, раскрывающих внутренний мир лирического героя и отличающихся философским осмыслением жизни. Наиболее заметными в этом ряду поэмы «Алена», «Мужество», «Высота».

На рубеже веков творчество писателей-билингвов приобретает иные эстетические оттенки, позволяющие обращаться к ранее не востребованным темам и создавать новые образы, которые свидетельствуют об интенсивных поисках писателей в новых жизненных реалиях. В эту парадигму художественного расширения вписывается драматургическое творчество

одного из ярких представителей новой плеяды мордовских писателей Александра Пудина.

Его драматургический дебют состоялся в 1987 г. пьесой «Шава кудса ломатть» («В пустом доме люди»), написанной на мокшанском языке и изданной отдельной книгой Мордовским книжным издательством в 1988 г. Уже через год она была опубликована на русском языке в журнале «Современная драматургия». На русский язык пьеса была переведена самим автором. Таким образом, через самоперевод А. Пудин заявляет о себе как о билингвальном авторе, который свободно использует в своем творчестве и родной мокшанский язык, и русский, ставший впоследствии основным языком его драматургических произведений.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. — особенный период в творчестве драматурга, когда для создания пьес использует он мокшанский язык, но параллельно занимается самопереводом. В 1991 году выходит сборник пьес «Кудьюрхта» («Очаг»), куда вошли «Шава кудса ломатть», а также пьесы «Уроз ваймонди уженья» («Угол для сирот») и «Каназор». В этом же году пьеса «Очаг» в авторском переводе публикуется в журнале «Современная драматургия», а пьеса «Угол для сирот» с несколько расширенным названием «Анахореты, или Угол для сирот» на русском языке опубликована Репертуарно-издательским отделом Министерства культуры СССР.

В творчестве А. Пудина намечается весьма плодотворный процесс, когда он с одинаковым успехом пользуется двумя языками. На это указывают постановки его пьес на мокшанском и русском языках на сценах театров не только Саранска, но и других городов и рецензии авторитетных театральных критиков на страницах журнала «Современная драматургия». В. Тур, представляя пьесу «В пустом доме люди», дает положительную оценку молодому региональному драматургу. При этом он делает акцент на реалистическом аспекте его творчества, что в то время было не совсем типичным явлением, и отмечает: «...сюжеты его пьес взяты прямо из жизни, герои увидены автором в действительности... И ведь прозрачно ясно все в пьесах драматурга из Мордовии, вот уж какая беда!» [10. С. 105].

Осуществляя автоперевод, драматург стремится сохранить этнический колорит своих пьес. Ему это вполне удается, так как он сам носитель культурного кода своего народа. От этого русскоязычный текст становится таким же естественным и нисколько не утрачивает национальной специфики, которая заложена в изначальном варианте на мокшанском языке. Пусть теперь его герои говорят на русском языке, но они по-прежнему остаются представителями своего этноса.

При авторском переводе драматург стремится сохранить особенности речи своих персонажей, так как именно через нее раскрываются индивидуальные черты героев, выявляются этнические особенности их мировоззрения и глубинные поведенческие мотивы, заставляющие совершать поступки,

которые характеризуют персонажей. Так, в устах весьма набожной Полочки, персонажа пьесы «В пустом доме люди», Николай-угодник все равно остается Миколаюшкой-угодничком. Особенность мокшанской речи — употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов — сохраняется и в русскоязычном варианте произведения. Этнозация имен собственных — широко распространенное явление (Николай — Микола — Миколай).

Если в конце 1980 — первой половине 1990-х гг. в творчестве А. Пудина преобладает мокшанский язык и самоперевод на русский, то, начиная со второй половины 1990-х гг., драматург все чаще для создания пьес использует русский язык. Первый русскоязычный сборник пьес «Ой, куница играет...» А. Пудина вышел в 1998 г., следующий — «Назад — к победам!» — в 2007 г. Своеобразным итогом русскоязычного творчества драматурга стало трехтомное издание его пьес в 2008 г. Возникает вопрос, почему так происходит, в чем здесь причина? Ответ вполне очевиден. При личной беседе с одним из авторов данной статьи драматург о языке своих пьес немного в шуточной форме ответил: на каком заказывают, на таком и пишу. Именно в это время у А. Пудина расширяются творческие связи с театрами и режиссерами. Он выходит далеко за пределы мордовской театральной действительности. Его пьесы начинают активно ставить во многих театрах нашей страны. Переход на русский язык «разомкнул» творческие горизонты драматурга, его пьесы получили возможность быть поставленными на русскоязычной сцене.

В билингвальном творчестве А. Пудина нашло отражение «национальное самосознание — психологическое, духовное, чувственное ощущение народа, представителем которого он является, а также предмет творческих интересов и объект художественного отражения, коллизии данной национальной действительности, предполагающие знание глубинных процессов быта, истории, нравов, традиций, исторической эволюции народов» [11. С. 82]. Все эти составляющие позволяют передать драматургу тонкости национального миропонимания, традиционные ценности, присущие этносу. А. Пудин, знаток мифологии и устной традиции своего народа, использует национальный миф для раскрытия не только внутреннего мира своих персонажей, но и авторской концепции, заложенной в коллизию произведения. В русском тексте его пьес эта особенность приобретает новое звучание, которое передает всю прелесть этнического мировосприятия героев, остающихся верными своим национальным традициям и стремящихся их сохранить.

Примером того, как интерпретируется национальный миф в русскоязычном произведении, является пьеса «Кордон», впервые опубликованная в трехтомнике пьес Пудина. В ней отчетливо проявляется авторская картина мира, истоки которой лежат в национальной мифологии. Ее интерпретация драматургом воссоздает своеобразный диалог, сочетающий в себе этнические моральные воззрения на окружающую действительность, переданную посредством русского языка, так как «национальная самоидентификация автора

проявляется в тексте произведения независимо от того, на каком языке оно написано, в выборе автором поэтических средств изображения, в созданных им художественных образах, в тематическом отборе» [12. С. 5].

Для художественного отображения современности, выявления коллизий между персонажами драматург обращается к мифологическому представлению древней мордвы о трехуровневом мире, выраженном в образе мирового дерева — дуба, где нижний уровень — подземный (потусторонний), средний — земной, верхний — небесный, на котором обитают божества. Посредством актуализации национального мифа драматург погружает нас в психологию персонажей, раскрывает их потаенные побуждения, эксплицирует этнические черты характеров.

Драматург, создавая пьесу на русском языке, в полной мере сохраняет в ней этнические краски, позволяющие русскоязычному читателю и зрителю погрузиться в пространство, в котором действуют персонажи с яркими национальными чертами.

Анализ драмы А. Пудина «Кордон» позволяет говорить о том, что владеющий двумя культурными кодами писатель при создании произведения на другом языке регулярно использует образно-изобразительные, лингво-поэтические элементы национального мифа. Драматург способен глубже анализировать поведение персонажей, обнажить их индивидуальные этнические черты. Мифологизм в пьесе является смыслообразующим компонентом, объединяющим и действие, и персонажей. Через интерпретацию национального мифа драматург стремится раскрыть конфликт произведения, показать его глубинный смысл. Фольклорный материал и мифопоэтика явились одной из приоритетных составляющих в семантической и структурной организации текста драмы А. Пудина «Кордон» и обусловили ее структурно-стилевую специфику, отражающую этнические черты персонажей и конфликтной коллизии.

Билингвальное творчество А. Пудина подчеркивает сложившуюся в мордовской литературе традицию использования наравне с национальными языками русского языка, способствующего всестороннему развитию этнического художественного процесса, его выходу на более высокий эстетический уровень и расширению читательской аудитории.

Заключение

Билингвизм как художественное явление в истории мордовской литературы складывается с момента формирования этнической письменной словесности и функционирует на всем протяжении ее развития. Наиболее выразительно проявившееся в жанрах прозы и поэзии, двуязычие наблюдается место и в драматургическом творчестве. Свидетельство этому — творчество А. Пудина, пьесы которого стали значительным явлением не только

национальной, но и отечественной драматургии конца XX — начала XXI в. Для создания своих произведений драматург в равной степени использует как родной мокшанский язык, так и русский. Отличительными чертами его билингвального творчества являются постепенный переход от родного языка к русскому, параллельное творчество на обоих языках, самоперевод пьес, изначально написанных на мокшанском языке, на русский. Рассмотренные в статье реалии творческого процесса укладываются в рамки определения художественного (литературного) билингвизма, данного ведущими отечественными исследователями этого явления, и свидетельствует о расширении его границ в мордовской литературе.

Список литературы

1. *Туксаитова Р.О.* Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 198–206.
2. *Гусейнов Ч.Г.* Этот живой феномен: советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Сов. писатель, 1988.
3. *Иванов В.В.* Язык великого братства: русский язык как средство межнационального общения народов СССР. Москва: Знание, 1986.
4. *Гируцкий А.А.* Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск: Университетское, 1990.
5. *Чайковский Р.Р.* Поэтический перевод в зеркале мнений. Магадан: Кордис, 2007.
6. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А.* На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки 2021. № 6 (2) С. 263–273. URL: https://filolnauki.ru/ru/system/files/16_20.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
7. *Васильева Р.П.* Художественный билингвизм в мордовской литературе и его национально-стилевая природа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1991.
8. *Снитко О.И.* Художественная интерпретация нравственных проблем в современной литературе Мордовии: на материале русскоязычной прозы 80–90-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998.
9. *Тростина М.А.* Проза русскоязычных писателей Мордовии 60–90-х годов XX в.: идейно-эстетические аспекты и вопросы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2000.
10. *Тур В.* Две ловушки для молодого драматурга // Современная драматургия. 1989. № 3. С. 105.
11. *Гусейнов Ч.Г.* О двуязычии в художественном творчестве: история, теория, практика // Вопросы литературы. 1987. № 9. С. 79–112.
12. *Казакова М.В.* Проблема билингвизма в поэзии А.И. Мишина 1970–1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2020.

References

1. *Tuksaitova, R.O.* 2005. "Literary bilingualism: to the definition of the concept". *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* 39: 198–206. Print. (In Russ.).
2. *Gusejnov, Ch.G.* 1988. *This Living Phenomenon: Soviet Multinational Literature Yesterday and Today*. Moscow: *Sovetskiy pisatel'* publ. Print. (In Russ.).
3. *Ivanov, V.V.* 1986. *The language of the great brotherhood: the Russian language as a means of interethnic communication between the peoples of the USSR*. Moscow: *Znaniye* publ. Print. (In Russ.).

4. Giruckij, A.A. 1990. Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, language processes. Minsk: Universitetskoe publ. Print. (In Russ.).
5. Chaikovskiy, R.R. 2007. Poetic translation in the mirror of opinions. Magadan: Kordis publ. Print. (In Russ.).
6. Bahtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and Tokareva N.A. “At “Agora” agenda today: approaches to the study of translanguing literature”. *Scientific Essays of Higher Education* 6 (2): 263–273. Web. Url: https://filolnauki.ru/ru/system/files/16_20.pdf Access date 07. 12. 2022. (In Russ.).
7. Vasil’eva, R.P. 1991. “Literature bilingualism in Mordovian literature and its national and stylistic nature”: Candidate Thesis. Saransk. 17 p. Print. (In Russ.).
8. Snitko, O.I. 1998. “Artistic interpretation of moral problems in the modern literature of Mordovia: on the basis of Russian-language prose of the 80–90s”: Candidate Thesis. Saransk, 167 p. Print. (In Russ.).
9. Trostina, M.A. 2000. “Prose of Russian-speaking writers of Mordovia in the 60–90s of the XX century: Ideological and aesthetic aspects and questions of poetics”: Candidate Thesis. Saransk, 201 p. Print. (In Russ.).
10. Tur, V. 1989. “Two pitfalls for a young playwright”. *Sovremennaya dramaturgiya* 3: 105. Print. (In Russ.).
11. Gusejnov, Ch.G. 1987. “On bilingualism in art: history, theory, practice”. *Voprosy literatury* 9: 79–112. Print. (In Russ.).
12. Kazakova, M.V. 2020. “The problem of bilingualism in the poetry of A.I. Mishin in the 1970s-1990s”: Candidate Thesis. Petrozavodsk, 186 p. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Антонов Юрий Григорьевич — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: antonov-ug69@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7594-8109
eLibrary SPIN 1527-4488

Кабанова Юлия Васильевна — аспирант кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. E-mail: julija0292@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1459-3591

Bio Notes:

Yury G. Antonov is a Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology of National Research Ogarev Mordovia State University. E-mail: antonov-ug69@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7594-8109
eLibrary SPIN 1527-4488

Julija V. Kabanova is a Graduate student of the Department of Finno-Ugric Philology of National Research Ogarev Mordovia State University. E-mail: julija0292@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1459-3591

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-368-378

EDN: JVRUVC

Научная статья

Солнце vs Луна в мифопоэтической картине мира удмуртского поэта-билингва Вячеслава Ар-Серги

Е.В. Пантелеева

Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 426034, Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
✉ zhenechka-kharitonova@mail.ru

Аннотация. Одной из наиболее перспективных тем современных гуманитарных исследований является русскоязычное творчество национальных авторов. Вопрос о сохранении их самобытности в ином языковом поле является сложным и неоднозначно освещается в научной литературе. Не менее значимым представляется вопрос о проявлении этнокультурных маркеров в их русскоязычном творчестве. Целью исследования явилось изучение образной системы на материале русской поэзии удмуртского писателя Вячеслава Ар-Серги. Анализ его творчества проводится на примерах функционирования образов солнца и луны, которые более точно указывают на уникальность религиозно-мифологического мышления этноса, а также на уровень взаимопроникновения разных литературных пластов. Установлено, что в удмуртской картине мира главенствующее место занимает образ Солнца, олицетворяющего верховного Бога — Инмара. В удмуртской мифологии солнце часто противопоставляется луне. Проведенный сопоставительный анализ показал, что в русскоязычном творчестве В. Ар-Серги образы небесных светил представляются по-разному. Показано, что солнце символизирует жизнь, перерождение, а луна становится олицетворением душевного состояния лирических субъектов. Наше исследование подтверждает, что в своей русскоязычной поэзии В. Ар-Серги продолжает транслировать внутреэтнические сюжеты, соотносимые с нарративами мировой литературы, мифологии, культуры.

Ключевые слова: образ, солнце, луна, удмуртская картина мира, мифология

История статьи: поступила в редакцию: 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Пантелеева Е.В.* Солнце vs Луна в мифопоэтической картине мира удмуртского поэта-билингва Вячеслава Ар-Серги // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 368–378. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-368-378>

© Пантелеева Е.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sun vs Moon in the Mythopoetic Picture of the World of the Udmurt Bilingual Poet Vyacheslav Ar-Sergi

Evgenia V. Panteleeva

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426034, Udmurtia, Russian Federation
✉ zhenechka-kharitonova@mail.ru

Abstract. The Russian-language creativity of national authors is one of the most relevant topics of modern research. The issue of the preserving their identity in a different language field is complex and is ambiguously covered in the scientific literature. The matter of manifestation of ethno-cultural markers in their Russian creativity is no less important. Based on the questions posed, the aim of the article was to study the imagery (on the material of Russian poetry by the Udmurt writer Vyacheslav Ar-Sergi). The analysis of his creative works is carried out on the examples of the imagines of the Sun and the Moon, which more accurately indicate the uniqueness of the religious and mythological thinking of the ethnos, as well as the level of interpenetration of different literary layers. We have found out that the dominate place is occupied by the imagine of the Sun personifying the Supreme God — Inmar in the Udmurt picture of the world. The Sun is often opposed to the Moon in Udmurt mythology. The comparative analysis has shown that the images of heavenly bodies are differently presented in the Russian-language works of V. Ar-Sergi. We have established that the Sun personifies life, rebirth, and the Moon becomes the embodiment of the mental state of lyrical subjects. Our research confirms that, in his Russian-language poetry, V. Ar-Sergi continues to broadcast intraethnic plots correlated with the narratives of world literature, mythology, culture.

Key words: image, the Sun, the Moon, Udmurt picture of the world, mythology

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Panteleeva, E.V. 2023. “Sun vs Moon in the Mythopoetic Picture of the World of the Udmurt Bilingual Poet Vyacheslav Ar-Sergi”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 368–378. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-368-378>

Введение

Исследования художественных текстов с точки зрения межлитературного диалога и транскультурных коммуникаций представляются актуальными. Особое внимание отводится мифопоэтическому срезу авторского высказывания, который вбирает в себя представления как о мире человека, так и о мире природы, выражает грани их взаимодействия. Мифология для писателя-этнофора становится воплощением вселенского триединства человека — физического, метафизического, трансцендентального.

В то же время миф является способом самовыражения, формой мышления, осмысления жизни.

Художественное постижение человеческого бытия предопределило обращение авторов к изучению космического, небесного пространства. Космонимы представляют собой многогранную область мифопоэтического восприятия окружающего мира. Следует отметить, что данная тема широко распространена не только в литературе, но и в других сферах искусства.

Многообразие символики небесных светил отражено в работах отечественных исследователей (Г.Д. Гачев [1], Вяч. В. Иванов [2], Е.М. Мелетинский [3], Т.Н. Скок [4], В.Н. Топоров [5] и др). Небесная символика в удмуртских поэтических текстах рассматривалась в работах В.Е. Владыкина [6], Т.Г. Владыкиной [7], А.А. Арзамазова [8], А.В. Камитовой [9]. Обращение к данной тематике в удмуртской литературной традиции обусловлено религиозно-мифологическими воззрениями этноса.

Символическое изображение неба и небесных светил и явлений (солнца, солнечного луча, луны, месяца, звезд, облаков и др.) неоднократно встречается в творчестве многих поэтов. Именно в этой связи перспектива данного исследования — изучение индивидуально-авторской системы преломления и комплекса мотивно-тематических кодировок обозначенных образов в национальной поэзии.

В качестве объекта исследования нами выбрана русскоязычная поэзия удмуртского писателя Вячеслава Ар-Серги. Космические нарративы широко представлены в его поэтических сборниках. В его понимании тема небесного мироздания неразрывно связана с выражением чувств и переживаний лирического героя. Заложённая в небесных образах процессуальность способствует раскрытию авторской этнической ментальности, этнопоэтическому осмыслению удмуртской религиозно-мифологической картины мира. С целью передачи художественной действительности поэт прибегает к использованию как явных, так и скрытых формулировок.

Материалы и методы

Исследование посвящено рассмотрению репрезентации образов *солнца* и *луны* в русскоязычной поэзии В. Ар-Серги. Материалом для работы послужили тексты из поэтических сборников «Сквозь очищающий огонь» (1998), «Облаков застывшие следы» (2001), «Rendez-vous. Условная встреча» (2004), «Дубрава на Луне» (2007), «Кама-кылбур» (2017), «С акцентом — моим...» (2021).

В ходе работы применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также мотивно-образный и контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

Образ Солнца — один из наиболее распространенных в русской литературе и главенствующий в системе религиозно-мифологических верований удмуртов.

В русскоязычных стихотворениях Ар-Серги образ солнца отождествляется с Всевышним, верховным богом удмуртов — Инмаром. Такое мифологическое ассоциирование прослеживается в одноименном стихотворении «Солнце»: «То налево, / то направо, / то за рошу, / то в отаву / солнце катится. / Я возьму его в ладонь. / ... / ... Не печаль и не слеза — / выжжет мне Инмар глаза / солнцем этим»¹. Примечательно, что анафорический зачин стихотворения подтверждает мнение о том, что «... обращение во время молитвы по сторонам света вслед за солнцем, движущимся по небу, и как бы ограничение моления только светлой половиной неба — свидетельствует, по-видимому, что под Инмаром скрывается дневное светило»².

В поэтическом произведении «Недопев» обнаруживается интересная семантическая деталь: в образе старика поэт зашифровал небесное светило — Солнце, а в образе старух — звезды. Очевидно, это своеобразная проекция удмуртского религиозно-мифологического мышления: в удмуртской культуре каждое божество может изображаться в человеческом образе, соотноситься с конкретной стихией / природным явлением:

... Удмуртских богов хоровод
Допевал, допивал, добивал —
Старичок обходил небосвод,
За собою старух зазывал³.

Оригинальными представляются строки из стихотворения «Пасха», описывающего торжество Великого христианского праздника: «На яйце пасхальном / Пляшут солнца лучи и точки»⁴. Здесь поэт имплицитно описывает пасхальные обрядовые обычаи удмуртов, согласно которым «верили, что солнце на Пасху „играет“» [9. С. 31].

Не смог оставить без внимания в своем творчестве В. Ар-Серги первичную, связанную с физической природой небесного тела символику света, освещения. О способности астрономических объектов излучать свет не раз упоминается в поэтических текстах Ар-Серги. Так, к примеру,

¹ *Ар-Серги В.В.* Сквозь очищающий огонь: Стихи / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 65.

² *Потанин Г.Н.* У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. 1884. Т. 3. С. 189–255.

³ *Ар-Серги Вячеслав.* Дубрава на Луне / Стихотворения. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 97.

⁴ *Ар-Серги В.В.* Rendez-vous. Условная встреча: Стихи / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 48.

в стихотворении «Возвращение» «блики солнца на гардине» [3. С. 82] «подсвечивают» внутренний конфликт лирической героини. В поэтическом тексте «Кораблежог» реализуется мифопоэтическое представление о силе солнца над тьмой: «Пелена тумана над рекой — / На вербные кроны сугробом. / ... / А к утру спадает пелена... / Солнце пляшет мачтами флотов» [6. С. 47]. В произведении находит воплощение универсальный «циклический» мотив: чередование белой и черной полосы, смены дня и ночи. Еще одним примечательным символическим конструктом, связанным с рассматриваемой символикой, является «свет души», который фигурирует в тех случаях, когда образ солнца сравнивается с чем-то особенным, возвышенным. Пример подобного рода можно увидеть в стихотворном послании «Друзьям-поэтам»: «Кол — этим ловкачам! А вы нужны — другим: / От света их сердец и Солнцу веселей!» [6. С. 10].

В аспекте солярной символики семантика тепла соотносится с витальностью. Данное свойство солнца В. Ар-Серги также активизирует в своих стихотворениях: «Сверкают длинные лучи. / Земной нарезав каравай, / хлопчет Солнце у печи»⁵; «Космический холод в ночи, / И Солнце остыло в печи»⁶. Отметим, что представленные художественные образы сопряжены с мифологическим восприятием «небосвода как „небесной печи“», которое привело «от макрокосмических пропорций к микрокосмическим, оттого небесные объекты обрели вполне близкий, „домашний“ вид: солнце, луна и звезды оказались „посажены“ в домашнюю печь» [7. С. 33]. Вместе с тем данная символика в приведенных примерах многогранна и характеризуется положительными коннотациями — преобладают лейтмотивы благодатной жизни и согласия с небесным миром. В проанализированных строках прослеживается антропоморфизм, присущий удмуртской фольклорной традиции, согласно которой солнце считается превыше богов. Показательно, что автор пишет название данного небесного объекта с заглавной буквы.

Одним из регулярных поэтических мотивов в творчестве Ар-Серги оказывается ассоциативная параллель солнца с образами — портретами близких, родных людей: «Друг, / как солнце сияя, / по улице резво шагал, / гордо выпятив грудь, / переполненный массой идей»⁷; «Ты с Солнцем весь мир обойдешь — / Всем детям стихов соберешь»⁸. При этом важно отметить, что большинство русскоязычных стихотворений составляют тексты, в которых природные, небесные объекты/явления выступают в качестве фона, сопровождающего развертывание событий.

⁵ Ар-Серги В.В. Сквозь очищающий огонь... С. 6.

⁶ Ар-Серги Вячеслав. Дубрава на Луне... С. 18.

⁷ Ар-Серги В.В. Сквозь очищающий огонь... С. 6.

⁸ Ар-Серги Вячеслав. «Кама-кылбур»: Лирика / Стихотворения. Ижевск: Удмуртия, 2017. С. 26.

Так, в стихотворении «Приметы» природа, погодные процессы становятся предвестниками скорой гибели: «Дед мой умер — / затменье, / как саван, / на солнце нашло»⁹.

Показательным представляется сравнение образа солнца с матерью: «Два солнца смотрят мне в глаза, / Как будто прогоняя тень / Прошедших лет... / О, как они сияли в день, / Когда родился я на свет! / Два солнца маминой груди, / Как согревали вы меня!»¹⁰. В таком образно-символическом отождествлении просматривается крепкая связь с родовыми корнями, взаимосвязь поклонений. В этом плане также интересен отрывок из поэтического произведения «Неудавшийся панегирик»:

И все-таки
в сердце любого удмурта
живет о них память,
как солнечный луч¹¹.

В центре сюжета стихотворения — судьба удмуртских «парней», которая, по замыслу автора, имеет два пути развития: первый — счастливый, второй — трагичный. Однако каким бы не был результат, их «история» становится уроком для многих поколений удмуртов.

Примечательно, что в самых разных культурах солнце ассоциируется с мужским началом, а луна — с женским, а вместе они олицетворяют космическое единение. О неразрывности этих мифологических космических объектов упоминает поэт в стихотворениях «Рябиношка моя»: «Наше солнце сменяет Луна, / Нашу зиму сменяет весна» и «Лишний человек»: «Нету Солнца давно. / Лишь Луна / в беспредельном просторе зевает, / свесив ноги свои с облаков, / дышит, / светит, / а — как нежива...»¹².

В. Ар-Серги в рамках своих поэтических произведений не раз подчеркивает знаковость образа луны (месяца), которая является неотъемлемым атрибутом небесного ландшафта. Этот символ переходит из стихотворения в стихотворение, но выражает разные смысловые грани. Образ луны у Ар-Серги по своей частности не уступает образу солнца.

Луна в поэтическом представлении поэта — это прежде всего олицетворение «одиночества»: «Плывет над избами / луны унылый лик»¹³; «В небе плывет Луна, / будто ненужная ложка»¹⁴; «В черном небе желтая Луна — / Кажется, /

⁹ Ар-Серги Вячеслав. Облаков застывшие следы: Стихи / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск, 2001. С. 76.

¹⁰ Ар-Серги В.В. Rendez-vous... С. 108.

¹¹ Ар-Серги В.В. Сквозь очищающий огонь... С. 19.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 67.

Одна на всю Вселенную»¹⁵. По-видимому, такая ассоциативная сопряженность обусловлена ночным временем суток. Как правило, в этот период человек находится наедине с собой, своими мыслями, чувствами, воспоминаниями.

Особый романтический лиризм одиночества проявлен в стихотворении «Ты»:

Луна у каждого — своя,
Лишь Солнце — общее для всех.
Беда у каждого — своя,
Весна же — общая для всех¹⁶.

Эти строки примечательны тем, что перекрестная рифмовка создает пары сравнительных оборотов, отождествляющих через призму природных явлений душевные переживания лирического героя.

В русскоязычных стихотворениях В. Ар-Серги видное место занимает тема любви. Автор достаточно развернуто и многогранно изображает это чувство. При этом луна — символ чистого, искреннего чувства: «Ночь. / На руке моей ты уснула давно. / Твои мягкие кудри щекочут мне щеку. / И смотрит огромный месяц в окно / точно так же, как светит в речную протоку. / ... / Облака плывут навстречу Луне, / как щенки, что спешат приласкаться к хозяину. / Но к Луне прильнуть так уютно, / как ты ко мне, / не сумеют они, / не постигнут вовек нашу тайну»¹⁷. Создавая образ возлюбленной, поэт сравнивает ее глаза с «лунными яликами»¹⁸. Подобным образом автор стремится подчеркнуть подлинность, «возвышенность» испытываемых чувств.

Любовь у Ар-Серги способна преодолеть любые жизненные преграды:

Не испугать нас непроглядной тьмой.
Зажжем костер у лога...
Там сгустился,
Как черный деготь, липкий мрак
ночной.
Ты плачешь?
Вновь я своего «добился»
Нет слез моих давно — и
я не плачу.
Я бы восхитился
Своей слезе сегодня под Луной¹⁹.

¹⁵ Ар-Серги В.В. Rendez-vous... С. 66.

¹⁶ Ар-Серги Вячеслав. Дубрава на Луне... С. 21.

¹⁷ Ар-Серги В.В. Сквозь очищающий огонь... С. 69.

¹⁸ Ар-Серги Вячеслав. Облаков застывшие следы... С. 97.

¹⁹ Ар-Серги В.В. Rendez-vous... С. 36.

Таковыми препятствиями, как правило, выступают природные явления, которые способствуют созданию в стихотворении двух фонов — реального и иносказательного.

Нельзя не отметить мистическую, сверхъестественную сторону данного образа. Луна становится своего рода символической проекцией потустороннего мира. Так, в стихотворении «Лишний человек» образ луны сопряжен с мотивом «последнего пути» человека: «— Мултэс Мурт, / разве ты позабыл наш закон? / Уходи по дороге Луны. / Может быть, / хоть она / непутевого / вновь наставит на истинный путь...»²⁰. Здесь, прибегая к верлибру, поэт повествует о религиозно-мифологическом обряде изгнания провинившегося, обреченного на смерть. Важно подчеркнуть, что в целом религиозно-мифологический пласт удмуртской культуры становится основой русскоязычной поэзии В. Ар-Серги. В этом образно-ассоциативном пространстве поэт находит символы, которые оригинальны, этнокультурно-выразительны, незнакомы русскоязычному читателю.

В поэтическом тексте «Лось» обыгрывается представление о месяце как спутнике смерти:

Ах! Земелька моя!
Ты — комками кутья.
...
Месяц смурной —
Свечой поминальной²¹.

Подчеркнем, что здесь «кутья» и «месяц» взаимосвязаны фольклорно-религиозными установками, выступают атрибутами поминальных обрядов.

Ассоциирование луны с подземным миром — ожидаемый художественный ход для поэта. В стихотворении «Перекресток» своеобразным небесным связующим между мирами выступает луна: «В случайности чужого нам постоя / Луна язык покажет нам в ответ, / Дразня небесностью покоя, / Но нам туда дороги нет»²². Интерпретацию поэтического текста облегчает заглавие: перекресток символизирует сомнения, душевные метания лирического героя. В свою очередь, «постоя» репрезентирует мысль о «последнем пристанище», которое остается недостижимым для лирического субъекта.

В стихотворении «Полнолуние» Ар-Серги выстраивает сюжетную линию, в которой Луна олицетворяет Всевышнего: «А в полнолчии своем / Луна холодным светом / Властна над миром: / ... / Ах, как чужда же ты, Луна — /

²⁰ Ар-Серги В.В. Сквозь очищающий огонь... С. 94.

²¹ Ар-Серги Вячеслав. Дубрава на Луне... С. 87.

²² Ар-Серги Вячеслав. «Кама-кылбур»... С. 63.

Серебряный овал. И равнодушна / К теченьям лет, эпох, веков, / Приходам и уходам чудаков»²³. В данном контексте наблюдается коннотативное значение хода времени, не подвластного человеку. Создавая образ, поэт оперирует иносказательными, кодированными формулировками: «И даже ведьмы облетают далеко / Твой галактический оптический глазок», которые подчеркивают ее связь с темными силами.

В последней строфе поэт актуализирует религиозно-мифологический подтекст образа:

Всем исполать небесного огня,
И солнечного, лунного — вполне!
О, Господи, дай слез — заплакать,
Очистить душу, взгляд...
А то при Солнце,
При Луне —
Тебя нам не видать...²⁴

Благосклонность небесных светил к человеку, их власть над его судьбой — мировоззренческая аксиома для многих традиционных культур.

В поэтическом развертывании лунной символики у Ар-Серги особое значение приобретает водная стихия. Доказательство тому — строки из стихотворения с символическим названием «Лунная девушка»: «В небо взглянул — и привиделось мне: / Девушка воду несет по Луне / ... / Девушке, видимо, скучно одной — / Некого потчевать лунной водой. / Будь с нею рядом, я бы эту водицу / Пил да хвалил неустанно девицу. / Жаль, не достанется мне никогда / Сладкая лунная эта вода»²⁵. В приведенном отрывке поэт в сжатом виде пересказывает мифологическое предание, согласно сюжету которого «к луне обратилась девушка, прося у нее заступничества» [7. С. 38–39]. В действительности водная поверхность служит зеркалом, обратным отражением. А вода, как и зеркало, является метафорическим оттиском луны. Поэтому традиционно луна мифопоэтически осмысливается как «портал», магическая связь между мирами.

По аналогии с мифологическими сюжетами приведенных произведений строится стихотворение «Лунная медаль»²⁶, в котором поэт сравнивает диск луны с медалью, которую «выдал Создатель / ... / Черному небу вдосталь, / Шаром округленную, / И полнолунную». При детальном прочтении произведения можно заметить, что лунный образ, по всей вероятности, восходит

²³ Ар-Серги В.В. С акцентом — моим...: стихи. М.: У Никитских ворот, 2021. С. 21.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ Ар-Серги В.В. Rendez-vous... С. 67.

²⁶ Ар-Серги Вячеслав. Дубрава на Луне... С. 81.

к шумерским мифам, в которых светлая сторона луны олицетворяла жизнь, а другая — темная — смерть, разрушение. Художественно репрезентируется эта мысль в заключительной строфе:

Лишь на обратной ее стороне
Слава Луны выше вдвойне —
Девушка мною воспетая
С водою идет неодетая²⁷.

В целом можно отметить, что яркость и необычность образов луны основывается на подражании архаической модели мира, показывает индивидуально-авторский вариант мифопоэтического мышления.

Выводы

Образы небесных светил в русскоязычной поэзии В. Ар-Серги символизируют различные душевные состояния лирического героя: от божественного просветления души до безнадежности, смерти. Поэт прорисовывает четкую грань между полярными объектами «солнце — луна», отводя каждому свою роль. В русскоязычных поэтических текстах Ар-Серги образы небесных светил становятся элементом эмоционального параллелизма, отражают события не только внутреннего (экзистенциально-психологического, этноментального), но и внешнего (физического, социального) пространства.

Языковое «переключение» Ар-Серги не оборвало его внутреннюю мировоззренческую связь с исходной удмуртской этнокультурой. Поэт продолжает на русском языке актуализировать мифологические контексты духовной культуры этноса, осваивать символическое пространство национального фольклора. Необходимо подчеркнуть, что внутриэтническими сюжетами его творчество не ограничивается. Поэта интересуют и сюжеты мировой литературы, мировой культуры. И в этом смысле русский язык становится культурным, интертекстуальным «мостом», работающим на расширение проблемно-тематического диапазона поэзии. Русскоязычное творчество Вячеслава Ар-Серги логично рассматривать и в контексте финно-угорско-славянско-тюркского этнокультурного взаимодействия. В творчестве Вячеслава Ар-Серги сосуществуют, взаимодействуют образно-символические пласты как финно-угорской, так и славянской модели мира. На наш взгляд, такое «соседство», творческое взаимоналожение оказывается чрезвычайно продуктивной «формулой» художественного письма. Реальность полилингвальности открывает национальному писателю новые этнокультуры, их выразительные возможности.

²⁷ *Ар-Серги Вячеслав. Дубрава на Луне... С. 81.*

Список литературы

1. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999.
2. *Иванов Вяч.Вс.* Огонь, Солнце и Свет в языках и культурах древней и средневековой Евразии // Огонь и свет в сакральном пространстве / ред. сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2011. С. 18–28.
3. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994.
4. *Скок Т.Н.* «Сонеты солнца, меда и луны» К.Д. Бальмонта как итоговая лирическая книга: мифопоэтика и архитектоника: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009.
5. *Топоров В.Н.* Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1980. С. 6–12.
6. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.
7. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: монография. Ижевск: МонПоражён, 2018.
8. *Арзамазов А.А.* Контексты художественного обновления национальной литературы: монография. Ижевск: Шелест, 2018.
9. *Камитова А.В.* Образы небесных светил в поэзии Кузубая Герда // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 6–12.

References

1. Gachev, G.D. 1999. National images of the world. Eurasia — the space of the nomad, the farmer and the mountainer. Moscow: Institut DIDIK publ. Print. (In Russ.).
2. Ivanov, Vyach.Vs. 2013. Fire, Sun and Light in language and cultures of ancient and medieval Eurasia. Hierotopy of light and fire. Moscow: Indrik publ. Print. (In Russ.).
3. Meletinskij, E.M. 1994. About literary archetypes. Moscow. Print. (In Russ.).
4. Skok, T.N. 2009. “Sonnets of the Sun, Honey and the Moon” by K.D. Balmont as a final lyrical book. Omsk. Print. (In Russ.).
5. Toporov, V.N. 1980. Myths of the World. Moscow. Vol. 2. Pp. 6–12. Print. (In Russ.).
6. Vladykin, V.E. 1994. The Udmurt religious and mythological picture of the world. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Russ.).
7. Vladykina, T.G. 2018. Udmurt folkloric mirotext: image, symbol, ritual. Izhevsk: MonPorazhyon publ. Print. (In Russ.).
8. Arzamazov, A.A. 2018. Contexts of artistic renewal of national literature. Izhevsk: Shelest publ. Print. (In Russ.).
9. Kamitova, A.V. 2010. “Images of heavenly bodies in the poetry of Kuzebay Gerd”. Finno-Ugric world 1: 6–12. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Пантелеева Евгения Владимировна — аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-8327-281X

Bio Note:

Evgenia V. Panteleeva is a Post-graduate student of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: zhenechka-kharitonova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-8327-281X

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-379-393
EDN: L FAGRR

Обзорная статья

Литературная жизнь и литературные бренды Екатеринбурга: ситуация конца 2010-х — начала 2020-х годов

Ю.С. Подлубнова

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, Екатеринбург, 620108, ул. С. Ковалевской, 16
✉ tristia@yandex.ru

Аннотация. Описывается литературное пространство Екатеринбурга конца 2010-х — начала 2020-х гг. в рамках парадигмы русскоязычной литературы, существующей поверх границ, но структурированной вокруг центра, обозначаемого как «условная Москва». Методика исследования сочетает анализ литературной жизни, социолитературный подход и теорию маркетинга мест. Речь идет не просто об агентах литературных полей и акторах внутри литературной ситуации, но и о литературных брендах, способствующих привлечению символического капитала на ту или иную территорию. Рассматриваются феномены *genius loci* А.Б. Сальникова, Е.В. Симоновой, функционирование культурных институций, формирующих литературное пространство города, ряд независимых проектов и инициатив. Особое внимание уделяется уровням взаимодействия литературы города с «условной Москвой».

Ключевые слова: Екатеринбург литературный, литературная жизнь, литературные бренды, *genius loci*, Алексей Сальников, Екатерина Симонова

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Подлубнова Ю.С. Литературная жизнь и литературные бренды Екатеринбурга: ситуация конца 2010-х — начала 2020-х годов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 379–393. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>

© Подлубнова Ю.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Literary Life and Literary Brands of Yekaterinburg: the late 2010s — early 2020s

Yu. S. Podlubnova

Institute of History and Archeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
st. S. Kovalevskoy, 16, 620108, Yekaterinburg, Russian Federation
✉ tristia@yandex.ru

Abstract. The article attempts to describe the literary space of Yekaterinburg in the late 2010s — early 2020s within the framework of the paradigm of Russian-language literature existing over the borders but structured around the center referred to as “conditional Moscow”. The research methodology combines the analysis of literary life, the socio-literary approach and the theory of place marketing. We are talking not just about agents of literary fields and actors within a literary situation but also about literary brands that help attract symbolic capital to a particular territory. The phenomena of genius loci of A.B. Salnikov, E.V. Simonova, the functioning of cultural institutions that form the literary space of the city, the work of a number of independent projects and initiatives are considered. Particular attention is paid to the levels of interaction between the literature of the city and the center “conditional Moscow”.

Key words: literary Yekaterinburg, literary life, literary brands, genius loci, Alexey Salnikov, Ekaterina Simonova

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Podlubnova, Yu.S. 2023. “Literary Life and Literary Brands of Yekaterinburg: the late 2010s — early 2020s”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 379–393. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-379-393>

Введение

В России так устроено: любой большой нестоличный город имеет свою литературу, литературные институции и инициативы, но только наличие брендов и genius loci [1–3] делает его видимым на литературной карте. При этом литературные бренды, будь то образы и символы или узнаваемые фигуры, часто носят исторический характер, они музеефицированы, нередко участвуют в общем процессе брендинга территории (довольно хорошо описанном в специальной литературе [4–6]). Мы исходим из того, что литературные реалии и фигуры, попадая в пространство медиа, получают внимание — основной капитал современного информационного общества. Исследователи вполне закономерно говорят о медийном статусе литературы [7], медиаимидже современных авторов [8], «литературе в контексте трендов и брендов» [9]. «Массмедиа, собственно, и структурирует теперь

все общее, публичное поле, объединяя включенных в актуальную культуру, словесность и искусство людей, укрепляя их роли и показывая нам их маски» [10. С. 115].

Гораздо реже встречаются бренды, рождающиеся из самой современности, привлекающие «здесь и сейчас» символический капитал в городское пространство. И тут имеют значение и широта аудитории, для которой бренд является узнаваемым, и экспертное признание феномена, без которого он останется лишь фактом массовой культуры. В любом случае, рассматривая литературную жизнь того или иного города или региона, приходится сводить воедино довольно разные явления и предпринимать реконструкторские усилия — почему бы в этом процессе не использовать не только методику тыняновского «Промежутка», но и теорию маркетинга мест, позволяющую оценить значение литературных феноменов для его самоопределения и позиционирования.

Глядя на общую карту литературных брендов России конца 2010-х — начала 2020-х гг. и неизбежно минуя столицы, где по определению сразу много всего, мы выделяем такие крупные центры, как Екатеринбург, Нижний Новгород и Казань, замечаем проекты в Красноярске, Ростове-на-Дону, Саратове, Самаре, Перми, Челябинске, Новосибирске, Вологде, а затем оцениваем города по степени известности тех писателей, поэтов, драматургов и критиков, которые в них проживают, — от Ярославля и Рязани до Калининграда и Владивостока. Однако модель пространства, ограниченная лишь территорией России, в разговоре о русской литературе вряд ли является самодостаточной. Литература, как известно, напрямую зависит от языка, а русский язык не принадлежит России и не подчиняется логикам территориальных границ. Да и само понятие «русская (национально ориентированная) литература» все отчетливее в критических дискурсах последних лет вытесняется «русскоязычной литературой» в значении ‘литература, создаваемая на русском языке и существующая поверх границ и наций’ [11]. Подобная трактовка русскоязычной литературы не отменяет распространенное понимание ее как региональной литературы, сосуществующей на конкретной территории с литературами на других языках [12], однако предлагает общую сумму региональных литератур, отменяющую не только логику границ, но и, к примеру, метафизику русскости. А потому в разговор о русскоязычных литературных центрах нельзя не включать Нью-Йорк, Берлин, или Израиль, Казахстан, а после 2022 г., заметно переместившего литераторов из крупных российских городов за пределы страны, — Ереван, Тбилиси и др.

И еще одно необходимое замечание. Как правило, творческая активность того или иного локуса приобретает символический капитал только в том случае, если становится своего рода неотменимым литературным фактом для центра. Но что сегодня считать центром, иерархизирующим столь протяженное литературное пространство? Столичную для России Москву?

Ее, но в связке с менее столичным Санкт-Петербургом? Уже к концу первого десятилетия XXI в. развитие интернета переформатировало поля медиа и географию русскоязычной литературы, поставив под сомнение привычный дуумвират столичных городов, как и сам принцип территориальной столичности. В нынешней ситуации жизни поверх границ справедливо отдавать роль центра наиболее насыщенным медийным и символическим капиталом институциям, проектам и фигурам. Во многом они по-прежнему связаны с Москвой, в которой сосредоточен почти весь российский издательский бизнес, работают самые крупные литературные премии и до кризиса независимой журналистики в конце 2010-х — начале 2020-х гг. имелся мощнейший медийный ресурс. Отчасти связаны и с Санкт-Петербургом, у которого также накоплены свои проекты, есть премии и медиа, однако нынешняя литература не ограничена этими городами. Литературный центр сегодня — это, скорее, «условная Москва», географически рассредоточенная по разным частям мира и представленная в медиа и соцсетях. Любая инициатива и любой автор могут и быть тем или иным образом подключенными к центру, встроенными в структуры «условной Москвы», получать внимание медиа, экспертного сообщества, и, в свою очередь, становиться потенциальным ресурсом для продвижения территории, с которой связаны инициативы и авторы.

Принимая во внимание сказанное выше, посмотрим на литературное пространство и литературный потенциал одного из российских городов-миллионников. Современный Екатеринбург — официальная столица Свердловской области и Уральского федерального округа, неофициальная столица Урала, четвертый в стране по численности населения и третий по объему экономики город, промышленный гигант с развитой инфраструктурой, сферами услуг и IT, высоким уровнем жизни, город с метро и небоскребом, спроектированным Норманом Фостером, с политиком федерального уровня — Евгением Ройzmanом — и широко известным благодаря федеральным программам и федеральной новостной повестке Ельцин Центром; город, в котором проводится Уральская индустриальная биеннале и где работает Коляда-театр, живут режиссер Алексей Федорченко, писатель Алексей Сальников, известные спортсмены, актеры и музыканты. Список достижений Екатеринбурга будет длинным, но и без его оглашения очевидно, что культурный и креативный потенциал города велик и в некотором роде предполагает как наличие бурной литературной жизни, так и присутствие в его пространстве некоторого количества литературных брендов.

Обсуждение

Как организована литературная жизнь Екатеринбурга? Справедливо ли утверждение, что Екатеринбург — третий литературный город России? Попробуем ответить на эти вопросы, уделив внимание группам,

принимающим решения «на границах» и «по поводу связей литературного сообщества с “внешними” подсистемами и контекстами» [13. С. 178].

Официальная сторона литературной жизни города устроена довольно характерно для крупного регионального центра. За поддержание городского историко-литературного наследия отвечает Объединенный музей писателей Урала (шесть музеев в Екатеринбурге и один в городе Сысерти) [14. С. 254–256], делающий ставку на фигуры Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова и только потом на условных современников — от И.В. Кормильцева и О.А. Славниковой до молодежи, перманентно пополняющей городское литературное сообщество. За современность в ответе региональные отделения союзов писателей (СПР и СРП) [14. С. 339–342] и Ассоциация писателей Урала [14. С. 25–26], ставящая целью объединение писательских организаций Урала, Сибири и Поволжья и активно работавшая до конца 2010-х гг. Научная библиотека им. В.Г. Белинского соединяет интерес к истории литературы и организации литературной жизни, предлагая как издательские проекты, так и мероприятия различного уровня, включая ежегодный книжный фестиваль с приглашенными знаменитостями¹. Самостоятельный актор в литературном пространстве города — Центр истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (руководитель — Е.К. Созина), ведущий работу над созданием академической истории литературы Урала [15]. Характерное представление: Екатеринбург равен всему Уралу [16]. Сектор издает сборники и монографии («Культура путешествий в Серебряном веке», «Борис Рыжий: исследования и материалы» и др.), курирует сайт «Литература Урала: исследования и материалы».

Ведущим литературным журналом в Екатеринбурге остается «толстый» «Урал» (главный редактор О.А. Богаев), переживший безденежные 1990-е гг. и ныне поддерживаемый за счет регионального бюджета. Последние 10 лет под эгидой «Урала» проходили презентации, круглые столы, несколько раз проводился Всероссийский фестиваль «Толстяки на Урале», привозивший в Екатеринбург редакторов «Знамени», «Нового мира», «Звезды», «Волги» и др. «толстяков», а также целый ряд известных писателей, поэтов и критиков².

Немалую роль в формировании городской творческой среды играют образовательные институции — гуманитарные факультеты УрФУ, УрГПУ (в обоих университетах образовались литературоведческие школы, занимающиеся в том числе исследованиями современной литературы) и ЕГТИ, специальность «Литературное творчество» (преподаватели: драматурги Н.В. Коляда, О.А. Богаев, поэт Ю.В. Казарин, писатель Р.В. Сенчин).

¹ Иванов Е. Библионнале#наурале. Начало // Знамя. 2023. № 2.

² «Толстяки на Урале». Материал подготовили Алексей Вдовин и Надежда Колтышева // Урал. 2016. № 2.

В городе выстроена система литературных премий, из которых примерно половину можно рассматривать как сугубо региональную. Другая половина разомкнута вовне и подключена к структурам условного центра. Таковы премия журнала «Урал»; Всероссийская литературно-критическая премия «Неистовый Виссарион», организованная на базе библиотеки им. В.Г. Белинского (среди лауреатов — критики О.А. Балла, Д.В. Бавильский, А.А. Конаков, И.В. Кукулин, В.И. Шубинский и др.)³; Международная детская литературная премия им. В.П. Крапивина (самые яркие лауреаты — А.В. Жвалевский, Е.Б. Пастернак, А.И. Строкина и др.) [17]⁴. Отчасти такая премия им. П.П. Бажова (ее получали В.П. Крапивин, О.А. Славникова, И.Ф. Сахновский, Н.В. Коляда, А.Б. Сальников, А.А. Матвеева, Я.А. Пулинович и др.), однако в последние годы, она все очевиднее замыкается на региональной повестке⁵.

Поддерживаются разными официальными структурами, государственными грантами такие проекты, как Содружество детских писателей Екатеринбурга (С.А. Лаврова, О.В. Колпакова, А.О. Щупов и др.) и Международный фестиваль фантастики «Аэлита» и одноименная премия в области фантастики, имеющая всероссийское значение.

Одной из особенностей литературной жизни Екатеринбурга является пересечение самых разных полей: официального и неофициального; драматургов и детских писателей (драматург Н.В. Колтышева занималась публикациями в журнале «Урал» произведений для детей); фантастов и литературоведов (фантасты знают в лицо исследователей их творчества, приходят на защиты диссертаций) и т.д. Такая литературная ситуация оказалась возможна именно из-за обзримости пространства обитания, ограниченности издательского и медийного ресурса: литераторы публикуются на одних и тех же площадках, в одних и тех же издательствах, участвуют в одних и тех же мероприятиях, о них пишут одни те же региональные издания.

К примеру, частное издательство «Кабинетный ученый» нередко выпускает книги, профинансированные музеями, университетами, институтами и одновременно поддерживает сугубо частные инициативы. Или другой пример: проект В.О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа» (проведение фестивалей, чтений, конференций, выпуск томов антологии «Современная уральская поэзия», поэтических сборников) поддерживался в том числе Екатеринбургским отделением СПР и его председателем Е.П. Касимовым.

Если официальные структуры, отчасти сохранившиеся с советских времен, отчасти отстроенные после 1991 г., осуществляют коммуникацию между региональными властями и полем культуры, то частные проекты

³ Соловьева Е. Завершитель, реаниматор, глубокопател, наблюдатель // Волга. 2022. № 9.

⁴ Не детские темы. О чем сегодня пишут лауреаты премии Владислава Крапивина // АиФ-Урал. 2018. 17 окт.

⁵ Комаров К. Что нам Бажов?.. Что мы Бажову? // Урал. 2012. № 1.

и инициативы являются независимыми и неподконтрольными. Подобных инициатив в Екатеринбурге 2010-х гг. было не так уж много, большая их часть оказалась связана с поэзией. Это издательство «Полифем» (организатор — поэт Р.М. Комадей), ориентированное на выпуск сборников русскоязычной поэзии и переводов: самые заметные проекты — книги Чарльза Симики, Кларка Кулиджа и Розмари Уолдроп. Это проект поэтических чтений «Стихи о» (кураторы Е.В. Симонова и Л. Собенина), хронология которого ведется с начала 2000-х гг. и связана с культуртрегерской деятельностью поэта В.В. Чепелева. Чтения проходят в барах Екатеринбурга, в них участвуют авторы разного возраста, разной направленности, разного уровня профессионализма — объединяет их установка на неподцензурность. В 2019–2020 годы в Екатеринбурге вел работу семинар «Ф-письмо» (участницы — Е.В. Симонова, Е.Ф. Баянгулова, Е. Джаббарова, Ю. Долгановских, А. Лукашенко, Н.А. Александрова и др.), напрямую связанный с петербургским «Ф-письмом» и одноименным поэтическим ресурсом, фактически поменявшим ландшафт и содержание актуальной русскоязычной поэзии конца 2010-х — начала 2020-х гг. [18]. Три екатеринбургские поэтессы даже были опубликованы в лондонской антологии F-letter (2020) (<https://www.pravilamag.ru/letters/218733-v-velikobritanii-vyshla-pervaya-antologiya-novoy-rossiyskoy-feministskoy-poezii-publikuem-esse-o-knige-amerikanskoj-poetessy-aylin-maylz>).

Неофициальные поэтические проекты в силу главным образом их коммуникативной открытости оказались более всего встроены в структуры «условной Москвы», а потому довольно заметно в конце 2010-х — начале 2020-х гг. репрезентовали регион за его пределами.

Отношения с географической и «условной» Москвой, без сомнения, являются проблемным узлом в сборке литературного пространства любого города и региона. Москва как комфортная городская среда и средоточие возможностей оттягивает человеческий ресурс из регионов. Из Екатеринбурга в Москву в последние годы уехали писательница А.А. Матвеева, поэтесса и критик Н.А. Александрова, поэт и издатель Р.М. Комадей, филолог, поэтесса Ю.С. Подлубнова, ближе к Москве переехал поэт и критик К.М. Комаров. Однако справедливости ради заметим, что Екатеринбург — один из редких городов, который не просто сохраняет и развивает творческое пространство, но привлекает сюда людей из центра. Так, в городе поселился покинувший Москву прозаик и публицист Р.В. Сенчин, и он уже написал екатеринбургский роман «Русская зима» (<https://dzen.ru/a/Y90S-k2XETiGocLo>). Кроме того, физическое оставление Екатеринбурга не означает прерывания прежних коммуникаций и моментального реформатирования литературного статуса: акторы литературной жизни, уехавшие даже в 1990–2000-е гг. (как, например, филолог М.Н. Липовецкий, поэт О.В. Дозморov) продолжают поддерживать отношения с городским литературным сообществом (исключение составляет

только О.А. Славникова) и считаться екатеринбургскими. Что же говорить про уехавших в 2010–2020-е гг.⁶?

Литераторы, остающиеся в Екатеринбурге, предпочитают разные способы взаимодействия с центром. Выпускают книги в московских издательствах: РЕШ (Р.В. Сенчин, С.С. Беляков, А.Б. Сальников), АСТ (Е.В. Соловьева), «Бомбора» (А.В. Кирьянова), НЛО (Е.В. Симонова), «Белый город», «Настя и Никита», «КомпасГид», «Самокат» (О.В. Колпакова, С.А. Лаврова), «Стеклограф» (А. Лукашенко) и т.д. Активно участвуют в премиальном процессе: премия «Национальный бестселлер» за 2018 г. и «НОС» от критического сообщества присуждены А.Б. Сальникову, третье место «Большой книги» в 2022 г. занял С.С. Беляков, лауреатом премии «Поэзия» (2019) в главной номинации стала Е.В. Симонова, победителем в поэтическом конкурсе «Эмигрантская лира» (2022) — Ю. Долгановских, в шорт-лист премии им. А.Т. Драгомощенко (2019) вошла подборка Е. Джаббаровой, в 2016 г. победителем Всероссийского поэтического слэма стал А. Вавилов. По-прежнему увеличивают символический капитал публикации екатеринбургских авторов в «толстых» литературных журналах: «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Воздух» и др., а также на порталах «Горький», Colta, «Артикуляция» и т.д. Участие в литературных мероприятиях в Москве, в книжных фестивалях по всей стране, в работе жюри авторитетных литературных премий, работа с театрами и режиссерами кино — все это, без сомнения, создает символический капитал авторам, проживающим в Екатеринбурге, и делает их обитателями «условной Москвы».

В некоторых случаях накопление символического капитала приводит к повышению интереса к авторам со стороны раскрученных медиа, что, в свою очередь, работает на создание персональных брендов. Если рассматривать пул екатеринбургских прозаиков, то на сегодняшний день самыми «тиражными» являются А.Б. Сальников, С.С. Беляков и А.А. Матвеева. А если учитывать еще и писателей-блогеров и считать личный блог медиаресурсом, то в секторе массовой литературы лидирует А.В. Кирьянова (YouTube — 626 тыс. подписчиков, «Яндекс.Дзен» — 363 тыс., Instagram* — 236 тыс., Telegram — 50 тыс.).

Феномен А.Б. Сальникова и вовсе заслуживает отдельного разговора. Известный в узких литературных кругах поэт нижнетагильской школы

⁶ Показательна проговорка переехавшей в Москву Анны Матвеевой, рассказывающей о посещении «Дежурной рюмочной» на Новом Арбате, где проводятся литературные мероприятия: «Нам бы в Екатеринбург такое» (Матвеева А. Четыре из пяти московских литературных мест оказались для меня новыми // Москвич Маг. 2021. 18 марта. <https://moskvichmag.ru/gorod/anna-matveeva-ekaterinburg-chetyre-iz-pyati-moskovskih-literaturnyh-mest-okazalis-dlya-menyapovumi>).

* Входит в корпорацию «Мета», деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

в конце 2010-х гг. довольно быстро стал одним из самых медийно капитализированных писателей поколения сорокалетних. Ученик поэта Е.В. Туренко, долгое время считавшийся «незамеченным гением»⁸ в начале 2010-х гг. занялся прозой, выпустил роман «Нижний Тагил» (2011, роман так и не был закончен и не получил никакого отклика). Рукопись следующего романа с названием «Отдел» передала в 2015 г. в редакцию журнала «Волга» поэтесса Е.В. Симонова. «Отдел» также был в основном проигнорирован критикой и остался вне премиального процесса. «Петровы в grippe и вокруг него», написанные год спустя, сначала повторили судьбу «Отдела». Фактически о «Петровых в grippe» широко заговорили через год после публикации, когда роман попал в листы премии «Большая книга» и его выделили среди прочих книжные обозреватели Е. Макеенко и Г.Л. Юзefович. Именно они запустили ту волну признания и почитания, которая ознаменовала выход писателя к столичной публике, а затем превращения и в своего рода литературный бренд. Немалую роль в капитализации персонального бренда писателя, получившего ныне внимание от самых разных медиаперсон, сыграл режиссер К.С. Серебrenников, автор постановки в Гоголь-центре и фильма, вышедшего на широкий экран в 2021 г. Сейчас А.Б. Сальников — один из самых известных российских писателей. Изображая Екатеринбург или Нижний Тагил в своих романах, он репрезентует провинциальную Россию [19]. В качестве *genius loci* А.Б. Сальников в некотором роде заместил О.А. Славникову, покинувшую Екатеринбург на заре 2000-х гг. и избравшую его в романе «2017» (2006).

Заканчивая разговор о прямых коммуникациях с «условной Москвой», нельзя не заметить открытость города к любого рода интервенциям из центра. Под ними мы понимаем выступления медийных литературных персон на площадке Ельцин Центра (в целом ориентированного на федеральную повестку), туры Всероссийского поэтического слэма, проходящие в городе, совещания молодых писателей, организованные Фондом СИЭП, а также многое другое, разнообразящее литературную жизнь и так или иначе работающее на привлечение символического капитала в литературное пространство Екатеринбурга.

Плотная включенность литературы города («структур групповой консолидации и межгруппового взаимодействия» [13. С. 175]) в пространство «условной Москвы» ведет к тому, что процессы, идущие в нем, оказываются общими, взаимопроникаемыми.

В частности, мы можем констатировать окончательное завершение эпохи постмодерна (столь значимого для городской литературы

⁸ Чепелев В. Непосредственно. О поэтическом генезисе успеха романов Алексея Сальникова // TextOnly. 2019. № 1 (48)), в начале 2010-х гг. занялся прозой, выпустил роман «Нижний Тагил» (2011, роман так и не был закончен

конца 1980-х — 1990-х гг.), озаменованное в Екатеринбурге уходом из жизни поэта, прозаика, апологета постмодерна А.С. Верникова (1962–2018) и фактическим молчанием писателя, сценариста фильма «Страна ОЗ» А.И. Ильенкова⁹. Прозаики-реалисты Р.В. Сенчин («Дождь в Париже», 2018, «Петля», 2020, «Русская зима», 2022 и др.) и А.А. Матвеева («Девять девятых», 2014, «Завидное чувство Веры Стениной», 2015, «Лолотта и другие парижские истории», 2016, «Катя едет в Сочи», 2021, «Каждые сто лет», 2022 и др.) стилистически не меняются с 2000-х гг. (времен расцвета «нового реализма»), как остается верен нарративным стратегиям исторического нон-фикшен (столь востребованного, если судить по общероссийскому премиальному процессу, в 2000–2010-е гг.) С.С. Беляков (книги «Гумилёв сын Гумилёва», 2012, «Тень Мазепы: украинская нация в эпоху Гоголя», 2016, «Парижские мальчишки», 2021). Эпоху метамодернизма и поворота к современности / социальности¹⁰, противопоставляемого в критике популярности исторических нарративов, репрезентует А.Б. Сальников.

Процессы, происходящие в драматургии, связаны во многом с кризисом «новой драмы»¹¹ (адептами которой в Екатеринбурге 2000-х гг. являлись бр. Пресняковы, В.В. Сигарев и др., довольно многочисленные ученики Н.В. Коляды [20]) и апофеозом репертуарного театра с его усиливающейся внутренней и внешней цензурой. С репертуарным театром (плюс современный российский кинематограф) в конце 2010-х — начале 2020-х гг. успешно работают О.А. Богаев, Я.А. Пулинович (один из самых востребованных в России драматургов) и И.С. Васьковская и др. Хотя, стоит заметить, что екатеринбургские «Коляда-театр» и Центр современной драматургии по-прежнему поддерживают любые эксперименты, и здесь возможна «новодраматическая» оптика драматурга Р.О. Козырчикова.

Детская литература, активно развивавшаяся в городе в 2000-е гг., в конце 2010-х — начале 2020-х гг. закономерно, если помнить о процессах, идущих в российском обществе, столкнулась с «культурой отмены». Так, в 2018 г. детский омбудсмен А. Кузнецова представила список из 16 «неприличных детских книг», в который попала повесть С.А. Лавровой «Куда скачет петушиная лошадь?» (<https://www.pravmir.ru/petushinaya-loshad-i-drugie-styidnyie-knigi-chto-proishodit>). В 2022 году по решению заместителя губернатора Свердловской области и по инициативе эксперта из Уральского государственного педагогического университета из библиотек области начали изымать

⁹ Барковская Н. И все женщины будут в раю // Урал. 2009. № 11.

¹⁰ Букша К., Голубкова А., Гуцко Д. [и др.]. Социальность в литературе: новый поворот? // Знамя. 2019. № 11.

¹¹ Я.А. Пулинович: «Мне кажется, что новая драма — это уже старая драма. Сейчас ее в чистом виде не существует: она существовала примерно до 2010 года» (Ярослава Пулинович: «Первую пьесу я написала в девять лет...» // Ревизор. 2020. 10 июня. <https://rewizor.ru/literature/interviews/yaroslava-pulinovich-pervuu-pesu-ya-napisala-v-devyat-let>).

повесть О.В. Колпаковой «Полярная елка», посвященную судьбе поволжских немцев во время Второй мировой войны (<https://mel.fm/novosti/6570892-v-uralskikh-bibliotekakh-propali-knigi-olgi-kolpakovoy-pro-russkikh-nemtsev-iz-zhaloby-chinovnika>).

Интенсивные процессы происходили в поэзии города и региона, получившей в 2010-е гг. мощный прилив «свежей крови» и энергии. Во-первых, в конце 2010-х гг. стал очевиден кризис проекта В.О. Кальпиди «Уральская поэтическая школа» [21]. Еще в 2013 г. за неимением признаков поэтической школы В.О. Кальпиди был вынужден перекалфицировать Уральскую поэтическую школу в Уральское поэтическое движение, обозначив его в первую очередь как инструмент формирования поэтического пространства региона [22]. Однако вышедший в 2018 г. 4-й том антологии «Современная уральская поэзия» показал, насколько эстетически разные, подчас несовместимые друг с другом поэты живут на Урале, репрезентовать их в рамках единого движения крайне проблематично. Тем не менее со времен расцвета Уральской поэтической школы осталось ощущение уральской поэтической общности, понимание, что Екатеринбург — лишь один из поэтических центров Урала, неотделимый, например, от Челябинска или Перми.

Во-вторых, в 2010 гг. общий кризис неподцензурной поэзии разделил поэтическое пространство на условных традиционалистов / пассаистов (отстаивающих использование силлаботоники в поэтических практиках, наработок классической поэзии и модернизма как ее части, лимитирующих проявления авангарда и поставангарда, и т.д.)¹², и таких же условных актуальных / новейших авторов (осваивающих потенциал верлибра, наследие поставангарда, ставящих задачи преодоления инерционных практик письма). Если говорить о екатеринбургских поэтах, то некоторые из них оказались внутри традиционалистской эстетики (Ю.В. Казарин, К.М. Комаров, А. Вавилов, И. Домрачева, А. Торопов и др.), некоторые так или иначе связаны с разными направлениями развития новейшей поэзии и поставангарда (Ю.М. Кокошко, Е.В. Симонова, Р.М. Комадей, А. Быков, В. Семенцул, Е. Ивачевский и др.), а некоторые постарались не выбирать одну сторону и присутствовать на всех полях (А.Ю. Санников, Е.В. Изварина, С. Ивкин, Ю. Долгановских). Более молодые екатеринбургские поэты, без сомнения, ощутили притяжение эстетик круга журнала «Транслит» (Р.М. Комадей, А. Смирнов, Е. Джаббарова времен сборника «Поэты Ромберга») и решительно отмежевавшегося от него «Ф-письма» (Е.В. Симонова, Е. Джаббарова и др.).

¹² Кузьмин Д. Кате Капович: Твой последний листок одинокий // Воздух. 2018. № 36; Скворцов А. О спорах «традиционалистов» с «новейшими» // Вопросы литературы. 2019. № 6

Собственно новейшую поэзию в Екатеринбурге и за его пределами в начале 2020-х гг. представляют поэтическая серия «InВерсия», организованная под эгидой одноименного челябинского поэтического фестиваля на базе издательства «Кабинетный ученый», и журнал «Здесь», аффилированный с издательством «Полифем». Оба екатеринбургских проекта ориентированы на глобальную повестку русскоязычной поэзии и включению в нее уральских поэтов. Оба получили признание внутри русскоязычного поэтического сообщества за пределами региона (о чем свидетельствуют многочисленные презентации, рецензии и отклики) (<http://articulationproject.net/15017>).

В-третьих, фактическая смена поколений, идущая в современной поэзии и произошедшая в Екатеринбурге в конце 2010-х гг., выдвинула на первый план и сделала самым узнаваемым за пределами города поэтом Е.В. Симонову. Об этом свидетельствует большое количество подборок ее поэтических текстов и критических отзывов на самых разных ресурсах, книга «Два ее единственных платья» (2020), вышедшая в серии «Новая поэзия» издательства НЛЮ и попавшая короткий список премии им. А. Белого, сборник под гетеронимом Анна Арно «Ты не заставишь меня открыть глаза» (2022), появившийся в серии «InВерсия» (<https://gorky.media/reviews/oberegi-iz-strannoraspolozhennyh-slov>). В 2019 году Е.В. Симонова стала лауреатом главной премии русскоязычного поэтического пространства «Поэзия» и героем поэтического журнала «Воздух» (№ 39). В 2020 году журнал «Новый мир» присудил Е.В. Симоновой премию Anthologia. Ее поэтические тексты за последние несколько лет были переведены на разные языки и вошли в антологии, выпущенные в разных странах. Как замечает Е.К. Созина, «Е. Симонова — подчеркнуто уральский поэт» [23. С. 117], *genius loci*, при этом при всей ее пространственной конкретности ее страсть к «странному коллекционированию» «людей, вещей и воспоминаний, как бы становящихся единой сущностью / веществом», и «пронзительное проговаривание личного опыта» (<https://prdg.me/ru/bessmertnee-ramjati>) несколько отодвигает топографию на второй план, хотя и не нивелирует ее вообще. Е.В. Симонова — в современном литературном сообществе признанная величина, однако ее медийный капитал существенно ниже, чем у А.Б. Сальникова, это персональный бренд для круга любителей поэзии и новейшей литературы.

Завершая разговор, зададим вопрос: можем ли мы обозначить процессы в пространстве русскоязычной литературы (прозы, поэзии, критики и т.д.), которые бы были запущены именно в Екатеринбурге? На данный момент, скорее, нет: Екатеринбург, как правило, следует общей повестке, не отставая от нее, но и не оказывая на нее формирующего воздействия. В этом смысле он не является литературной столицей (пусть даже третьей), задающей тренды и создающей бренды, хотя и провинцией его назвать довольно проблематично. Город провинциален только в тех проявлениях, которые

оказываются вне структур и внимания «условной Москвы». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что московская литературная жизнь также не во всех ее проявлениях подключена к этим структурам и подчас вполне провинциальна.

Заключение

Наше описание литературного пространства Екатеринбурга, разумеется, не претендует на полноту и всеохватность. Мы назвали только основное и самое заметное, что есть в литературе города. Город живет, развивается, меняется, его литература также находится в постоянном развитии: любые ее современные срезы через несколько лет теряют актуальность, коммуникации в рамках литературного процесса перенастраиваются, феномены и фигуры ротируются, несколько дольше сохраняется уровень взаимодействия с центром, экспансии и включения в общие процессы, идущие в русскоязычной литературе, что, собственно, мы и попытались зафиксировать в этой статье. Остается только посмотреть и оценить, насколько сегодняшние литературные бренды будут в исторической перспективе влиять на литературный ландшафт Екатеринбурга и определять его литературное реноме во всем русскоязычном пространстве.

Список литературы

1. Литовская М.А. Уральские гении места и формы их мемориализации // Литературный музей в современном мире. Екатеринбург: ОМПУ, 2011. С. 74–81.
2. Мельникова С.В., Кислова Е.А. П.П. Бажов — geniusloci и бренд Екатеринбург // Современный город: власть, управление, экономика. Пермь, 2015. С. 261–271.
3. Соболева Е.Г., Дуреко Е.Ю. Миф «Екатеринбург — третья столица» и его герои // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 113–119.
4. Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
5. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
6. Замятин Д. Геокультурный брендинг территорий. Методология и методика // Библиотечное дело. 2015. № 4. С. 5–10.
7. Новиков В. Литературные медиаперсоны XX века: Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М.: Аспект Пресс, 2017.
8. Зуева Г.С. Медиаобраз современного писателя в аспекте интерпретации его произведений (на примере интервью Дины Рубиной) // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 192–203. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).192-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).192-203)
9. Черняк М.А. Модная литература в контексте трендов и брендов // Библиотечное дело. 2011. № 24 (162). С. 2–5.
10. Дубин Б. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010.
11. Абашева М.П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001.

12. *Хугаев И.С.* Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Владикавказ, 2010.
13. *Дубин Б.* Слово — письмо — литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001.
14. Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017.
15. «Книга обнимает всего один век — зато какой век!». Беседа Елены Созиной с главным редактором журнала «Гостиный двор» Натальей Кожевниковой // Гостиный двор. Оренбург, 2021. № 1 (17). С. 343–346.
16. *Литовская М.А., Белимов В.Н.* Екатеринбург равен всему Уралу. И в этом проблема. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4 (37). С. 26–33.
17. *Колпакова О.* Литературная премия имени В.П. Крапивина // Детские чтения. 2012. № 1. Т. 1. С. 191–196.
18. *Бобылёва М.С., Подлубнова Ю.С.* Поэтика феминизма. М.: АСТ, 2021.
19. *Подлубнова Ю.С.* Алексей Сальников: Литературная репутация и персональный бренд. Локальное vs Глобальное // Labirinth. Теории и практики культуры. 2022. № 3. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.54347/Lab.2022.3.6>.
20. *Купцова О.Н.* «Новая драма» по-уральски: взгляд из столицы // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург: Союз писателей, 2006. С. 346–354.
21. *Подлубнова Ю.С.* Уральская поэтическая школа: фантом или реальность? // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. С. 1836–1851. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.764>.
22. Уральская поэтическая школа: энциклопедия. Челябинск: Десять тысяч слов, 2012.
23. *Созина Е.К.* Нижний Тагил в современной поэзии Урала. Екатерина Симонова // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 114–122. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-114-122](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122).

References

1. Litovskaya, M.A. 2011. “Ural Geniuses of Place and Forms of Their Memorialization”. In *Literary Museum in the Modern World*: OMPU publ. Pp. 74–81. Print. (In Russ.).
2. Mel'nikova, S.V., and E.A. Kislova. 2015. P.P. “Bazhov — geniusloci and Ekaterinburg brand”. In *Modern city: power, management, economy*. Perm. Pp. 261–271. Print. (In Russ.).
3. Soboleva, E.G., and E.Yu. Dureko. 2009. “The myth “Ekaterinburg is the third capital” and its heroes”. *Ural Historical Journal* 1 (22): 113–119. Print. (In Russ.).
4. Kotler, F., K. Asplund, Khaider, D., and I. Rein. 2005. *Place marketing. Attracting investments, businesses, residents and tourists to cities, communes, regions and countries of Europe*. Saint Peterburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge publ. Print. (In Russ.).
5. *Territory branding. Best global practices*. 2013. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber publ. Print. (In Russ.).
6. Zamyatin, D. 2015. “Geocultural branding of territories. Methodology and Methods”. *Bibliotechnoe delo* 4: 5–10. Print. (In Russ.).
7. Novikov, V. 2017. *Literary Media Persons of the 20th Century: The Personality of the Writer in the Literary Process and in the Media Space*. Moscow: Aspekt Press publ. Print. (In Russ.).
8. Zueva, G.S. 2020. “Media Image of a Contemporary Writer Via Interpretation of Their Texts (By The Example of Inwerviews With Dina Rubina's)”. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 9 (1): 192–203. Print. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).192-203](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).192-203)
9. Chernyak, M.A. 2011. “Modern literature in the context of trends and brands”. *Bibliotechnoe delo* 24 (162): 2–5. Print. (In Russ.).
10. Dubin, B. 2010. *Classic, after and next. Sociological essays on literature and culture*. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.).
11. Abasheva, M.P. 2001. *Literature in search of a face (Russian prose at the end of the 20th century: the formation of an author's identity)*. Perm: Izd-vo Perm. un-ta publ. Print. (In Russ.).

12. Khugaev, I.S. 2010. “Ossetian Russian Literature: Genesis and Formation”: Doctoral Thesis. Vladikavkaz. Print. (In Russ.).
13. Dubin, B. 2001. Word — writing — literature. Essays on the sociology of modern culture. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.).
14. Literary Ekaterinburg: encyclopedic dictionary. 2017. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi publ. Print. (In Russ.).
15. “Kniga obnimaet vsego odin vek — zato kakoi vek!” Elena Sozina’s conversation with Natalia Kozhevnikova, Editor-in-Chief of Gostiny Dvor magazine. 2021. Gostiny dvor 1 (17): 343–346. Print. (In Russ.).
16. Litovskaya, M.A., V.N. Belimov. 2021. “Ekaterinburg is equal to the entire Urals. And therein lies the problem. Interview”. Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie 4 (37): 26–33. Print. (In Russ.).
17. Kolpakova, O. 2012. “V. P. Krapivin Literary Prize”. Detskie chteniya 1 (1): 191–196. Print. (In Russ.).
18. Bobyleva, M.S., and Yu.S. Podlubnova. 2021. Poetics of feminism. Moscow: AST publ. Print. (In Russ.).
19. Podlubnova, Yu.S. 2022. “Alexey Salnikov: Literary reputation and personal brand. Local vs Global. Labirinth”. Theory and Practices of Culture 3: 69–78. Print. (In Russ.).
20. Kuptsova, O.N. 2006. “‘New drama’ in the Urals: a view from the capital”. In Literature of the Urals: history and modernity. Vol. 2. Ekaterinburg: Soyuz pisatelei publ. Pp. 346–354. Print. (In Russ.).
21. Podlubnova, Yu.S. 2022. “Ural poetic school: phantom or reality?” Quaestio Rossica 10 (5): 1836–1851. Print. (In Russ.).
22. Ural poetic school: Encyclopedia. 2012. Chelyabinsk: Desyat’ tysyach slov publ. Print. (In Russ.).
23. Sozina, E.K. 2021. “Nizhny Tagil in modern poetry of the Urals. Ekaterina Simonova”. Ural Historical Journal 1 (70): 114–122. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Подлубнова Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: tristia@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5210-0861

Bio Note:

Yulia S. Podlubnova is a Candidate of Philology, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tristia@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5210-0861

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-394-400
EDN: JUWBVF

Интервью

Феномен литературы Урала

А.А. Арзамазов¹ , Е.К. Созина²

¹Казанский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

²Институт истории и археологии УрО РАН,
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Россия
 arzami@rambler.ru

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А., Созина Е.К. Феномен литературы Урала // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 394–400.
DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>

Interview

The Phenomenon of Ural Literature

Aleksey A. Arzamazov¹ , Elena K. Sozina²

¹Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

²Institute of History and Archeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
620108, Yekaterinburg, st. S. Kovalevskoy, 16, Russia
 arzami@rambler.ru

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A., and E.K. Sozina. 2023. “The Phenomenon of Ural Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 394–400.
DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>

На горизонте отечественной гуманитаристики не так часто появляются труды, приятно удивляющие одновременно своими масштабами,

© Арзамазов А.А., Созина Е.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

высотой замысла, глубиной исследования, гармоничным сосуществованием ученых из разных академических и университетских центров. К числу таких знаковых фундаментальных историко-филологических работ относится большой, содержательно сложный проект «История литературы Урала». Он включает в себя несколько томов и охватывает значительные временные периоды, пространственные границы и этнокультурные миры. Наш собеседник — один из идейных лидеров проекта, известный литературовед из Екатеринбурга, доктор филологических наук, профессор Елена Константиновна Созина.

АА: Елена Константиновна, изначально Вы — специалист по классической русской словесности. Каким образом в Вашей научной биографии случился «литературный» Урал? Каковы предпосылки такого «переключения»?

ЕС: Вообще-то в моей жизни бывали разные «сближения» и даже повороты, но всегда оставалось и некое постоянство — возможно, это судьба, не знаю. Так, дипломное сочинение об А.Л. Волынском, критике-декаденте, модернисте начала XX в., я писала у профессора Уральского госуниверситета И.А. Дергачёва (которого считаю своим учителем), причем в те годы это был непростой шаг — можно сказать, вызов. Работала я в разных местах, и до кафедры русской литературы — на кафедре педагогики, психологии и частных методик УрГУ. И кандидатская, и докторская диссертация, действительно, проходят у меня по русской классической литературе XIX в. Но И.А. Дергачёв — патриот своего края, один из зачинателей научного исследования истории литературы Урала — еще в годы начала моей педагогической деятельности привлек меня и некоторых других своих аспирантов или бывших студентов к этой очень специфической области науки — изучению региональной литературы. Тем более что в 1980-е гг. на базе Уральского университета была создана целая программа «Духовная культура Урала», куда входила и программа комплексного исследования литературы региона. Тогда работа была только начата, но не продолжена, ибо вскоре началась перестройка. В 1991 году И.А. Дергачёв умер, его дело попытался продолжить Ю.А. Мешков, также профессор нашего университета, но он вскоре уехал в Тюмень, и все остановилось. Лишь ближе к середине 2000-х гг. академик В.В. Алексеев, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, решил возобновить прерванную эстафету, каким-то образом руководство Института вышло на меня, и собравшаяся творческая группа из исследователей-преподавателей создала небольшой план-проспект по истории литературы Урала (Екатеринбург, 2005). Мы начали проводить научные конференции «Литература Урала: история и современность», собирать исследователей со всей страны, таким образом, колесо закрутилось быстрее прежнего. Однако я бы не стала отделять региональную литературу от общероссийской и национальной, это все звенья одной цепи.

АА: Какое место Урал как самобытное художественное пространство занимает в истории русской литературы? На Ваш взгляд, для русского писателя / читателя это в большей степени terra incognita или один из важнейших символических центров культуры, ее ключевых метафизических хронотопов?

ЕС: Мы об этом много думали и продолжаем думать, ибо хотя теперь, как кажется, всей нашей общественностью признана важность *научного* (подчеркиваю: не просто краеведческого) изучения региональной литературы, до сих пор подчас возникают вопросы и сомнения: насколько Уральский регион одарен самостоятельной литературно-художественной традицией, можно ли ее отделять от общерусской и общероссийской литературы, на каких основаниях и т.п. Вот также и с Уралом. Традиционно считается, что Урал, как сказал поэт, — «опорный край державы», он славен прежде всего железом, самолетами и тракторами, в общем, своим пролетарско-рабочим прошлым, еще не совсем ставшим историей. Сюда привозили крестьян со всей Российской империи (Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Три конца» это хорошо изобразил), наш Екатеринбург строился как «горный город» (в XVIII в. — один на всю Россию), и понятно, что в те времена людям было не до изящной словесности. Но заметим, что в истории крайне редко бывают периоды, когда людям больше нечем заняться, как только искусством, культурой, всегда есть дела поважнее, и тем не менее, вопреки объективной необходимости и сугубо материальным запросам искусство и культура живут и развиваются. Так и у нас в регионе: приезжим нужна была словесность, нужны были книги — благодаря им люди духовно приживались на чужой земле, тем более что здесь существовали самобытные этнические традиции автохтонных народов, и с ними взаимодействовала русская культура пришлых, переселенцев. Собственно литературный процесс на Урале начал развиваться лишь во второй половине XIX в. — до того существовали немногочисленные культурные центры и «гнезда». Д.Н. Мамин-Сибиряк ввел Урал как полноправного участника в литературное и культурное пространство России, хотя свои писатели и поэты здесь были и раньше, но культурной среды, некоего духовно-энергетического потенциала не хватало, чтобы совершить рывок вперед и вдаль, к сердцу России. А у Мамина-Сибиряка всего этого хватило, он очень любил свой Урал, хотя в поздние годы и уехал жить в Петербург. Вот интересный парадокс, сохраняющийся до сих пор: уезжают те, кто любит это место и считает его своеобразным центром «своей» вселенной. Уезжают, любят и помнят. А сегодня Урал, конечно, ключевой «хронотоп», достаточно вспомнить, сколько и каких авторов он «произвел на свет» в последние годы, как «засветился» на литературной карте страны.

АА: Может ли идти речь об историко-культурном, мировоззренческом единстве Урала? Или Урал — несколько искусственно собранные «множественные миры»?

ЕС: Создавая свою академическую историю литературы Урала, мы стремились и стремимся рассматривать его как целостный, хотя весьма не однородный регион. Здесь исторически сложилась целая сеть различных культурных традиций: «горнозаводская цивилизация», известная всем по выступлениям писателя А. Иванова (хотя термин ввел в 1920-е гг. пермский профессор П.С. Богословский), казачья культура южных территорий, географически близкая ей степная культура тюркских народов того же Южного Урала, особые субкультуры лесных народов удмуртов, коми, манси. Неслучайно географ М. Крылов назвал наш Урал «регионом-страной». Историко-культурное единство, я считаю, есть, а вот говорить о мировоззренческом единстве сегодня сложно, да и всегда было непросто: какое единство взглядов может быть у мастеровых и хозяев завода? Хотя что-то их все равно объединяло — гордость за свой завод, за свое дело, а у рабочих — то, что сказано Мандельштамом: «Есть блуд труда — и он у нас в крови».

АА: Если говорить о невидимых культурных границах... Где, по Вашему мнению, начинается и заканчивается Урал? Совпадают ли его «внешние» границы с «внутренними»?

ЕС: Мы обычно говорим о «Большом Урале», границы которого исторически подвижны и далеко не всегда совпадают с административным картографированием региона. Тем более что духовные или внутренние границы — понятие весьма относительно. В духовном плане, на мой взгляд, границ вообще нет и быть не может. «Уральцем» может себя ощущать и человек, живущий в Лондоне, например, я так воспринимаю Олега Дозморова, хотя, возможно, он скажет иначе. Но культурные границы, наверное, есть, хотя это примерно то же, что вопрос об уральской идентичности: трудно уловить, потрогать, трудно выразить вербально. Однако в сравнительном аспекте эти границы ощутимы: между Уралом и Волго-Вятским регионом, Уралом и Сибирью. Люди разные, их характеры, привычки, даже иногда образ жизни, природа разная, а она оказывает формирующее влияние на национальный характер.

АА: Есть ли основания в научно-гуманитарном плане актуализировать тему уральской идентичности? Кого из живших и творивших на Урале писателей Вы бы назвали ее ярким выразителем? Кто наиболее полно, оригинально смог художественно раскрыть, представить дух этой земли?

ЕС: Да, уральская идентичность существует — как и идентичность любой другой локальности, относительно целостной и осознающей себя. Е. Колтоновская в статье 1913 г. в связи с творчеством Мамина-Сибиряка так писала об особой породе «уральцев»: «Там люди прочные, закаленные в борьбе с суровой природой и всякими невзгодами. Смешанный состав населения, происшедшего от всякого рода протестантов, религиозных и общественных, создал особенную породу людей. К славяно-русской расплывчатости и мягкости история примешала новую уравнивающую черту: выдержку и упорство». Она же отметила различие двух граничащих регионов — Урала

и Сибири: «Сибирь — отрезанный ломоть, у нее свой прочно сложившийся уклад, и сибиряки его ревниво оберегают, гордясь Сибирью и не стремясь в Россию. А Урал — это перепутье; у него, пожалуй, больше общего с Россией, чем с Сибирью, там даже “травка старается перебраться в Рассею”». Урал — это действительно регион-медиатор, когда-то бывший фронтиром. Перейти «через Камень» — говорили землепроходцы в прежние времена. Свои «посреднические» функции Урал сохраняет и сегодня, что не отменяет его особенности. Кто выразил уральскость ярче всего? Да тот же Мамин-Сибиряк и несколько раньше писавший «горнозаводские романы» Ф.М. Решетников (правда, его нынче почти не читают: труден для восприятия); обязателен в этом ряду П.П. Бажов — настоящий «гений места»; из современных авторов — Алексей Иванов, в исторических романах замечательно показавший освоение региона; наш екатеринбургский поэт и писатель Майя Никулина, оставившая об Урале несколько поистине кодовых фраз («Камень, пещера, гора», «Урал — это камень» и «Урал — это угры и арии»); Юрий Казарин с замечательными стихами: «Теперь не уступлю ни пеклу, ни потоку / моей души рабочий монастырь, / мой азиатский дом с воротами в Европу / и огород с простором на Сибирь»; Николай Коляда — драматург, писатель, основатель новой школы «уральской драматургии», директор и режиссер своего уникального театра; Виталий Кальпиди, живущий в Челябинске и придумавший сначала Уральскую поэтическую школу, а потом Уральское поэтическое движение, дружно подхваченное нашей поэтической братией; ценю поэзию Влада Шихова из Ижевска — очень тонкая, даже порой изящная лирика. Да много их, всех не перечислишь, хотя надо бы. (Вот Бориса Рыжего не назвала — а как без него и Уралу, и Екатеринбургу?)

АА: Осуществленный при Вашем непосредственном «дирижировании», состоящий из нескольких книг труд «История литературы Урала» без преувеличения — один из наиболее значительных и знаковых в отечественной гуманитаристике научно-исследовательских проектов современности. С чего все началось и чем должно закончиться?

ЕС: С чего все началось, я сказала выше, а чем должно закончиться — еще двумя томами, посвященными истории нашей литературы XX и начала XXI в.

АА: С какими проблемами Вы, авторский коллектив столкнулись в ходе написания, реализации «Истории литературы Урала»?

ЕС: Проблем много, не исчерпались они и сейчас. Коротко назову: во-первых, трудно найти сведущих авторов-исследователей, которые за мизерную оплату или вовсе без оной занимались бы исследованием своего участка нашей большой литературной территории. Это прежде всего исследовательская работа, она требует нетривиальных знаний, любви к краю, умения и желания изучать его историю, сидеть в архивах и библиотеках и т.д. и т.п. Многого требует. И умения писать, конечно

же! Таких исследователей выращивать нужно долго, они штучны, это долгая и кропотливая работа, которой в наше время не очень много желающих заниматься, мягко говоря; во-вторых, материально-финансовые трудности: нужны командировки, нужно дополнительное время, деньги на оплату труда. Наш Институт истории и археологии идет нам навстречу и частично оплачивает труд исследователей, не являющихся постоянными сотрудниками института. Но, например, получить грант на региональные исследования от общероссийских фондов (а из них остался, по сути, один — РНФ) чрезвычайно трудно, последний раз года два назад даже о Мамине-Сибиряке, к его 170-летию, нашу заявку не поддержали. В общем, все здесь очень непросто.

АА: Насколько, на Ваш взгляд, актуально создание подобных параллельных проектов на примере других историко-культурных зон, регионов?

ЕС: Я думаю, все равно актуально, несмотря на трудности. Есть мнение, что время коллективных проектов прошло, многие удивляются и буквально дивятся нашей работе. Сейчас исследователи в основном работают на особицу, на баллы, на Скопус и ВОС. Но гуманитарная наука, да и любая другая, нуждается в таких проектах: нужна общность, чувство локтя, защита и выражение «своего» дела и своего места. Собираение таких масштабных коллективных исследований позволяет по-другому оценивать себя и свой вклад в науку, в культуру своего региона и своей страны. Ты видишь иначе и себя, и коллег, и свой труд, и место, землю, где живешь и хранителем памяти которой ты выступаешь.

АА: Какую роль в «Истории литературы Урала» играют национальные литературы? Можно ли заключить, что художественное пространство Урала — это перекрестье языков, культур, картин мира?

ЕС: Урал — полиэтничный регион, буквально «котел» народов, причем особых споров, конфликтов, тем более вооруженных, в его истории не так уж много, они происходили лишь на заре освоения территории русскими пришельцами. А уж более мирных народов, чем удмурты и коми, мне кажется, и найти трудно. Национальные литературы для нас не менее, а может быть, и более важны, чем литература русская, ведь они здесь прорастали, это их земля, их почва. Поэтому наша задача — показать все литературы в их самостоятельной цельности и ценности и во взаимодействии с другими традициями, не обязательно русскими, но и финно-угорскими, тюркскими, возможно, и иными. За время нашего совместного труда мы очень сдружились, и как можно дальше работать без В.М. Ванюшева, А.В. Камитовой, В.А. Лимеровой, П.Ф. Лимерова, М.Х. Надергулова — я даже не представляю. (Здесь тоже назвала не всех.)

АА: Вы и как исследователь, и как редактор, организатор научной работы неоднократно обращались к текстам и контекстам, представляющим национальные литературы. Как стороннему наблюдателю какой Вам

представляется художественная реальность удмуртской, коми, башкирской литератур? Может ли она быть интересной для большой русскоязычной (мировой?) читательской аудитории?

ЕС: Я не очень хорошо знаю современную художественную литературу наших народов, XX век в написании истории словесности Большого Урала у нас еще впереди. Но из того, что знаю, мне очень интересны все наши литературы и многие литераторы: совершенно оригинальные фигуры коми писателей и поэтов Ивана Куратова, Каллистрата Жакова, Геннадия Юшкова, удмуртских авторов — моих любимых Ашальчи Оки и Кузубая Герда, Флора Васильева, башкирских и татарских — Мустая Карима, Мусы Джалиля, Мажита Гафури; а северные писатели, появившиеся ближе к концу прошлого века?! Анна Неркаги, Еремей Айпин, Юван Шесталов... Это все неумирающая классика, их будут читать долго, думаю — всегда.

Сведения об авторах:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Созина Елена Константиновна — доктор филологических наук, профессор, заведующий центром истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: elenasozina1@rambler.ru
ORCID 0000-0002-7462-4153

Bio Notes:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Elena K. Sozina is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Center for the History of Literature, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: elenasozina1@rambler.ru
ORCID 0000-0002-7462-4153